

НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА

NACIONĀLĀS
ATTIECĪBAS
UN IDEOLOGISKĀ CĪNA

P. Stučkas LŅU

Zinātniskā
komunisma
katedra

ЛГУ им. П. Стучки

Кафедра
научного
коммунизма

Nacionālās attiecības un ideoloģiskā cīņa: Zinātnisko rakstu krājums. - Rīga: P.Stučkas LVU, 1982. - 148 lpp.

Rakstu krājums veltīts PSRS izveidošanas 60.gadadienai. Tas turpina 1974.gadā iesākto rakstu krājumu tematiku, kurā bija dota dažādu buržuāziskās politikas un ideoloģijas aspektu kritika.

Krājumā ievietotajos rakstos tiek analizēti svarīgi nacionālo attiecību aspekti, kuros mūsdienās notiek asa ideoloģiskā cīņa. Tiek atmaskoti nacionālo attiecību un Latvijas Komunistiskās partijas nacionālās politikas izplatītākie falsificējumi mūsdienu rietumu sovetoļu, tai skaitā arī latviešu emigrantu, darbos.

Krājums var noderēt visiem sabiedrisko zinātņu docētājiem, studentiem, lektoriem un propagandistiem.

Сборник посвящен 60-летию образования СССР, продолжает тематику сборников статей по вопросам критики буржуазной политики и идеологии, издающихся с 1974 года.

Статьи сборника освещают важные направления современной идеологической борьбы по проблемам национальных отношений применительно к конкретным условиям Латвийской ССР. В них разоблачаются наиболее распространенные среди современных, советологов, в том числе среди латышской националистической эмиграции, фальсификации национальных отношений и национальной политики КП Латвии.

Сборник рассчитан на преподавателей общественных наук, студентов, а также на лекторов и пропагандистов.

REDKOLĒGIJA:

F.Rajevska (atb.redaktors), I.Apine, M.Duhanovs,
A.Klauss, R.Pālinš

Publicēts saskaņā ar P.Stučkas LVU
Izdevniecības padomes lēmumu

N 10504-125u Izm.82.0302030000
M 812(11)-82

© P.Stučkas Latvijas
Valets universitāte,
1982

LVU ZINĀTNISKA
BIBLIOTĒKA
2024-19-82

КРИТИКА НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ПОЛИТИКИ КПСС В ОБЛАСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Важным направлением идеологической работы партии в период развитого социализма является патриотическое и интернационалистское воспитание трудящихся. "Священный долг партии — воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине" (8, с.57), подчеркнул Л.И.Брежнев на XXVI съезде КПСС.

Вопросы патриотического и интернационалистского воспитания приобретают особую значимость в современных условиях идеологической борьбы на мировой арене, когда антикоммунизм делает ставку на национализм, пытается разобщить народы СССР, мировую социалистическую систему, международное коммунистическое и рабочее движение, отравить сознание трудящихся масс ядом буржуазного национализма. В этой связи идеологи буржуазии обрушиваются на ленинскую национальную политику КПСС с целью дискредитации ее осуществления в СССР, а также сущности интернационалистских отношений советского народа с другими народами.

Учитывая актуальность проблем патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся, необходимость постоянного, решительного, аргументированного отпора любым попыткам идеологов буржуазии извратить их, а также степень исследованности этого вопроса в советской литературе, автор в данной статье ставит задачу: дать критический анализ наиболее распространенных современных буржуазных фальсификаций политики КПСС в области патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся в СССР, акцентируя особое внимание на опровержении домыслов антикоммунистов относительно осуществления этой политики в республиках Советской Прибалтики.

Для современной буржуазной советологии характерно на-

вращение патриотизма, противопоставление патриотизма и интернационализма. Типичным приемом советологов является использование произведений классиков марксизма-ленинизма, преследующее цель — подвести научную основу под свои надуманные выводы. При этом они, как правило, произвольно выдергивают те или иные цитаты, положения из учения К. Маркса и В.И. Ленина, взятые безотносительно к конкретно-исторической обстановке, совокупности других положений и теоретических воззрений вождей пролетариата, и выдают их за желаемую точку зрения.

Так, руководствуясь стремлением принизить значение патриотизма в исторической классовой борьбе пролетариата, советолог Ф.о'Делл утверждает, что Маркс "никогда не верил в возможность построения социализма в одной стране, и поэтому никогда не писал о чувстве, присущем гражданину "социалистической родины"... Маркс рассматривал патриотизм как умирающее явление, он считал, что классовые узы более важные, чем национальные" (17, р.38).

Здесь налицо подмена понятий, нарочито поверхностное, одностороннее изложение отдельных сторон учения Маркса, стремление приписать классикам марксизма-ленинизма недооценку национального фактора.

К.Маркс и Ф.Энгельс прежде всего подчеркивали, что главное деление в антагонистическом обществе — классовое и что осуществить переустройство общества на коммунистических началах можно лишь путем последовательной классовой борьбы, социалистической революции. Экономическое положение пролетариата интернационально, классовый враг его интернационален, условия освобождения тоже интернациональны. В этом смысле Маркс и Энгельс в "Манифесте коммунистической партии" указали, что пролетариат не имеет отечества. Однако в том же Манифесте Маркс и Энгельс показали не только классовую, но и патристическую сущность пролетарского интернационализма. Рабочий класс выступает и как класс-патриот, для которого не безразличны судьбы своего отечества, прогрессивное будущее своей нации(1, с.444).

Патриотизм рабочего класса, который возглавляет борь-

бу всех трудящихся за свое социальное и национальное освобождение, тесно связан с интернационализмом и коренным образом отличается от буржуазного патриотизма. Патриотизм рабочего класса направлен на ликвидацию господства капиталистических отношений, утверждение в своей стране подлинно справедливого социального строя без угнетения и эксплуатации. А эта цель является и общей интернациональной целью трудящихся всех стран. Таким образом, национальные и интернациональные интересы пролетариата находятся в диалектическом единстве.

Маркс и Энгельс были противниками противопоставления национальных и интернациональных интересов рабочего класса и подчеркивали необходимость считаться с учреждениями, правами и традициями различных стран.

"В рабочем движении, — указывал Энгельс, — подлинно национальные идеи... в то же время всегда являются и подлинно интернациональными идеями" (2, с. 374) "...интернациональный союз возможен только между нациями, чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включается, следовательно, в само понятие интернационализма" (3, с. 74).

Не менее тенденциозна и попытка советологов привлечь в качестве "единомышленника" своих воззрений В.И. Ленина. "В.И. Ленин, — пишет Ф.о'Делл, — редко упоминает патриотизм или национализм без того, чтобы квалифицировать его такими унижительными эпитетами, как отвратительный или мелкобуржуазный" (17, р. 38).

Нетрудно убедиться, что вся эта словесная эквилибристика применяется для того, чтобы подвести читателя к мысли, что якобы советский патриотизм не связан ни с марксистским, ни с ленинским пониманием сущности патриотизма.

Как явствует из рассуждений советологов, они подменяют понятие патриотизма национализмом, игнорируют классовый подход к патриотизму, которым руководствовались классики марксизма-ленинизма при анализе этой проблемы.

Большевистская партия с самого начала своего существования вела последовательную непримиримую борьбу против

буржуазного и мелкобуржуазного национализма, буржуазно-помещичьего патриотизма, отставивая идею пролетарского интернационализма. В.И. Ленин был сторонником классово-пролетарского, конкретно-исторического подхода к отечеству и патриотизму. "Пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны. Но судьбы его страны его интересуют лишь постольку, поскольку это касается его классовой борьбы, а не в силу какого-то буржуазного, совершенно неприличного в устах с.-д. "патриотизма" (5, с.190).

Руководствуясь принципами классового и конкретно-исторического подхода, большевистская партия в годы первой мировой войны разоблачала лозунг буржуазного патриотизма и выдвинула интернационалистский революционный лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. В статье "О национальной гордости великороссов" Ленин разъяснял классовое содержание национальной гордости пролетариата, которому отнюдь не чуждо чувство патриотизма: большевики любят свой язык, свою родину. Однако чувство национальной гордости в полной мере проявляется в революционной борьбе за свободную, независимую, демократическую Россию, строящую свои отношения с другими народами на основе равноправия.

В результате победы социалистической революции сформировался и получил развитие социалистический патриотизм. В.И. Ленин подчеркивал его коренное отличие от патриотизма мелкой буржуазии, наглядно раскрывшееся во время заключения Брестского мира. Социалистический патриотизм, проявленный Коммунистической партией во главе с Лениным, заключается в сохранении и укреплении Советской власти, молодого советского государства, хотя пришлось пойти на временные жертвы и компромиссы, необходимость которых не принимал слепой патриотизм мелких буржуа. В ходе борьбы Советской республики за мир проявилось единство патриотизма и интернационализма. В отличие от авантюристической революционной фразы "левых коммунистов" об объявлении революционной войны им-

периализму якобы для защиты интересов мировой революции, интернационализма, большевики стремились прежде всего сохранить Советскую власть как колыбель мировой революции и выступили против искусственного подталкивания революции в других странах.

Социалистический патриотизм - прямое продолжение патриотизма рабочего класса. Он впитал в себя верность прогрессивным традициям культуры и освободительной борьбы. Социалистический патриотизм прежде всего характеризуют высокая идейность граждан, отождествляющих судьбы нации, Родины с судьбами социализма, верность морально-политическим принципам нашего общества. Социалистический патриотизм выражается в добросовестном труде на благо общества, в защите завоеваний социализма (15, с. 54-56).

В работах некоторых советологов наблюдается довольно распространенный прием: противопоставить национально-этнический аспект патриотизма - любовь к земле предков, родному языку - общесоветскому. "Может ли огромное государство быть в то же время родиной и отечеством? Может ли многонациональное государство выработать чувства, приемлемые и для патриотизма родины и национального патриотизма?" - риторически вопрошает советолог Л.Кристоф (18, p. 216).

Советский патриотизм органически включает национальную гордость, верность прогрессивным самобытным традициям своей нации. Однако основное в социалистическом отечестве - общественный строй. Родиной для истинного патриотизма является вся Советская страна.

Определяющая черта советского патриотизма - его неразрывная связь с пролетарским интернационализмом.

Принцип пролетарского интернационализма был положен в основу международной политики Советского государства. Кроме того, с образованием мировой системы социализма утвердился социалистический интернационализм как качественно новый принцип отношения между государствами и народами. "Социалистический интернационализм - это высокая ответственность за судьбы социализма не только в своей стране,

но и во всем мире. Это - высочайшее уважение к национальным и историческим особенностям развития каждой страны и решимость оказывать самую широкую поддержку друг другу" (6, с. 424). Поэтому КПСС воспитывает в советских людях чувство международной классовой солидарности со всеми народами, борющимися за свое социальное и национальное освобождение. КПСС неразрывно связывает успехи коммунистического строительства в СССР с развитием и сплочением всех прогрессивных сил человечества, что и создает объективную основу единства советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Именно это единство советского патриотизма и пролетарского интернационализма оспаривают советологи, изощряясь в аргументации и системе доказательств. Наиболее распространенным является утверждение, что будто бы интернационализм не существует на практике, он выступает как одна из сторон патриотизма, полностью подчиняется ему. Советологи либо открыто отстаивают излюбленную буржуазную версию об экспансионистском характере внешней политики КПСС, либо под любым предлогом стремятся умалить значение интернационализма и исказить само понятие патриотизма.

Вот, к примеру, рассуждения Ф.о'Делл. "Патриотические чувства в СССР находятся в конфликте с обязательствами по отношению к человечеству. Конечно, патриотизм не превращается в агрессивность, - оговаривает автор, - но акцент на военные средства (даже с целью защиты) означает, что патриотические интересы не являются просто научными или художественными" (17, р.88).

Противопоставление советского патриотизма и интернационализма, отождествление патриотизма с национализмом характерно и для английского профессора Н.Гранта, автора объемистой монографии "Советское образование". "Несмотря на акцентирование внимания к принципу пролетарского интернационализма, система имеет прочные корни в традиционной Российской империи. Советский патриотизм означает не только любовь к социалистической родине, он содержит также

сильный оттенок открытого русского национализма" (20, р. 31).

Спекулируя на классовом характере принципа пролетарского интернационализма, означающего поддержку интересов трудящихся, содействие осуществлению всемирно-исторической миссии рабочего класса - уничтожению капитализма, советологи объясняют его как результат чисто прагматических соображений; не отвечающих интересам человечества. Они уверяют, что "отношение СССР к другим государствам определяется не столько наличием справедливости или равенства в том или ином государстве, а отношением этой страны к СССР" (15, р. 106, 186).

Как известно, КПСС всегда подчеркивала взаимосвязь полной и окончательной победы социализма, национальных и интернациональных задач советского народа. "Интернационализм на деле - один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах", - указывал В.И. Ленин (4, с. 170). Успехи социалистического и коммунистического строительства в СССР и странах социализма оказывают благоприятное воздействие на развитие мирового революционного процесса, и именно пролетарский интернационализм, поддержка трудящимися всего мира Советского государства, мировой системы социализма укрепляют ее мощь и способствуют успешному решению внутренних задач.

Таким образом, интересы Родины, коммунистического строительства в СССР диктуют необходимость укрепления солидарности с освободительной борьбой трудящихся всего мира за мир, демократию и социализм, что обуславливает органическую связь социалистического патриотизма и интернационализма, а не поглощение интернационализма патриотизмом.

Конечно, как всякое диалектическое единство, сочетание социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма не исключает некоторых противоречий, возникающих в силу конкретно-исторических условий. Например, в

послевоенный период Советская страна, испытывая огромные трудности и лишения, оказывала экономическую помощь народам стран народной демократии, выполняя свой интернациональный долг. Однако, эти противоречия не затрагивают суть национальных и интернациональных интересов советского народа, их неразрывное единство и разрешаются на основе общности коренных классовых интересов трудящихся всего мира.

В своей политике в области патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся КПСС также исходит из единства этих принципов, широко пропагандирует идеи интернационализма, необходимости укрепления дружбы и сотрудничества, взаимопомощи со странами социализма, поддержки борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, показа исторических преимуществ социализма.

Элементы интернационалистского воспитания закладываются еще со школьной скамьи и формируются всем укладом социализма, миролюбивой внешней политикой Советского государства.

Хотя в ущерб исторической правде в писаниях советологов по-прежнему превалирует версия, будто интернационалистскому воспитанию у нас уделяется значительно меньше внимания, чем патриотическому, все же в некоторых из них можно встретить справедливую оценку большой и успешной работы партии по формированию у советских людей уже с детства чувства интернациональной солидарности с трудящимися других стран (17, р.84).

Вопросы патриотического и интернационалистского воспитания советских людей имеют не только внешнеполитическую, но и крайне важную в условиях многонационального государства внутреннюю сторону: воспитывать всех советских людей в духе дружбы и братской солидарности.

В период развитого социализма, когда возрастает значение объединенных усилий всех советских республик, народов СССР в осуществлении задач коммунистического строительства, КПСС уделяет всестороннее внимание интернационалистско-патриотическому воспитанию трудящихся. Это нашло отражение в решениях съездов партии, пленумов ЦК, постановлениях

партий и правительства, других партийных документах, где разработаны научные основы, содержание, формы и методы патриотического и интернационалистского воспитания, конкретные рекомендации для деятельности партийных организаций советских республик.

КПСС прежде всего заботится о воспитании советских людей в духе любви к социалистической Родине, широко используя прогрессивные национальные традиции народов СССР, славное революционное прошлое нашей страны, героическую победу советского народа в Великой Отечественной войне. В этой связи следует отметить воспитательную роль таких важных общественно-политических мероприятий, как празднование пятидесятилетия образования СССР, тридцатилетия Победы в Великой Отечественной войне, 60-летия Великого Октября, 100-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина.

В современной буржуазной советологии еще бытует тенденция свести основную роль патриотического воспитания к "самоузнаванию" советского режима, руководящей роли КПСС. Однако в буржуазной историографии все чаще появляются трезвые и объективные суждения об эффективности патриотического воспитания в СССР. "Советское патриотическое воспитание действительно имеет некоторые реальные результаты и успехи... В то время, как молодежь Запада склонна быть антигосударственной и антипатриотичной, советская молодежь принимает основные ценности Родины и государства", признает Ф.о'Делл. Автор анализирует результаты социологических исследований советской молодежи, проведенные советскими учеными и свидетельствующие о том, что патриотические мотивы ценятся очень высоко среди причин выбора профессии (17, р.237-238).

Английский советолог А.Крейслер приводит оценку американских учителей, посетивших ряд учебных заведений в СССР. "Для советской молодежи характерно серьезное отношение к жизни, работе, то, чего не найти в других странах" (21, р.173).

Тем не менее, буржуазные идеологи не жалуют средств и усилий, чтобы опорочить политику КПСС в области патриотического воспитания.

тического и интернационалистского воспитания советских людей. Характерной особенностью буржуазных воззрений является ложное толкование принципа советского патриотизма путем противопоставления его развитию национального. Так, например, английский советолог А. Штротман интерпретирует статью 36 Конституции СССР таким образом, что якобы воспитание граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма означает лишь обязательства по отношению к СССР в целом, а не в какой-то отдельной нации, в него входящей. Советолог огульно отождествляет эти принципы с "открытой декларацией политики, прямо направленной на полное лишение советских людей национальных черт" (20, p.267).

Не менее ошибочна и оценка советского патриотизма, даваемая А. Крейслером. Автор сужает и соответственно искажает значение советского патриотизма, сводя его к необходимости изучения русского языка (21, p.52).

В одной из последних статей известного западногерманского советолога Б. Мейснера "XVI съезд КПСС и советская внутренняя политика" уделяется довольно много внимания советской национальной политике, которая якобы "осложнила" национальный вопрос в СССР". По мнению Б. Мейснера, "советское руководство, хотя и продолжает говорить об интернационализме и едином советском народе, в действительности усилило политику русификации" (22, p.20).

Как вытекает из рассуждений буржуазных теоретиков, все они одержимы стремлением обвинить советскую национальную политику в русификаторских тенденциях, а деятельность КПСС по формированию и укреплению советского патриотизма рассматривают как препятствие развитию национальных языков, культуры, как подавление национального.

Фальсификаторская суть подобных рассуждений очевидна. Наша партия придает большое значение воспитанию у советских людей большого патристического чувства — общенациональной гордости советского человека, которое... "глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну. Оно вобрало в се-

бя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творческим гением миллионов и миллионов советских людей" (7, с.100). Сложившаяся в условиях социализма общенациональная гордость предполагает тесную взаимосвязь и осознание каждым советским человеком общности судеб своей нации с другими братскими нациями. У всех советских наций и народностей сформировались такие общие черты советского патриотизма, как любовь к социалистической Родине, преданность делу партии, коллективизм, коммунистическое отношение к труду, непримиримость ко всякого рода отклонениям от коммунистической морали. В советском человеке воплощен высший социалистический тип патриотизма, когда национальные процессы познаются и оцениваются личностью через призму интересов коммунистического строительства, принадлежности к новой исторической общности.

КПСС ведет большую работу по формированию у трудящихся интернационалистского сознания, глубокого уважения ко всем нациям и народностям, непримиримости к пережиткам национализма и шовинизма, проявлениям местничества. Цель интернационалистского воспитания трудящихся состоит в превращении принципов интернационализма в жизненную позицию, в воспитании у советских людей чувства братской семьи народов СССР. Эта работа ведется в различных направлениях: по линии научного разъяснения идей интернационализма, исторического воплощения их в деятельности нашей партии в процессе свершения социалистической революции, построения социализма, показа преимуществ социалистического образа жизни — и проводится дифференцированно, с учетом исторических традиций тех или иных национальностей.

Ввиду острых нападок антикоммунистов и латышской буржуазной националистической эмиграции на осуществление ленинской национальной политики КПСС в республиках Советской Прибалтики, Компартия Латвии уделяет особое внимание повышению политической бдительности советских людей, разоблачению реакционной сущности буржуазного национализма, антисоветской буржуазной пропаганды. Предметом постоянной заботы Компартии Латвии является воспитание населения республики в духе социалистического интернационализма и друж-

бы народов. За последние годы бюро ЦК Компартии Латвии неоднократно рассматривало вопросы патриотического и интернационального воспитания трудящихся, напеливало партийные организации республики на создание атмосферы нетерпимости ко всякого рода нездоровым в идейно-политическом отношении явлениям.

Партийная организация республики ведет активную деятельность по пропаганде интернационалистских традиций латвийского пролетариата, его славного революционного прошлого, организуя походы по местам революционной, боевой и трудовой славы.

Утверждению интернационализма способствует всестороннее развитие научно-технического, производственного и культурного сотрудничества, социалистического соревнования, проведение дней и декад, посвященных литературе, искусству братских республик, взаимные гастрольные поездки творческих коллективов, перевод и издание произведений художественной литературы советских писателей. Эти мероприятия содействуют всестороннему обмену народов СССР, взаимообогащению их культур.

Все эти прогрессивные явления и факты тенденциозно преподносятся как искусственное подавление национальных традиций и культуры. Вышеупомянутый "толкователь" Конституции СССР А. Штротас произвольно фальсифицирует положение Конституции СССР, где говорится о возможности пользоваться родным языком и языками других народов СССР. Это означает, по его мнению, что неоспоримый авторитет принадлежит русскому языку (26, р.368).

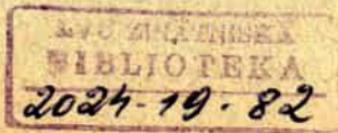
Спекулируя на таком объективном факте, как рост числа людей в республиках Советской Прибалтики, владеющих русским языком, известный на Западе профессор Оклахомского университета В. Стенли-Вардис твердит об "угрозе" существованию и развитию национальных языков в этих республиках (28, р.41). Многие советологи усматривают русификацию в существовании двуязычных школ в Латвии, которые они квалифицируют как промежуточную стадию для полного подчинения национального языка русскому (21, р.51-52).

Прежде всего следует подчеркнуть, что наличие у советских наций и народностей общей территории, единой социалистической экономики, государственного строя, общих духовных и моральных черт не является свидетельством того, что советский народ — единая советская нация, как его представляют советологи. "Говоря о новой исторической общности людей, — подчеркнул Л.И.Брежнев, — мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции." (7, с.243).

В СССР созданы равные условия и возможности для свободного развития всех национальных языков, обеспечено подлинное равноправие языков. Сейчас в СССР 76 национальных литератур, театральные спектакли идут на 47 языках, книги, газеты, журналы издаются на 89 языках, радиовещание и телевизионные передачи ведутся более чем на 60 языках народов СССР (13, с.94).

Большая часть латышского населения нашей республики свободно владеет русским языком. Однако это не означает "эрозии" национального языка, т.к. почти 100% коренного населения Латвии называют латышский язык в качестве родного языка. Постоянно расширяется выпуск литературы на родном языке. Так, за 1960—1978 годы тираж газет на национальных языках вырос на 164%, на русском языке на 158%, журналов соответственно на 380% и 336% (14, с.303). Кстати, анализируя результаты переписи населения СССР 1979 г., советолог Р.Карклинь утверждает, что высокий процент лиц нерусской национальности, назвавших родным язык своей национальности, свидетельствует о низком уровне лингвистической ассимиляции и указывает на высокий уровень национального самосознания (25, р.421).

В то же время растут ряды граждан, свободно владеющих двумя языками — национальным и межнациональным — русским. Целесообразность же изучения русского языка как средства межнационального общения, овладения всеми богатствами и

достижениями социалистической и мировой культуры, новинок науки и техники неправомерно смешивать с его искусственным насаждением.

Большое значение в деле интернационалистского воспитания имеет практическая созидательная деятельность трудящихся разных национальностей в создании единого народно-хозяйственного комплекса, в общесоюзном разделении труда. Так, например, в строительстве Камского автомобильного завода участвовали представители 34 национальностей всех союзных республик (12, с.273). Нуречскую ГЭС в Таджикистане строили посланцы 40 национальностей, а оборудование и материалы поставляли 300 предприятий страны (16, с.74).

Указывая на усиление миграции населения, все большее сближение народов, рост числа межнациональных браков как проявление процессов интернационализации хозяйственной и общественной жизни, советологи утверждают, что интенсивное экономическое развитие республик Советской Прибалтики ведет к ликвидации этнических особенностей этих народов, что якобы более всего от индустриализации республик Советской Прибалтики выиграли русские (27, р.567). В буржуазной литературе высокий уровень индустриализации Латвии и Эстонии обычно представляется как субъективное намерение советского руководства насильственно русифицировать эти республики путем усиленной миграции населения из других республик.

Создание материально-технической базы коммунизма - важная интернациональная задача всего советского народа, которую можно успешно решить только объединенными усилиями трудящихся всех национальностей. Для Латвийской ССР, не располагающей собственной минерально-сырьевой базой, экономическое сотрудничество с братскими советскими республиками является особо необходимым.

Около 900 предприятий союзных республик поставляют детали и узлы производственному объединению ВЭФ, свыше 200 - Рижскому дизельстроительному заводу.

В свою очередь Латвия производит в рамках общесоюзного народнохозяйственного комплекса каждый третий магист-

ральный пассажирский вагон для железных дорог, каждый четвертый трамвай, каждую пятую холодильную установку, каждый шестой автобус (10, с.24). Небезынтересно отметить, что в одной из работ известного на Западе советолога Т. Парминга опровергается точка зрения о "русификаторской" экономической политике КПСС по отношению к республикам Советской Прибалтики и анализируются социально-экономические и демографические причины, определяющие соотношение населения коренной национальности и других наций (24, р.401-402).

Современные буржуазные идеологи упорно пытаются доказать идею "неэффективности" интернационалистского воспитания советского человека в многонациональном советском государстве ввиду якобы растущего антагонизма среди советских национальностей. Эта концепция - составная часть буржуазной теории "нерешенности" национального вопроса в СССР, в той или иной мере отстаиваемой всеми представителями буржуазной историографии советского общества. Методологической базой в этой области советологических измышлений служат буржуазные идеалистические теории нации, национальных отношений, абстрагирующие их от социально-экономических условий формирования и развития общественного строя, постулирующие вечность национального антагонизма. Так, неизвестный советолог Х.Сетон-Уотсон категорически утверждает, что нельзя дать научного определения нации, что нет существенных различий между социалистическими нациями и нациями царской России (23, р.318). Суть этих рассуждений сводится к проведению неизбежной буржуазной идеи о существовании в СССР тех же национальных конфликтов и взаимного отчуждения наций, которые были свойственны национальным отношениям в царской России.

В этой связи буржуазные советологи противопоставляют балтийские народы другим народам СССР, отводят им особую роль. "В культурной и социальной сфере балтийские народы выступают как вестернизаторы, проводники западных идей и традиций" (16, р.173).

Выдавая все проявления национального самосознания за

националистические тенденции, советологи твердят о "культурном национализме", о "сопротивлении" нерусских народов процессу "советизации" (28, р. 41-44).

Х.Сеток-Уотсон заявляет, например, что "русские как нация страдают не меньше других наций Советской империи", т.к. якобы ущемляются их традиции и история. Одержимый антисоветизмом, автор и не скрывает, что под исконно русскими традициями он подразумевает буржуазные, консервативные элементы культуры, религию (28, р. 319).

В нашей стране еще встречаются отдельные проявления местничества, националистических предрассудков, шовинизма, попытки воспевать патриархальщину. Последовательно отстаивая интересы всех национальностей, КПСС вместе с тем решительно выступает против любых проповедей национальной исключительности, любых попыток пересматривать с внеклассовых позиций те или иные явления, концепции прошлого. За последние годы ЦК КПСС принял ряд постановлений, направленных на преодоление недостатков в постановке интернационалистского воспитания в некоторых партийных организациях.

Однако намерения советологов выдать расцвет нации, национального самосознания, языка и культуры за национализм, а борьбу с пережитками прошлого в сознании и поведении людей изобразить как отрицание национального не имеют оснований. "В нашей стране уважаются национальные чувства, национальное достоинство каждого человека... Мы против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание" (8, с. 57), подчеркнул Л.И. Брежнев на XXVI съезде КПСС. XXV, XXVI съезды КПСС, постановление ЦК КПСС "О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы" направляют деятельность партийных организаций на осуществление комплексного подхода в деле воспитания трудящихся, чтобы принципы интернационализма стали нормой поведения каждого советского человека. Эта же задача по-прежнему — в центре внимания Компартии Латвии. "Воспитание в духе интернационализма и укрепления дружбы народов является и впредь остается

одной из центральных задач партийных, советских, профсоюзных и комсомольских, культурных и общественных организаций, органов массовой информации, всех наших кадров», - указал XXIII съезд Компартии Латвии (9, с.67-68).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.4.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.33.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.39.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.31.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.17.
6. Брежнев Л.И. Лениным курсом. М., Политиздат, 1970, т.2.
7. Брежнев Л.И. Лениным курсом. М., Политиздат, 1974, т.4.
8. Материалы XXVI съезда КПСС. М., Политиздат, 1981.
9. Материалы XXIII съезда Компартии Латвии. Рига: Авотс, 1981.
10. Коммунист Советской Латвии, 1980, № 7.
11. Аношкин И.Ф. В.И. Ленин, КПСС о задачах патриотического и интернационального воспитания советских людей. М.: Знание, 1981.
12. Интернациональный принцип в строительстве и деятельности КПСС. М., 1975.
13. Лукин Ю.А. Многонациональная социалистическая культура. М.: Мысль, 1977.
14. Развитие советского народа - новой исторической общности. М., 1980.
15. Рогачев П.М., Свердлин М.А. Патриотизм, классы, революция. М., 1979.
16. Шерстобитов В.П. Советский народ - монолитная общность строителей коммунизма. М.: Мысль, 1976.
17. O'Dell F.N. Socialization Through Children's Literature. The Soviet Example. Canberra, 1978.

18. Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance
Ed. by E.Allworth. N.Y., 1980.
19. The Influence of the East Europe and the Soviet West
on the USSR. N.Y., L., 1975.
20. Grant N. Soviet Education. N.Y., 1979.
21. Kreusler A. The Soviet Education and Moral Upbringing
in the Soviet Union. University Microfilms Interna-
tional, 1976.
22. Weissner B. The 26.th Party Congress and Soviet
Domestic Politics.- Problems of Communism, 1981, N 3.
23. Nations and States. L., 1977.
24. Parving T. Population Processes and the Nationality
Issue in the Soviet Baltic.- Soviet studies, 1980, N 3.
25. Karklins R. A note on Nationality and Native Tongue
as census categories in 1979.- Soviet Studies, 1980,
N 3.
26. Shtromas A. The Legal Position of Soviet Nationalities
and Their Territorial Units According to the 1977
Constitution of the USSR.- Russian Review, 1978, N 3.
27. Slavic Review, 1972, N 3.
28. Vardys-Stanley V. The Problem of Nationality. Moder-
nization and Baltic Nationalism.- Problems of Commu-
nism, 1975, N 5.

CĪŅA PRET NACIONĀLISMA PALIEKĀM - SVARĪGS
SOCIĀLISTISKĀS SABIEDRĪBAS UZDEVUMS

Attīstītā sociālistiskā sabiedrībā arvien stiprāka kļūst daudznacionālās Padomju Dzimtenes darbaļaužu draudzība, izveidojusies padomju tauta kā jauna internacionāla cilvēku kopība. Šādu internacionālās vienības iespējamību paredzēja V.I. Ļeņins. Viņš rakstīja, ka sociālisms izveidos "jaunas, augstākas cilvēku kopdzīves formas, kad j e b k u r a s tautības darba ļaužu masu likumīgās vajadzības un progresīvās tieksmes pirmoreiz tiks apmierinātas internacionālā vienībā..." (6, 21.).

V.I. Ļeņina pareģojums piepildījies. Tautu draudzība un internacionālā vienība ir galvenās padomju tautas izveidošanās iezīmes un tālākas attīstības priekšnoteikums.

Nacionālo attiecību attīstībā sociālisma apstākļos svarīgs uzdevums ir sasniegt pilnīgu nāciju sociālo vienādību, kas nozīmē pilnveidot katras nācijas sociālo struktūru, panākt sociāli šķirisko atšķirību pakāpenisku izlīdzināšanos, nostiprināt un padziļināt daudznacionālās padomju tautas ekonomiskos, sociāli politiskos un garīgos pamatus, pilnveidot padomju cilvēka audzināšanu proletāriskā, sociālistiskā internacionālisma un tautu draudzības garā. Padomju sabiedrība ir patriotu un internacionālistu sabiedrība, kas nostiprinājusies padomju daudznacionālās valsts attīstības gados. Rūpes par tautu draudzības un padomju cilvēku internacionālistiskās apziņas tālāku pilnveidošanu ir viens no mūsu partijas ideoloģiskā darba svarīgākajiem uzdevumiem, jo tautu draudzība ir mūsu sabiedrības virzītājspēks, komunistiskās sabiedrības uzcelšanas ķīla.

Tautu draudzības, internacionālistiskās apziņas tālāka nostiprināšana ir saistīta ar neatlaidīgu cīņu pret sociālistisko nacionālo attiecību un partijas nacionālās politikas izkropļojumiem, ar cīņu pret atsevišķām nacionālisma un šovinisma izpausmēm, nešķirisku pieeju vēstu-

res notikumam vērtēšanai, ar cīņu par proletāriskā, sociālistiskā internacionālisma principu zinātnisku pilnveidošanu un lomas palielināšanu.

Visos zinātniskā komunisma pamatlicēju darbos pasvītrotā buržuāziskā nacionālisma un proletāriskā internacionālisma nesamierinātība, kas balstās uz buržuāzijas un proletariāta sociālo interešu atšķirību.

Nacionālisms - strādnieku revolucionārās cīņas, darbaļaužu interešu un mērķu nāvīgs ienaidnieks, kas "ar savu šķelšanas un sadrumstalošanas taktiku ... p a r v ē r š p a r n e k o lielo mācību par visu nāciju, visu rasu, visu valodu proletāriešu tuvināšanos un vienošanos" (2, 455). Izskaidrojot jēdzienu "nacionālisms", padomju zinātnieki balstījušies uz zinātniskā komunisma pamatlicēju atziņām. Nacionālisma, šovīni ma būtību atklājuši un analizējuši K. Marks, F. Engels un V.I. Ļeņins. Nacionālisma izskaidrošanā liela nozīme ir arī Pētera Stučkas darbiem.

Nacionālisms ir īpaša ideoloģija, politika, pasaules uzskats, īpaša jūtu un gribas izpausme, rīcība un darbība nacionālo un starpnacionālo attiecību jomā (15, 143.). Nacionālisms ir vienas nācijas pārmērīgas izcelšanas, savas nācijas slavināšanas, nacionālo strīdu un rasu naida izraisīšanas psiholoģija un ideoloģija, pasaules uzskats un politika.

Nacionālisma attīstības pamatā ir kapitālistiskais īpašums uz ražošanas līdzekļiem, kapitālistiskās ražošanas attiecības. Nacionālisma sociālās saknes meklējamas kapitālistiskās sistēmas sociāli ekonomiskajos mērķos un interesēs. Nacionālisma propagandā ieinteresētas ir ekspluatatoru šķiras - buržuāzija un sīkburžuāzija, kas savu šķirisko, egoistisko interešu sasniegšanā iekļūst politikā un ārpolitikā izmanto arī nacionālās attiecības, izkropļo to sociāli politisko saturu, kurina nacionālo naidu un neuzticēšanos. Mūsdienās imperiālisti arvien aktīvāk izmanto nacionālistisko šķelšanas politiku, vērsties ne tikai valsts iekšienē pret dažādu nacionalitāšu strādnieku kustību, bet arī pret starptautisko komunistisko kustību.

bu un nacionālo atbrīvošanās kustību. Šo mērķu v. rdā tiek organizēti nacionālistiski politiski pasākumi un nacionālistisku uzskatu iesakņošana masu apziņā.

Nacionālisma pastāvēšanā nozīme ir arī gnozēoloģiskajām sakņēm - nacionālo attiecību teorijas un prakses nepietiekošai izpratnei, nacionālā momenta pārspīlēšanai, nacionālās īpatnības izkropļotai atspoguļošanai. Izziņas procesa grūtības, kas balstās uz izziņas objekta sarežģītību, daudzveidību, var radīt vienpusīgu, subjektīvu, dogmatisku, izkropļotu nacionālā momenta izpratni (13. lll.). Šie nacionālistiskie uzskati dažādu sociāli politisku un citu faktoru iedarbības rezultātā var pārvērsties nacionālistiskā darbībā. V. I. Ļeņins dziļi un vispusīgi analizē nacionālisma būtību, galvenās iezīmes, viņš norāda, ka nevar analizēt nacionālismu vispār, ka nekur neder abstrakta pieeja nacionālismam. Šo problēmu pētīšanā pieejai jābūt šķēriskaī, vēsturiskaī, konkrētai. Analīze jāveic, vadoties pēc konkrētiem apstākļiem konkrētā zemē, nacionālo attiecību īpatnībām, kā arī, balstoties uz strādnieku šķiras interesēm, pasaules revolucionārā procesa interesēm (4, 368.). Tātad nacionālisms nav sastingusi parādība, t. s. maina savas formas, izpausmes veidus. Analizējot nacionālismu, jāņem vērā tā vēsturiskā daudzveidība. "Savas darbos par nacionālo jautājumu esmu jau rakstījis," norāda V. I. Ļeņins, "ka abstrakta nostādne nacionālismā vispār nekam neder." (7, 554.) Klasificējot nacionālismu, V. I. Ļeņins izdalā vairākus tā vēsturiskos paveidus, analizē buržuāzisko nacionālismu, izdalā lielburžuāzisko, sīkburžuāzisko, reakcionāro un demokrātisko nacionālismu. V. I. Ļeņins norāda, ka buržuāziskais un buržuāziski demokrātiskais nacionālisms, vārdos atzīdams nāciju tiesību vienlīdzību, darbos aizstāv (bieži vien slepeni, tautai aiz muguras) dažas privilēģijas vienai nācijai un vienmēr tiecas sasniegt lielākus labumus "savai" nācijai (t. i., savas nācijas buržuāzijai), sadalīt un norobežot nācijas, attīstīt nacionālu izpēmuma stāvokli utt. Visvairāk melsdams par "nacionālo kultūru", uzsvērdams to, kas šķir vienu nāciju no otras, buržuāzisk-

kais nacionālisms s a s k a l d a dažādu nāciju s t r ā d n i e k u s un apmuļķo viņus ar "nacionāliem lozungiem" (3, 486.).

Buržuāziskais nacionālisms ir nāciju antagonisma ilgstošas attīstības produkts. Imperiālisma periodā nacionālisms iegūst arvien reakcionārāku raksturu un sarežģītākas formas. Lielburžuāzisko nacionālismu vieglāk atklāt, tas tieši izpaužas monopolistiskās politikas realizēšanā. Lielburžuāziskais nacionālisms saistīts ar nacionālā un starptautiskā tirgus iekarošanu, konkurences cīņu par izejvielu avotu un noieta tirgus iegūšanu, sadalīšanu un pārdalīšanu, tas izpaužas citu nāciju un tautību pakļaušanā, apspiešanā, iznīcināšanā. Sīkburžuāziskais nacionālisms bieži slēpj savus nacionālistiskos mērķus, vārdos atzīdams citu nāciju brīvību, tiesību vienlīdzību, bet tai pašā laikā realizē nacionālistisku politiku, sludina nacionālo pārkumu, pauž nacionālo egoismu, nacionālās norobežošanās nepieciešamību. Sīkburžuāziskajam nacionālismam spilgti izteikta emocionālā puse, nacionālistiskā psiholoģija, kas visredzamāk izpaužas nacionālajā antipātijā pret citām nācijām un nacionalitāšu pārstāvjiem gan nacionālo valstu kontaktos, gan arī sociālu grupu un indivīdu attiecībās.

V.I. Ļeņins parāda nepieciešamību atšķirt "...apspiedējas nācijas nacionālismu no apspiestas nācijas nacionālisma, lielas nācijas nacionālismu no mazas nācijas nacionālisma" (7, 554.). Jo "nacionālā ziņā, dabiski, oportūnisms izpaudīsies citādi apspiesto nāciju un citādi apspiedēju nāciju vidū" (5, 376.).

Apspiesto nāciju nacionālisms ietver sevī demokrātiskus elementus, kas izpaužas cīņā pret visāda veida nacionālajiem spaidiem, par nacionālas, neatkarīgas valsts izveidošanu, par nacionālo suverenitāti. Marksistu, internacionālistu uzdevums ir aizstāvēt "demokrātismu visās nacionālā jautājuma daļās" (4, 17.). V.I. Ļeņins atzīmē, ka "k a t r ā apspiestās nācijas buržuāziskajā nacionālismā ir vispārdemokrātisks saturs p r e t apspiešanu, un tieši šo saturu mēs b e z v ā r d a r u n a s at-

balstām, stingri nodalīdami cenšanos pēc sava nacionālā izņēmuma stāvokļa..." (5, 377.). Vispārdemokrātiskais saturs ir atkarīgs no šķiras, kas vada nacionālās atbrīvošanās kustību, no šīs šķiras mērķiem, uzdevumiem, sociālo un nacionālo jautājumu risināšanas formām, metodēm. Sabiedriskajā praksē ļoti svarīgi izzināt šos procesus un atbalstīt progresīvos mērķus, stingri norobežojot tos no nacionālisma.

V. I. Ļepins, izskaidrojot nacionālisma daudzveidību, uzsvēra nepieciešamību vienādi cīnīties pret jebkura nacionālisma izpausmes formām. "Marxisms ir nesamierināms ar nacionālismu, kaut arī tas būtu pats "taisnīgākais", "tīrākais", smalkākais un civilizētākais. Jebkura nacionālisma vietā marxisms izvirza - internacionālismu, visu nāciju saplūšanu augstākajā vienībā..." (4, 17.)

Balstoties uz marksisma-ļepinisma klasisku teorētiskajiem nopamatojumiem, mūsdienu zinātnieki centušies izziņāt nacionālisma galvenās problēmas, cēloņus, vēsturisko daudzveidību, kā arī ceļus un līdzekļus, ar kuru palīdzību cīnīties pret nacionālismu pasaules revolucionārajā kustībā. Lielu ieguldījumu šo jautājumu pētīšanā devuši padomju zinātnieki M. Bagramova, M. Džunusova, G. Zimans, J. Modržińska, J. Brolišs (13) u.c. Monogrāfijā "Mūsdienu revolucionārā kustība un nacionālisms" padomju zinātnieki, klasificējot nacionālismu pēc sociālās izcelsmes, izdala četrus nacionālisma paveidus: pirmsburžuāziskais nacionālisms; buržuāziskais nacionālisms; nacionālisms mūsdienu laikmēta pārejas sociālajās struktūrās; nacionālisma paliekas socialistiskajā sabiedrībā (18, 68.).

Socialistiskajā sabiedrībā izveidojušās socialistiskās nācijas, arvien plašāk nostiprinās socialistiskā internacionālisma principi, un nav sociālo pasātu, kas varētu izraisīt nacionālismu. Tomēr ir cilvēki, kas atsevišķos gadījumos saglabā nacionālistiskus uzskatus, pozīcijas, tradīcijas. PSKP XXVI kongresā norādīts, ka "PSKP ir cīnījies un vienmēr enerģiski cīnīsies pret tādām sociālisma dabai svešām parādībām kā šovinizisms vai nacionālisms, pret jebkādam nacionālistiskajām kroplībām, teiksim, kaut

vai pret antisemitismu vai cionismu" (10, 60.). Komunistiskā partija vienmēr cīnījies un cīnīsies pret sociālistisko nacionālo attiecību izkropļojumiem, šauru lokālismu, nacionālo egoismu un citām nacionālisma izpausmēm.

Lai pilnībā likvidētu šīs pagātnes paliekas cilvēku apziņā, nepieciešama konkrēta to analīze, nepieciešams pilnveidot cīņas formas un metodes, nemitīgi aktivizēt darbaļu internacionālistiskās audzināšanas sistēmu. "Svēts partijas pienākums," uzsvērts PSKP XXVI kongresā, "audzināt darbaļaudis padomju patriotisma un sociālistiskā internacionālisma garā..." (10, 60.).

Zinātniskajā literatūrā ir izskaidroti nacionālisma palieku cēloņi. Attīstītā sociālistiskā sabiedrībā likvidēti galvenie nacionālisma rašanās sociāli šķiriskie, ekonomiskie pamati. Dažkārt, runājot par nacionālisma paliekām, zinātnieki uzsver tikai subjektīva rakstura cēloņu iespējamību. Ir sastopami uzskati, kas nacionālisma paliekas izskaidro tikai ar to, ka cilvēku apziņa atpaliek no esamības vai arī ar trūkumiem ideoloģiskajā darbībā. Ir arī otrs uzskats, ka nacionālisma paliekas saistītas ar sociālisma celtniecības procesu, ar sociālisma principu nepilnību. Šāda uzskata pārstāvji nonāk līdz secinājumam, ka nacionālisma paliekas sociālismā it kā pilnībā likvidēt neesot iespējams. Jāpiekrīt zinātnieku vairākuma vērtējumam, ka šādi uzskati ir galēji un tādēļ nepareizi (12, 113.).

Nacionālisma palieku saglabāšanos ietekmē vairāki savstarpēji saistīti faktori. Nevaram apgalvot, ka nacionālisma paliekas būtu saistītas tikai ar atsevišķu cilvēku atpalikušo apziņu, ar nacionālās apziņas un nacionālās pašapziņas atsevišķu pušu konservatīvo raksturu. Sociālistiskā attīstība saistīta ar pretrunu pārvarēšanu, tādēļ var būt arī zināmi objektīvi apstākļi, kas ietekmē nacionālistisko palieku saglabāšanos, atdzīvināšanos, nacionālistisku aizspriedumu rašanos. Bez tam jāņem vērā arī buržuāziskās ideoloģijas kaitīgā propaganda, kur ievērojama vieta ir nacionālistisko uzskatu izplatīšanai, kas ir vienādi bīstamas jebkurai sistēmas zemei jebkurā tās

attīstības posmā. Buržuāziskie nacionālisti cenšas atrast sociālistiskās sadraudzības zemēs "vājākās vietas" un, balstoties uz tām, atdzīvināt nacionālismu, cerēdami tā vājināt darbaļaužu vienību.

Nacionālisma palieku saglabāšanās atsevišķu cilvēku apziņā var būt saistīta arī ar nepietiekošu darbaļaužu audzināšanu internacionālisma un tautu draudzības garā.

Padomju Savienībā aizvadītajā laika periodā notikušas dziļas un vispusīgas pārmaiņas sociālistisko attiecību attīstībā. Nāciju un tautību starpā izzdusi faktiskā nevienlīdzība. L. Brežņevs PSKP XXVI kongresā atzīmē, ka "jau kopš pirmajiem Padomju varas gadiem mēs esam realizējuši tādu ekonomisko un sociālo politiku, lai Krievijas bijušās nacionālās malienes pēc iespējas drīzāk paceltu līdz tās centra attīstības līmenim. Šis uzdevums tika sekmīgi atrisināts. Ļoti svarīga lomā te bijusi visu mūsu zemes nāciju ciešajai sadarbībai un pirmām kārtām krievu tautas nesavtīgai palīdzībai... **N e m i t t i g i n o s t i p r i n ā s v i s u m ū s u d a u d z n a c i o n ā l ā s D z i m t e n e s t a u t u b r ā l i g ā d r a u d z i b a**" (10, 59.).

Radikālās izmaiņas notikušas arī sociāli šķiriskajās attiecībās. "Septiņdesmitajos gados turpinājās visu padomju sabiedrības šķirņu un sociālo grupu tuvināšanās." (10, 55.)

Padomju tauta sastāv no sociālām grupām, ko cieši saliedē mērķu un pasaules uzskatu kopība. Attīstītā sociālistiskā sabiedrībā nav nacionālistiski novirzieni, tendences, ko izteiktu atsevišķas sociālas šķiras, slāņi, grupas. Mūsu sabiedrībā stipri samazinājušies cēloņi, kas varētu ietekmēt cilvēku atkāpšanos no proletāriskā, sociālistiskā internacionālisma principiem. Tomēr ir sastopami atsevišķi cilvēki, kas, nebūdami naidīgu šķirņu pārstāvji, pauž nacionālistiskus uzskatus, nacionālās aprobežotības un pārākuma tendences, kas cieši saistītas ar citiem komunistiskās morāles antipodiem, pagātnes paliekām cilvēku apziņā, egoismu un mietpilsonību, mantrausību un

vienaldzību par tautas rūpēm un darbiem. Šis kroplīgās parādības kopumā nodara lielu ļaunumu sabiedrībai, bremzē nacionālo attiecību pilnveidošanos, uz tām cenšas balstīties arī buržuāziskie ideologi, realizējot savas nacionālistiskās diversijas.

Analizējot nacionālistiskās paliekas, aizspriedumus un izpausmes atsevišķu cilvēku apziņā, zinātniskā komunisma teorētiski pasvītrojuši, ka ne vienmēr tās vērojamas spilgtās ārējās formās, tādēļ to izpētei jābūt sevišķi dziļai un nopietnai. Nacionālistisko palieku bistamību labi parādījis savos darbos Pēteris Stučka. Viņš rakstīja, ka "nacionālisms ir slimība, kura, kaut reizi pamatīgi pārdzīvota, bieži atgriežas no jauna, kaut arī vieglākā veidā. Un viņas ļaunākā īpašība, ka viņa var aptumšot kaut skaidrāko galvu" (11, 195.). Nacionālistiskie aizspriedumi, pārspīlēta vai aplama nacionālo jūtu izpausme var parādīties arī neapzināti, tā iespējama pat tad, ja cilvēks pats sevi uzskata par internacionālistu. Nacionālistiskajiem aizspriedumiem "ir ļoti sīksta dzīvība, tie stingri turas politiskā ziņā nenobriedušu cilvēku psiholoģijā. Šie aizspriedumi joprojām saglabājas pat apstākļos, kad objektīvie nosacījumi jebkādiem antagonismiem attiecībās starp nācijām jau sen vairs nepastāv," (9, 21.) norāda L. Brežņevs.

Kā jau atzīmēts, nacionālisma paliekas un izpausmes sociālistiskajā sabiedrībā nevar attiecināt uz kādu noteiktu šķiru vai sociālu slāni, bet tās saistās ar atsevišķu cilvēku zemu politiskās un tikumiskās kultūras līmeni, garīgās pasaules šaurajiem ietvariem, izkropļotu nacionālo vērtību un īpatnību uztveri. Nacionāli ierobežota cilvēka apziņa atspoguļo sabiedrības attīstības objektīvos procesus, vadoties pēc šauri egoistisko interešu viedokļa.

Nacionālisma paliekas un izpausmes formas var būt ļoti daudzveidīgas (15, 137.). Padomju Savienības Komunistiskās partijas Programmā teikts, ka nepieciešams "nesamierināmi cīnīties pret jebkura nacionālisma un šovinisma izpausmēm un paliekām, pret nacionālās aprobežotības un pā-

rākuma tendencēm, tendencēm idealizēt pagātni un notušet sociālās pretrunas tautu vēsturē, pret paražām un tiku-
miem, kas kavē komunisma celtniecību" (8, 130.).

Nacionālās aprobežotības un pārākuma tendences vis-
biežāk var izpausties savas nācijas specifikas pārspilē-
šanā, tās pārākuma sludināšanā, tautu draudzības un sa-
vienības nenovērtēšanā, kadru apmaiņas un brālīgo tautu
pieredzes apmaiņas nenovērtēšanā.

Nacionālā egoisma izpausmes biežāk vērojamas mēģinā-
jumā nostādīt šauri nacionālās intereses pret kopējām,
internacionālajām visas valsts interesēm (15, 115.).

Šovinistiska rakstura izpausmes s. istās ar citu nā-
ciju specifikas ignorēšanu, nacionālās valodas un kultū-
ras necienīšanu, neuzmanību, nerāķināšanos ar tām (15,
207.).

K. Marksa, izskaidrojot šovinisma būtību, rakstīja,
ka "šovinisms ir līdzeklis, lai cīņu starp tautām padari-
tu mūžīgu un nopiestu verdzībā ražotājus ikvienā atse-
višķā zemē, uzskūdot viņus pret viņu pašu brāļiem visās
citās zemēs; šovinisms ir līdzeklis, lai kavētu strādnie-
ku šķiras internacionālo sadarbību, kas ir tās atbrivoša-
nas priekš- teikums" (1, 564.).

Partijas, padomju, arōdbiedrību un komjaunatnes or-
ganizācijas pievērš lielu uzmanību darbaļu komunistis-
kajai audzināšanai, proletāriskā, sociālistiskā interna-
cionālisma principu un tautu draudzības ideju propagandai,
kā arī darbaļu brālīgo sakaru nostiprināšanai ar visām
Padomju Savienības tautām. Tālāku sadarbības un tautu
draudzības nostiprināšanu sekmē dažādas internacionālis-
tiskās audzināšanas formas, līdzekļi. Partija piešķir
svarīgu nozīmi darbaļu audzināšanai visu nāciju un tau-
tību cienīšanas garā, nesarierinātībā ar nacionālisma, šo-
vinisma un nacionālās aprobežotības izpausmēm, pret pa-
gātnes paliekām un paražām, padomju tautas audzināšanai
internacionālisma garā.

Ļai cīnītos pret jebkura veida nacionālisma un šovi-
nisma izpausmēm, nepieciešams izanalizēt apstākļus, kas
veicina to rašanos, saglabāšanos. Nepieciešams dziļi iz-

pētīt to izpausmes formas un īpatnības. Liela nozīme šeit konkrētiem socioloģiskiem pētījumiem. Ar socioloģisko pētījumu palīdzību iespējams noskaidrot dažādu sociālu grupu uzskatus nacionālo attiecību un internacionālistiskās audzināšanas problēmās. Tā, piemēram, konkrētie socioloģiskie pētījumi, kurus organizējām republikas dažādos rajonos 1971.-1975. gadā, kā arī 1980. gadā, iepazīstināja ar intelekences uzskatiem jautājumā par dažādu nacionalitāšu pārstāvju personīgo kontaktu tālākās attīstības bremsējošiem faktoriem.^{x)}

Pirmajā vietā (divpadsmit atbilstošu grupā) izvirzījās uzskats, ka galvenais faktors, kas traucē draudzīgu attiecību nostiprināšanu un zināmos apstākļos var būt par nacionālisma palieku atdzīvināšanās iemeslu, ir valodas nepietiekošas zināšanas, starpnacionālās sazināšanas valodas - krievu valodas, kā arī latviešu valodas nepietiekoša pārvaldīšana. Socioloģiskie pētījumi rāda, ka visvairāk valodu apguves problēma satrauc latviešu, krievu, ukraiņu nacionalitātes intelektences pārstāvjus, kas vienlaicīgi pasvītro krievu valodas prasmes milzīgo nozīmi, kā arī latviešu valodas apguves lietderību ciešāku attiecību nodibināšanā. Šāds uzskats saistīts ar to, ka republikā 56,7% latviešu nacionalitātes iedzīvotāji brīvi pārvalda krievu valodu (17, 24.) un 19% krievu nacionalitātes pārstāvji pārvalda latviešu valodu (1970. gadā attiecīgi 45,2% un 17%) (16, 9, 280.). Kaut gan, salīdzinājumā ar

x) Socioloģiskos pētījumus organizēja autors intelekences dažādās sociāli profesionālās grupās deviņos republikas rajonos. Pētījumi aptvēra 5 tūkstošus cilvēku. Pētījumu reprezentivitāti nosaka tas, ka tie organizēti atbilstoši republikas konkrēto rajonu, darba kolektīvu sociāli profesionālajam, nacionālajam sastāvam, dzimuma un vecuma grupām. Socioloģisko pētījumu programma apstiprināta LPSR Zinātņu akadēmijas konkrēto socioloģisko pētījumu padomē.

1970. gada tautas skaitīšanas rezultātiem, valodas apguves procesā ir pozitīvi rezultāti, tomēr nepieciešams tālāk sekmēt krievu valodas dziļāku apguvi, jo krievu valoda ir kļuvusi visām tautām par kopējo sazināšanās valodu, tautu draudzības nostiprināšanās valodu. Svarīga nozīme kontaktu pilnveidošanā starp republikas daudznacionālo saimi, protams, ir arī latviešu valodas apguvei. Valodas apguves faktoram pievērsē galveno uzmanību tieši tajos rajonos, kur pārsverā dzīvo vienas nacionalitātes pārstāvji - Tukuma, Talsu, Līmbažu, Valkas rajonā, jo šeit arī divvalodības process ir zemākā attīstības stadijā.

Otrā vietā ierindojas uzskats, ka draudzības ciešanu nostiprināšanu starp dažādu nacionalitāšu pārstāvjiem traucē nezinātniska, subjektīva pieeja nacionālā rakstura novērtēšanai un, valoties pēc tā - bieži vērojama atsevišķu, personīgi zināmu cilvēku trūkumu attiecināšana uz visiem šīs nacionalitātes pārstāvjiem. Visvairāk šādu uzskatu izteikuši ebreju un ukraiņu inteligences pārstāvji, uzsverot nepieciešamību pastiprināt audzināšanu tieši šinī virzienā.

Trešajā vietā izvirzās uzskats, ka draudzības ciešanu nostiprināšanu traucē atšķirības, kas objektīvi pastāv dažādu nāciju sadzīvē, paradumos, uzvedības normās. Sakarā ar citu nacionalitāšu pārstāvjiem prasa ievērot viņu nacionālās īpatnības, savdabību sadzīvē, paradumos. Tas, kas iekļaujas uzvedības normās kādā noteiktā nacionālā vidē, var izrādīties nepieņemams citā. Lai nacionālās atšķirības netraucētu personīgo kontaktu nostiprināšanā, nepieciešams izziņāt šīs atšķirības, pareizi novērtēt tās. Jāpievienojas M. Kima izteiktajam uzskatam, ka "sadzīves revolūcija" pie mums stipri atpaliek no pārmaiņām citās dzīves sfērās. "Lielā mērē tas izskaidrojams ar pašas sadzīves īpatnībām. Sadzīve ir sfēra, kurā valstu un sabiedrības ietekme uz cilvēku visvairāk apgrūtināta. Te izšķirošā loma ir cilvēku kultūras līmenim... viņu apziņumam... Sadzīvē vairāk nekā citās dzīves sfērās vērojamas traucējošas atavisma parādības. Sadzīvē ne tikai stiprāk turas sava laika nodzīvojušie uzskati un parašas,

bet dažkārt arī "pēkšņi" atdzimst vecas - reakcionāras ierašas un tikumi" (14, 272.-273.).

Nenoliedzami, ka attīstītā sociālistiskā sabiedrībā atšķirības sadzīvē, uzvedības normās utt. nav tik izteiktas kā sociālisma attīstības zemākajā posmā. Sociālistisko nāciju sociāli ekonomiskās izmaiņas, kultūras attīstība, padomju tautas kā jaunas vēsturiskas daudz nacionālas cilvēku kopības izveidošanās seistās ar jaunu padomju tradīciju, kopēju parašumu rašanos. Komunistiskās partijas lēmumos uzsvērts, ka nāciju tuvināšanās procesā nacionālās īpatnības organiski savijas ar internacionālajām, sociālistiskajām, visiem padomju cilvēkiem piemītošajām iezīmēm un tradīcijām.

Pakāpeniski veidojas padomju cilvēku vienotas rakstura, vienotas psiholoģiskas iezīmes, bet šo procesu attīstībā liela nozīme ir darbaļaužu komunistiskajai audzināšanai, kas veicina jaunu padomju tradīciju, kopēju parašumu, uzvedības normu nostiprināšanos. Jaunas padomju tradīcijas plaši iesakņojušās Latvijas republikā. Pēc A. Holmogorova pētījumiem redzam, ka jau 1970. gadā 64% no visiem aptaujātajiem darbaļaudīm aktīvi piedalās sabiedrisko sadzīves tradīciju ieviešanā, bet 86,8% pozitīvi novērtē tās, to skaitā 88,0% latviešu, 84,4% krievu, 89,5% baltkrievu, 63,8% ebreju, 70% igauņu (19, 153.-154.)

Analizējot darbaļaužu uzskatus jautājumā par faktoriem, kas traucē tautu draudzības vēl ciešāku nostiprināšanos, vērojām diezgan ievērojamas atšķirības intelīģences dažādās profesionālajās grupās. Sevišķi atšķiras inženiertehnisko darbinieku uzskati, zināma daļa no tiem norāda, ka tautu draudzības vēl ciešāku nostiprināšanos traucē kļūdas un trūkumi, kas dažkārt tiek pielauti atsevišķos darba kolektīvos, administratīvo u.c. iestāžu darbā. Apmēram tik pat liels aptaujāto inženieru skaits norādīja uz trūkumiem un kļūdām ideoloģiskajā darbā - formālu, nezinātnisku pieeju, paviršību masu pasākumu organizēšanā, internacionālistiskās audzināšanas formu un metožu izvēlē. Lokāla rakstura kļūdas un trūkumi it sevišķi daudz nacionālu kolektīvu darbā, komunistiskās audzināše-

nas organizēšanā var būt saistīti ar nacionālo attiecību sfēru, var kavēt tautu draudzības nostiprināšanos. Var būt arī gadījumi, ka objektīva vai subjektīva rakstura saimnieciskas grūtības, paviršību vai formālismu idejiski politiskajā darbā atsevišķi cilvēki bez stingra zinātniska pasaules uzskata un internacionālās pārliecības novērtē kā kļūdas nacionālās politikas realizēšanā, nacionālās valodas neatzīšanu u. tml.

Ievērojams intelīgences skaits bez tam uzskata, ka tautu draudzības vēl ciešāku nostiprināšanos sociālistiskajā sabiedrībā traucē buržuāziskā nacionālisma propaganda, ideoloģiskās diversijas.

Antikomunisma propaganda kļūst arvien izsmalcinātāka, tā izmanto visdažādākās formas un metodes. Attīstītas sociālistiskās sabiedrības nacionālo attiecību falsifikācijas nolūkiem darbojas ievērojami propagandas centri, aparāti, institūti. Viru "pētišanas" metodes kļuvušas arvien diferencētākas, organizējot ideoloģiskās diversijas, viņi balstās uz konkrētā reģiona, konkrētās sociālās grupas īpatnību analīzi. Izstrādājot savas metodes, buržuāziskie nacionālisti cenšas pretstatīt dažādu nāciju specifiskās iezīmes, iedarboties uz to psiholoģiju nolūkā aktivizēt nacionālistiskus aizspriedumus. Mūsdienā anti-komunisti cīņā pret nacionālās politikas sasniegumiem Padomju Savienībā balstās uz sociālreformismu, maocismu, labējo un "kreiso" revizionismu. Izkropļojot nacionālā jautājuma sociāli šķērisko saturu, viņi cenšas parādīt, ka nacionālais jautājums Padomju Savienībā neesot atrisināts, izkropļojot nāciju teoriju un nacionālisma būtību, cenšas pierādīt, ka nācijas un nacionālisms esot mūžīgas parādības, nāciju tuvināšanās un uzplaukums, to vienības nostiprināšanās tiek parādīti kā nesavienojami procesi. Turklāt viņi apzināti noklusē pašu pamatu, uz kā balstās sociālistiskās sabiedrības nāciju tuvināšanās un uzplaukums: nāciju vispusīgas sadarbības arvien tālāku attīstību un sociāli politiskās vienības nostiprināšanos. Vairums antikomunistisko koncepciju noliedz padomju tautas kā daudznacionālas cilvēku kopības izveidošanās objekti-

vos pamatus mūsu valstī. Internacionālisms, pēc buržuāzisko nacionālistu uzskatiem, ir komunistu izdomāta kategorija, kam neesot reālas nozīmes.

Buržuāziskā nacionālisma propagandai, protams, var būt zināma ietekme politiskā ziņā nenobriedušu cilvēku uzskatu veidošanās procesā. Kapitālistiskās sistēmas ietekme, buržuāziskās ideoloģijas propaganda - vienādi būtamas jebkurai sociālisma sistēmas zemei jebkurā attīstības posmā. Buržuāziskie politiķi un propagandisti cenšas atrast un atdzīvināt nacionālisma paliekas, aizspriedumus mūsu sabiedrībā. "Mūsu šķiras pretinieki ar vislielāko cīnību uztver jebkuru šādu parādību, to uzpūš un stimulē," uzsver L. Brežņevs, "cerēdami kaut cik vājināt mūsu zemes tautu vienību." (9, 25.)

Sociologiskie pētījumi rāda, ka visiem iepriekš minētajiem faktoriem var būt zināma bremzējoša nozīme internacionālistiskās apziņas un jūtu nostiprināšanās procesā, kā arī personīgo kontaktu attīstībā starp dažādu nacionalitāšu pārstāvjiem. Vēl vairāk - tie dažkārt var būt cieši saistīti ar nacionālistiskām paliekām, nacionālistiskiem aizspriedumiem atsevišķu cilvēku apziņā. Pie zināmiem apstākļiem tie var kļūt par nacionālistisku aizspriedumu pastiprināšanās vai atdzīvošanās veicinošiem faktoriem.

Konkrētie sociologiskie pētījumi deva iespēju iepazīties arī ar inteligences novērojumiem par darbaļaužu zināmas daļas nepietiekošu nacionālo attiecību izpratni, nacionālistisko aizspriedumu izpausmēm. Piemēram, pētījumi rāda, ka nacionālo īpatnību pārspilēšana atsevišķos gadījumos sabiedriskās, darba vai dzīves vietās novērojuši 65,8% no aptaujātajiem. Nacionālo īpatnību ignorēšanu, šovinistiska rakstura aizspriedumus - 54,0% aptaujāto. Nacionālistiska rakstura aizspriedumi visbiežāk novēroti sabiedriskās vietās - satiksmes līdzekļos, tirdzniecības punktos u.c. Nacionālo attiecību un tautu draudzības jautājumos cilvēki ar nacionālistiskiem uzskatiem parasti vadās pēc savu personisko, egoistisko - patērēšanas interešu viedokļa. Nacionālisma paliekas sociālistiskajā sa-

biedrībā cieši savijas ar egoismu un mietpilsonību, zemu politiskās un tikumiskās kultūras līmeni.

Minētie pētījumi rāda, ka nacionālisma paliekas izpaužas ikdienas apziņas līmenī. Cilvēkiem ar nacionālisma vai šovinisma paliekām pa lielāki daļai ir empīriskais pasaules uzskats nacionālo attiecību un tautu draudzības jautājumos (14, 138.). Biežāk nacionālisma paliekas un izpaušmes parādās nacionālo īpatnību pārspilēšanā, nacionālā egoismā, nacionālā momenta pārmērīgā izcelšanā. To liecina konkrētie sociologiskie pētījumi, inteligences vērojumi šajā jautājumā (nacionālo īpatnību pārspilēšanu novērojuši 65,8%, bet nacionālo īpatnību ignorēšanu - 54,0%).

Analizējot inteligences izteiktās domas, vadoties pēc viņu profesionālās piederības, redzam, ka visbiežāk nacionālisma paliekas un izpaušmes vērojuši inženiertehniskās inteligences pārstāvji, vismazāk - lauku inteligence, kas dzīvo un strādā pēc nacionālās piederības vairāk viendabīgos kolektīvos. Salīdzinot atbildes pēc nacionālās piederības, vērojam īpatnēju iezīmi, proti, aptaujātie latviešu nacionalitātes pārstāvji mazāk ievērojuši dažāda veida nacionālo īpatnību pārspilēšanu, nacionālā egoisma izpaušmes nekā krievi, baltkrievi, poļi, ukraiņi, bet nacionālo īpatnību ignorēšanu mazāk ievērojuši krievu nacionalitātes pārstāvji nekā latvieši, baltkrievi, ebreji u.c. Autors uzskata, ka šādus rezultātus izskaidro sociālā psiholoģija. Cilvēki viennēr asāk izjūt citu trūkumus nekā sevējos. Dabīgi, ka arī nacionālās aprobežotības vai nacionālā pārkūma izpaušmes vispirms tiek ievērotas citā nacionālā vidē.

Analizējot pēc vecuma grupām, konstatējam, ka visvairāk dažāda veida nacionālisma paliekas novērojuši jaunieši vecumā no 20 līdz 25 gadiem sabiedriskās vietās un jauniešu kolektīvos. Pēc mūsu domām tas saistīts ar to, ka jaunieši asāk uztver un novērtē dažādas sabiedriski politiskās parādības, ka viņu iespaidi ir spilgtāki un noturīgāki. Nacionālistiskie aizspriedumi atsevišķu jauniešu uzskatos izskaidrojami ar nepietiekoši izveidotu un

nobriedušu zinātnisku pasaules uzskatu, ar nepilnībām jaunatnes komunistiskajā audzināšanā.

Pētījumi rāda, ka nacionālisma paliekas nav novērotas visur vienādi. Nacionālistiski aizspriedumi visvairāk novēroti daudznacionālā vidē - kolektīvā, rajonā. No vienas puses, daudznacionāls kolektīvs ir internacionālistiskās apziņas veidošanās faktors, internacionālisma skola, bet, no otras puses - tieši daudznacionālajā kolektīvā biežāk atsevišķu individu uzskatos, rīcībā izpaužas nacionālisma paliekas. Pēc mūsu domām, nacionālisma paliekas atsevišķu cilvēku apziņā saglabājas arī pēc nacionālā sastāva viendabīgos kolektīvos, bet šeit tās ir vairāk apslēptas, jo mazāka saskare ar citu nacionalitāšu pārstāvjiem, turpretī daudznacionālā kolektīvā nacionālistisku aizspriedumu noturību var veicināt dažādi blakus faktori, kurus iepriekš jau apskatījām, - valodas nepietiekama prasme u. tml.

Nacionālisma izpausmes parasti saistītas ar citām pagātnes paliekām, tādēļ cīņa pret tām prasa kompleksu pieeju. Cīņa pret visām pagātnes paliekām prasa konsekventi risināt komunisma celtniecības uzdevumus visās sabiedriskās dzīves sfērās, realizēt dzīvē PSKP XXVI kongresā izvirzītos lēmumus ekonomiskā potenciāla nemitīgā palielināšanā, sabiedrisko attiecību pilnveidošanā. Internacionālistiskā audzināšana balstās un ir cieši saistīta ar sociālistiskās sabiedrības saimnieciskās darbības panākumiem, bet sasniegumi ekonomikā, zinātnē, tehnikā savukārt ir ciešā sakarā ar padomju cilvēku ideoloģiskā brieduma nostiprināšanos, visu nāciju, tautību, etnisku grupu internacionālu saliedēšanos. Tādēļ it sevišķi svarīgs partijas un visas sabiedrības uzdevums cīņā pret nacionālisma paliekām ir tālāk attīstīt padomju tautas komunistisko un internacionālistisko audzināšanu, pilnveidot masu internacionālistiskās apziņas nostiprināšanos.

Literatūras saraksts

1. Маркс К. Наброски "Гражданской войны во Франции".
— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.17
2. Ļeņins V.I. Bunda nacionālisma pēdējais vārds.—Raksti,
6. sēj.
3. Ļeņins V.I. Par skolu sadalīšanu pēc tautībām.—Raksti,
19. sēj.
4. Ļeņins V.I. Kritiskās piezīmes nacionālajā jautājumā.
—Raksti, 20. sēj.
5. Ļeņins V.I. Par nāciju pašnoteikšanās tiesībām.
—Raksti, 20. sēj.
6. Ļeņins V.I. Sociālistiskās Internacionāles stāvoklis
un uzdevumi.—Raksti, 21. sēj.
7. Ļeņins V.I. Jautājumā par tautībām jeb par "autonomi-
zāciju".—Raksti, 36. sēj.
8. Padomju Savienības Komunistiskās partijas Programma.
R.: Liesma, 1968.
9. Brežņevs L. Par Padomju Sociālistisko Republiku Sa-
vienības piedesmito gadadienu. R.: Liesma, 1972.
10. Brežņevs L. PSKP CK pārskats PSKP XXVI kongresam un
partijas kārtējie uzdevumi iekšpolitikā un ārpoliti-
kā. R.: Avots, 1981.
11. Stučka P. Nacionālais jautājums un latviešu proleta-
riāts. R.: Liesma, 1972.
12. Darbaļaužu internacionālistiskā audzināšana. R.:
Liesma, 1967.
13. Brolihs J. Internacionālistiskā audzināšana. Teorijas
un prakses jautājumi. R.: Liesma, 1978.
14. Kims I. Padomju tauta - jauna vēsturiska kopība.
R.: Liesma, 1974.

15. Nacionālā attiecības. Proletāriskais internacionālistisms. Internacionālistiskā audzināšana. R.: Avots, 1981.
16. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, М: Статистика, 1973, т. IV.
17. Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения. 1979 года. М: Политиздат, 1980.
18. Современное революционное движение и национализм. М: Политиздат, 1973.
19. Холмогоров А.И. Единый и многонациональный. Р: Лиезма, 1970.

КРИТИКА ОСВЕЩЕНИЯ БУРЖУАЗНЫМИ ИДЕОЛОГАМИ РОЛИ И ЗНАЧЕНИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ В СССР

Советский Союз — первое в мире государство, в котором на подлинно интернационалистских, справедливых началах решен сложный вопрос о развитии и функционировании национальных языков и языка межнационального общения. Последовательный демократизм, полная свобода в освоении и употреблении любого языка, расцвет и сближение всех наций, укрепление дружбы народов обеспечили решение этой проблемы. Более того, можно сказать, что выдающиеся достижения СССР во всех сферах общественной жизни в значительной степени обусловлены правильным решением национального вопроса, в том числе и решением языковой проблемы.

Двужычце, как показывает сам термин, означает, что отдельная личность или часть нации владеет и попеременно пользуется еще одним языком, кроме своего родного языка.

Двужычце — явление историческое, известное еще в прошлые исторические эпохи. Однако советский тип двужычця — явление принципиально новое, оно существенно отличается от других известных в истории человечества типов двужычця. Предшествующие типы двужычця или ограничивались только некоторыми сферами общественной жизнедеятельности /латинский и арабский языки в средние века употребляли наука и религия/, или охватывали только незначительную часть общества, главным образом его верхние слои /французский язык в некоторых странах Европы 18 и 19 веков/, или же являлись следствием колониальной политики и захватнических войн /например, английский и французский языки в колониях/, или же один из языков в многонациональном государстве находился в господствующем, а другие в подчиненном положении /царская Россия/. Эксплуататорский строй налагал на двужычце и еще по-прежнему налагает типичную для этого строя печать.

В числе важнейших объективных факторов выбора одного из языков в качестве средства межнационального общения выступают экономико-производственные потребности, исторические традиции, распространенность языка, выступающего в этой роли, его развитость и совершенство.

Одним из объективно исторических факторов, облегчивших решение в нашей стране вопроса об общем межнациональном языке, явилось то обстоятельство, что русский язык получил довольно широкое распространение среди нерусских народов еще в дооктябрьский период. В условиях многонациональной имперской России русский язык насаждался как господствующий, государственный язык. Русские составляли около половины всего населения российского государства. Экстенсивное развитие капитализма в России во многом способствовало расселению русских по всем национальным окраинам. В многонациональной России ввиду географической целостности страны были открыты широкие возможности для перемещения и миграции населения, для общения и взаимопознавания разноязычных наций и народностей. Русский язык в этих условиях уже начал выполнять функции межнационального языка для определенной части населения, служа общению и обмену мнениями как русских и нерусских, так и значительной части нерусских между собой.

Когда в нашей стране развернулись глубокие социалистические преобразования, начали устанавливаться качественно новые межнациональные отношения дружбы, взаимной помощи и всестороннего сотрудничества, значительная часть населения национальных районов уже владела в той или иной степени русским языком (14, с.98-100). Выбор именно русского языка на роль языка межнационального общения логичен, исторически оправдан и подсказан большой общественной потребностью. С победой Великой Октябрьской социалистической революции, провозгласившей отмену всех и всяких национальных привилегий, в том числе и языковых, потребность в языке межнационального общения не отпала, а возросла. Исчез один из важных психологических барьеров, препятствовавших изучению русского языка - принудитель-

ность. Еще В.И. Ленин указывал, что с исчезновением всяких национальных привилегий население само определит тот язык данной страны, знать который большинству выгодно и "это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм..." (I, с. II7). Способствовало превращению русского языка в средство межнационального общения и то обстоятельство, что русские составляют более половины всего населения Советского Союза, а вместе с родственными славянскими народами - украинцами и белоруссами, хорошо понимающими русский язык, - почти три четверти. Основой для распространения двуязычия в СССР является интенсификация связей, контактов, сотрудничества народов нашей страны, расширение демократии в советской стране, укрепление дружбы народов, расцвет всех наций и народностей. Важную роль в этом процессе сыграл переход к обязательному среднему образованию. Распространение двуязычия (и многоязычия) - явление естественное и неизбежное в условиях социализма.

Двуязычие на основе свободного знания межнационального и национально-родного языка - основной, ведущий, определяющий тип двуязычия в нашей стране.

Таблица I. Языковая жизнь народов СССР

(5, с. 9-II; 6, 23-27)

По данным все- союзной переписи населения	Все население (млн. человек)	Из них считают родным язык сво- ей национальнос- ти (в процентах)	Назвали родным рус- ский язык		Свободно владеют русским языком		
			В процентах ко всему на- селению	в т.ч. нарус- ские в (млн.) про- центах к нерусско- му насел.	В процентах ко всему насе- лению	к нерус- скому насе- лению	
1959 г.	208,8	94,3	124,1	59,5	10,2 10,76	Данная графа отсутствовала	
1970 г.	241,7	93,9	141,3	58,7	12,8 11,35	41,9	17,34%
1979 г.	262,4	93,1	153,4	58,4	16,3 13,04	61,3	23,36%
							37,1% 49,0%

Как видно из таблицы, хотя удельный вес лиц, назвавших русский язык родным, несколько сокращается (что вызвано некоторым уменьшением относительной численности русских во всем населении СССР: в 1959 г. — 54,6%, в 1970 г. 53,8%, в 1979 г. — 52,4%), увеличивается число лиц нерусской национальности, считающих родным языком русский (за 20 лет на 6,1 млн. или 2,3%). Сравнение данных переписи населения 1970 г. и 1979 г. показывает распространение двуязычия: число лиц, которые указали, что владеют, кроме родного, еще и русским языком, увеличилось на 19,4 млн. и составляет почти половину нерусского населения нашей страны. В СССР в условиях развитого социалистического общества двуязычие стало массовым явлением, оно охватывает десятки миллионов человек, которые предст.вляют все советские нации и народности, все классы и социальные группы советского общества.

Практика показывает, что до тех пор, пока сотрудничество касается лишь отдельных лиц различных государств и народов или узких групп специалистов /дипломатов, деятелей науки и культуры/, возможно обходиться с помощью переводчиков. Но когда развиваются регулярные, тесные братские связи между народами /общественными организациями, научными учреждениями, коллективами предприятий, высших учебных заведений, спортивными коллективами, молодежными группами и т.д./, когда эти контакты становятся систематическими и массовыми, возникает необходимость в языке межнационального общения. Чем больше развита нация, тем интенсивнее ее связи с другими народами, тем больше необходимость в языке-посреднике.

Двуязычие — глубоко прогрессивное явление в развитии советского общества. Владение межнациональным языком означает обеспечение общей языковой базы сотрудничества всех наций и народностей. Чем больше людей данной нации, народности свободно владеют межнациональным русским языком, тем легче и разносторонней и. общение с другими нациями и народностями страны, тем шире обмен мнениями, тем эффективней сотрудничество, заимствование лучших сто-

рон друг у друга.

Следует подчеркнуть особо, что двуязычие в нашей стране возникло и существует на совершенно добровольных основах, в условиях, когда обеспечено полное равноправие и свобода развития языка каждой советской нации и народности. Принцип равноправия языков закреплён в Конституции СССР (статья 34 и 36).

Вопросам двуязычия в нашей стране, роли двуязычия в жизни наций и межнациональных контактах постоянное внимание уделяют идеологи буржуазии, в том числе и деятели прибалтийской буржуазно-националистической эмиграции. В их публикациях тщетно искать объективное отражение ситуации. Среди западных советологов популярен тезис о том, что уничтожение наций является конечной целью коммунизма. В полном соответствии с ним преобладающим на страницах периодических изданий латышской реакционной эмиграции ещё в середине 60-х годов являлся тезис о якобы нависшей реальной угрозе неминуемого неизбежного и весьма скорого исчезновения латышской нации. Покорение молодёжью целины, братская помощь пострадавшему от землетрясения Ташкенту, работа студентов в строительных отрядах за пределами республики — все истолковывалось буржуазными националистами как замаскированное принудительное расселение латышской молодёжи с целью её обрусения. В эмигрантской прессе часто повторялось утверждение, согласно которому окончившим вузы Латвии специально в целях "денационализации" предлагаются якобы более выгодные условия за пределами республики. Один из тогдашних лидеров организации латышских эмигрантов в Канаде Г.Брикманис пророчествовал в 1965 году, что в "ближайшие десять лет произойдет сто-процентное обрусение латышского народа". (22). Тогда же эмигрантская пресса уверяла своих неосведомленных читателей, что "в школах Латвии латышский язык является, главным образом, учебным предметом, а не языком, на котором ведётся обучение". (23). В 1967 году А.Намсонс, редактор издаваемого в ФРГ /Кёнигштейн/ и претендующего на наукообразность и объективность ежегодника "Acta

Baltica" в злобешем свете представлял читателям эмигрантской газеты "факты" о том, что в Советском Союзе за 50 лет якобы уничтожено 99 наций, и та же судьба ждет эстонцев, латышей и литовцев, которых "...решено уничтожить как нации" (24). О каких же "фактах" исчезновения наций идет речь?

По данным всесоюзных переписей населения число учтенных национальностей в СССР составляло: в 1926 г. - 194; в 1959 г. - 126 и в 1970 г. - 119. Уменьшение числа национальностей в СССР между переписями 1926 и 1959 годов действительно имеет место, хотя и не на 99, как указывает А. Намсон, а на 68. Это уменьшение объясняется процессами консолидации, которые происходили в жизни этнических общностей в период строительства социализма и в последующие годы. В перечне национальностей по материалам переписи 1959 г. по сравнению с переписью 1926 г. нет уже, например, в Дагестанской АССР таких народностей, как андийцы, арчинцы, ахвахцы, бежтинцы, ботлихцы, годобаринцы, каратинцы и некоторых других малых народностей, назвавших себя аварцами, с которыми они консолидировались в единую социалистическую нацию, нет также и таких припамирских народностей, как ваханцы, ишкашимцы и рушанцы, которые за период до 1959 г. слились с таджиками. Нет целого ряда других народностей, которые также слились с близкими им более крупными народностями или нациями, близкими им по языку, культуре, происхождению.

Следовательно, перепись 1959 г. отразила объективный и закономерный процесс коренных социальных преобразований, происшедших за этот период: ликвидацию капитализма и докапиталистических укладов в экономике, уничтожение векской отсталости многих народов, формирование социалистических наций и народностей. Консолидационные процессы происходили и в период от переписи 1959 г. до 1970 г., результатом чего является, как видим, дальнейшее, но менее значительное уменьшение учтенных национальностей. (15, с. 155-159). Поэтому нелепо реальный, объективно закономерный процесс консолидации наций, интеграции этнических групп,

их ассимиляции с большими по численности и родственными социально-этническими общностями представлять как насильственное уничтожение нации. Нация, учит марксизм-ленинизм - категория историческая. Развитие человеческого общества в перспективе, весьма неблизкой, приведет в конечном счете к слиянию наций. Но научный коммунизм решительно отвергает посягательства на национальный суверенитет, насильственное форсирование слияния наций. Слияние наций В.И. Ленин связывал с ликвидацией капитализма во всем мире, отмиранием государства, созданием полной экономической, политической и культурной общности людей во всемирном масштабе (2, с.256). Растущее сближение наций и народностей СССР является объективным процессом. Партия выступает против искусственного форсирования этого процесса, в основе которого - интенсивное экономическое и социальное развитие каждой советской республики. В Отчете Центрального Комитета КПСС XXVI съезду особо подчеркнуто: "Этот процесс идет у нас так, как он и должен идти при социализме: на основе равенства, братского сотрудничества и добровольности. За соблюдением этих ленинских принципов национальной политики партия следит строго. От них мы не отступим никогда!" (4, с.57). В истолковании же буржуазных идеологов получается, что слияние наций - одна из ближайших целей социализма. С позиций этой живой доктрины они извращают национальную политику КПСС и советского государства. Распространение русского языка как языка межнационального общения идентифицируется с русификацией и ликвидацией национальных языков. Так, например, американский антикоммунист литовского происхождения Ст.Вардис в своей статье, помещенной в ведущем советологическом журнале США "Problems of Communism" утверждает, что главная тенденция в национальном развитии в республиках Прибалтики - это русификация (21, с.42). Аналогичной является и позиция американского советолога эстонского происхождения Р.Талгепера, которая излагается в британском журнале "Soviet Studies" в статье "Советская перепись населения 1970 года: слияние или кристаллизация

национальностей?" (20). Уже сам заголовок данной статьи противопоставлен общепризнанному, краеугольному положению марксистско-ленинской теории наций о том, что в условиях социализма сближение и расцвет наций выступают как две стороны единого процесса. Всю статью пронизывает ярко выраженная тенденция противопоставить все нерусские народы русской нации. Автор все население советской страны, которое, как известно, составляют представители более 100 наций и народностей, делит на две группы - русские и нерусские. Конкретные данные переписи населения /признание родным языка своей национальности, процент лиц в данной национальности, свободно владеющих русским языком, изменение численного состава наций и др./ о нерусских нациях и народностях анализируется только в таком аспекте - русские или нерусские. Такая расстановка акцентов вполне соответствует традициям и догмам современной советологии, которая исходит из убеждения что "самым важным аспектом советских этнических отношений является отношение русских к нерусским и обратное отношение нерусских". (19). Как и следовало ожидать, русские изображены ассимиляторами, которые постепенно вбирают в себя всех нерусских, а остальные советские народы - как подверженные ассимиляции. Понятие "слияние наций" и "ассимиляция" Р. Таагепера употребляет как идентичные.

О непонимании, а вернее - о сознательном искажении диалектики процесса сближения и расцвета наций свидетельствует поставленный в начале статьи Таагеперы вопрос: "Происходит ли процесс медленного слияния советских наций или же, напротив, они кристаллизуются в более определенные нации?" Чтобы ответить на него, данный советолог исследует только один аспект национальных отношений из отраженных в переписи населения - языковой. Исходя из собственного вымысла, будто "национальности в советской практике определяются в первую очередь на базе языка", данный автор слияние национальностей определяет как "всеобщую адаптацию к общеупотребительному русскому языку для повседневного пользования им на работе, в системе образования и в конечном счете в частной жизни". Процесс "кристаллиза-

ция наций" /под этим, очевидно, подразумевается сохранение национального своеобразия и его усиление/ Р.Таагепере понимает как "ограниченное /выд. в тексте/ пользование русским языком для внешних коммуникаций... в то время как развитие образования и локальной деятельности идет главным образом на местных языках" (20, с.216). Исходя из определенного таким образом языкового критерия слияния национальностей, автор статьи концентрирует свое внимание на таких показателях, как процент русских в общем составе населения данного региона, удельный вес лиц, которые называют родным языком русский, но осознают свое нерусское происхождение, и, наконец, удельный вес представителей других национальностей, которые свободно владеют русским языком.

Таков подход буржуазного автора к роли и месту двуязычия в советском обществе. Для доказательства несостоятельности его методики проанализируем состояние языковой ситуации на примере нашей республики (см. таблицу 2).

Как видно из таблицы 2, в Советской Латвии двуязычие широко распространено и продолжает распространяться. За 9 лет удельный вес латышей, свободно владеющих русским языком, увеличился на 13%, что почти полностью соответствует увеличению числа свободно владеющих русским языком среди нерусских национальностей по всей стране в целом за этот период (см. таблицу 1).

Р.Таагепера выдвигает гипотезу: если процент владеющих русским языком среди данной нации необычайно высок, то это может означать, что вся нация уже готова к ассимиляции. Таковым "критическим" показателем распространения национально-русского двуязычия среди представителей определенной нации, перекупив который она уже "готова к ассимиляции", является, по подсчетам Р.Таагепера, превышение отметки 50%. Знание русского языка 20-50% представителей данной нации еще совместимо с ее "кристаллизацией", допускает Р.Таагепера. Излагая ход его рассуждения, следует указать на существенную оговорку автора о том, "что чрезмерно низкий процент латвийцев, бегло говорящих по-русски, не должен восприниматься как признак кристаллизации нации, а скорее всего как признак неразвитости". Ибо, продолжает

Таблица 2. Распределение населения Латвийской ССР по национальности и языку
(5, с. 280; 7, с. 9-10; 8, с. II; 9, с. 7)

	Число лиц данной национальности				Считают родным язык своей национальности (в процентах)		Из общего числа лиц данной национальности свободно владеют вторым языком народов СССР (в процентах)			
	1970		1979		1970	1979	РУССКИ		ЛАТЫШСКИМ	
	тысяч человек	в процентах ко всему населению	тысяч человек	в процентах ко всему населению			1970	1979	1970	1979
Все население	2364,1	100	2502,8	100						
в том числе										
латыши	1341,8	56,8	1344,1	53,7	98,1	97,8	45,3	58,3	0,9	1,1
русские	704,6	29,8	821,5	32,8	98,7	99,0	0,9	0,8	17,1	19,1
белорусы	94,9	4,0	111,5	4,5	43,6	38,7	34,4	34,6	11,8	12,5
украинцы	53,5	2,3	66,7	2,7	53,9	46,6	47,1	43,1	5,1	6,4
поляки	63,0	2,7	62,7	2,5	44,4	33,4	42,6	38,7	23,5	21,8
литовцы	40,6	1,7	37,8	1,5	79,3	71,7	29,6	37,3	40,6	39,4
евреи	36,7	1,6	28,3	1,1	46,2	28,3	36,0	24,8	20,3	22,3
другие национальности	29,01	1,1	30,2	1,2	65,1	57,0	53,4	43,0	17,0	18,4

свои рассуждения Р. Таагепера, как "слияние, так и кристаллизация подразумевают /предполагают/ высокий уровень развития нации, и в советских условиях для хорошей кристаллизации нации потребуется значительное число людей данной нации, свободно владеющих русским языком". Иначе говоря, здесь признается, что свободное владение вторым языком значительной частью данной нации есть, в первую очередь, признак ее развитости.

Двуязычие в советской стране означает равноправное и свободное употребление своего родного языка и языка межнационального общения /или же любого другого языка/. Тот факт, что упрочиваются позиции языка межнационального общения, не означает, что нужно отказываться от своего родного языка, что он начинает отмирать.

Данные переписи населения 1979 года свидетельствуют, что 97,8% живущих в республике латышей, то есть представителей латышской нации, признали родным язык своей нации, и 1,1% латышей хотя и назвали родным другой язык, однако указали, что свободно владеют латышским языком. Следовательно, 98,9% латышей свободно владеют латышским языком. По сравнению с 1970 годом удельный вес латышей, которые считают родным язык своей нации, уменьшился с 98,1% до 97,8%, то есть на 0,3%.

Сами названные нами советологи Ст. Вардис и Р. Таагепера, размахивавшие дупелом ассимиляторства и употребляющие выражения "эрозия наций", "эрозия языков", вынуждены однако признать, что сравнение данных переписи населения 1959 и 1970 годов не свидетельствует об "эрозии народов Прибалтики", что и "в дальнейшем сохранится возможность употреблять родной язык для сношений внутри нации" и что "процесс слияния медленен" (20, с. 220-221; 21, с. 44).

В связи с напряженностью к русскому языку, который объединяет многонациональный советский народ в общем созидательном труде, советологи доходят даже до курьезов. Так, например, Р. Таагепера допускает возможность, что хорошее знание русского языка может быть причиной низкого /или даже негативного/ численного прироста отдельных наций, так как

"очень возможно", что именно этот фактор вызывает тяжелые ассимиляционные потери (20, с.219).

Как Ст.Бардис, так и Р.Таагепера игнорирует факты двустороннего двуязычия в Латвийской ССР, ибо они, очевидно, трудно согласуются с "русификацией", "тяжелыми ассимиляционными потерями" и т.д. В Латвийской ССР двуязычие может считаться двусторонним. Как видно из таблицы 2, в 1979 году 58,3% представителей латышской нации из числа живущих в Латвии признали, что владеют русским языком. Это один из самых высоких показателей двуязычия среди коренных наций союзных республик (2-е место после белорусов). Но и в 1970 году показатель национально-русского двуязычия латышской нации также был одним из самых высоких среди союзных республик. Объяснение такого положения заключено в нескольких факторах. Во-первых, русский язык как средство общения, хотя и не единственное, имеет на территории Латвийской ССР длительную историческую традицию (II, с.200) Роль русского языка особенно усиливается с середины XIX века, когда латыши в борьбе с немецким гнетом пользуются поддержкой русских общественных деятелей. Совместная революционная борьба латышей и русских в конце XIX и начале XX века также способствует широкому распространению русского языка на территории современной Латвии. Во-вторых, Латвия является одной из наиболее урбанизированных республик нашей страны. Известно, что города всегда отличались более многонациональным составом жителей и более высоким уровнем культуры по сравнению с селом, что также отражается на развитии двуязычия.

Распространен в Латвии и русско-национальный тип двуязычия. Представители других живущих в Латвии наций осваивают, в свою очередь, латышский язык. По данным переписи, пятая часть нелатышского населения республики свободно владеет латышским языком. Этот показатель за 9 лет вырос у русских (на 2%), украинцев (1,3%), белорусов (0,7%) - евреев (12%). В целом в январе 1979 года в Латвийской ССР назвала латышский язык родным языком или вторым языком, которыми она свободно владеет, 1573,6 тысяч,

что составляет 62,9% жителей республики, русский язык - 1923,2 тыс. человек или 76,8%.

Эти данные свидетельствуют о том, что в нашей республике в целом высокого уровня достигло двустороннее двуязычие: большинство населения республики разговаривает на обоих языках - на национальном языке и языке межнационального общения /русском/. Идеолог латышской эмиграции Б.Калныньш в своей статье о демографической ситуации в Латвии в 1976 году ведет речь об "определенной латышизации недатышей". Это свидетельствует, - пишет он, - о том, что русификаторская политика советского правительства была неудачной. Посему тревоги о русификации не имеют под собой серьезного основания. . . . Перед нами типичный пример логики рассуждений буржуазного националиста, который даже не может допустить мысль о том, что русификаторская политика вообще не проводилась Коммунистической партией и Советским правительством.

В условиях социализма не может быть и речи о том, что происходит соревнование между национальным языком и языком межнационального общения, что язык - бесценное национальное сокровище каждого народа и объект национальных чувств - подвергался бы унижению, преуменьшались бы его роль и общественная значимость.

Ленинская национальная политика партии исходит из убеждения, что русский язык и национальные языки народов СССР взаимно дополняют друг друга и в своем единстве наиболее полно удовлетворяют как интересы каждой советской нации и народности, так и интересы новой социальной и интернациональной общности - советского народа.

Все ценное и полезное, чему можно учиться у других народов, достигает широких слоев трудящихся данной нации и дает ощутимые результаты в том случае, если на помощь родному языку приходит язык межнационального общения, который позволяет во всей полноте понять и освоить заимствованное из национальных источников.

Программа КПСС, руководствуясь принципами ленинской национальной политики и принимая во внимание реальную

практику языковой жизни нашего многонационального государства, указывает: "Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре" (3, с. II5).

Латышский язык еще до великой Октябрьской социалистической революции принадлежал к сравнительно высоко развитым языкам (14, с. 98-100). Латышский народ уже имел сравнительно богатую художественную литературу, таких выдающихся мастеров художественного слова, как Я. Райнис, А. Упит, Р. Блауманис. На латышском языке издавалась научная литература. Далеко за пределами республики известно имя латышского языковеда Я. Эндзелана.

Социализм открыл небывалые возможности для развития латышского языка. Язык, будучи одним из существенных признаков нации, является глубоко социальным явлением, так как общество влияет на развитие языка, его социальные функции, а также на его структурное развитие. Язык есть продукт общества, подчеркивает выдающийся советский языковед Ю. Дешериев. В языке все социально в том смысле, что язык не может функционировать и развиваться вне общества (12, с. 55).

Быстрые темпы общественного развития, деятельное участие в строительстве коммунизма и рост общественной активности представителей нации, пользующихся языком и создавших его, способствуют повышению роли литературного языка в развитии общества. Сфера функционирования латышского литературного языка всеобъемлюща: система просвещения, художественная литература, театр, телевидение, радио, культурно-просветительные учреждения, общественно-политическая жизнь, наука, книги, газеты и т.д.

Латышский народ имеет обширную оригинальную и переводную литературу на родном языке. В 1940 году на латышском языке было издано 286 книг /печатных страниц/ тиражом 2300 тысяч экземпляров, а в последние пять лет /1975-1979 гг./ на латышском языке ежегодно в среднем издавалось

1147 книг и брошюр общим тиражом свыше 12 миллионов. За весь послевоенный период с 1945 по 1979 год на латышском языке издано 37 тысяч печатных единиц общим тиражом 315 миллионов экземпляров. (9, с. 282-283).

Важно отметить, что ежегодно в среднем 254 книги были переведены с 25-31 языков других народов и их общий тираж в среднем достиг почти 6 миллионов экземпляров. (10). Эти цифры показывают, какую большую роль в интеллектуальной жизни латышской нации играют культурные ценности других народов. Книги латышских авторов также переводятся на языки народов СССР, особенно на русский язык, и главным образом через посредство русского языка — на языки зарубежных народов. За период с 1975 по 1979 годы ежегодно около 130 книг переводились на 9-22 языка /примерно 75% из них переводились на русский язык/ и их тираж в среднем достигал почти 4 миллионов экземпляров в год. (10).

Рост функциональной нагрузки латышского литературного языка способствует обогащению его лексического фонда, потому что деятельная и многообразная интеллектуальная жизнь нации порождает новые потребности выражения и обозначения на родном языке новых явлений общественной жизни, новейших достижений научной и теоретической мысли. В лексику латышского языка вошли сотни новых слов и новых значений слов, среди них имеются как заимствования, так и новые словообразования. (16, с. 10-12).

Языковеды республики работают над словарем латышского литературного языка, который планируется выпустить в 3-ми томах с 80.000 словами. Уже вышло 4 тома (1972-1980 гг.). Впервые в истории латышской лексикографии подготовлен и издан "Частотный словарь латышского языка" в 4-х томах (1966-1976) и "Обратный частотный словарь латышского языка" (1976). (17, с. 38-39). С 1978 по 1978 гг. вышли 13 терминологических словарей по физике, электронике, литературоведению, медицине, сельскохозяйственным наукам и другим отраслям знаний. Все эти словари — наглядное свидетельство богатства лексики латышского языка.

Это факты, которые нельзя оспорить, которые говорят

красноречиво сами за себя. Факты эти признаются сегодня и в трудах наших идейных противников, пристрастно изучающих прибалтийский регион.

Осознав неэффективность оголтого отрицания успехов в развитии советских наций, в том числе и латышской нации, расцвета ее культуры и языка, наши идеологические противники предлагают несколько иную по форме трактовку национальных отношений. Примечателен в этом плане вышедший в 1977 году в США под редакцией руководителя Программы исследования советских национальных проблем Э.Оллуорта сборник статей "Выживание национальных групп в многонациональном государстве. Прибалтийские советские республики". Авторы этого сборника выступили в 1976 году с докладами на У конференции Ассоциации по развитию исследований Прибалтики, которая проходила в Колумбийском университете и в подготовке докладчиков для которой принял активнейшее участие Э.Оллуорт.

Отличие подхода авторов названной книги заключается в том, что они считают ошибочным распространенный среди западных исследователей тезис, согласно которому по мере модернизации современного общества происходит "ослабление этнической идентичности". Напротив, считают они, в современных условиях индустриализация и массовое образование все больше способствуют росту национального самосознания народов (которое, отметим, истолковывается в основном как рост национализма. - авт.). "Высокую степень лингвистической сохранности и национальной идентификации вместе с огромным количеством публикаций на языках коренных национальностей можно рассматривать как благоприятный фактор, как признак жизнеспособности нации", - утверждает К.Дорсам (18, с.160). "Этническая ассимиляция маловероятна", - соглашается с ним Г.Парминг (18, с.41).

Однако и этот сборник содержит стандартные обвинения национальной политики партии в русификации, выделяя при этом такие ее стороны как "объективная русификация" (распространение элементов русской культуры) и "субъективная русификация" (навязывание эмоциональной идентификации с русскими) (18, с.230). Авторы статей много страниц посвя-

щают стратегии "выживания наций", их "глубокой защите", якобы изобретенной советскими нациями в условиях национально-го гнета. Данная трактовка национальных отношений как враждебных, соперничающих (*adversary model*) не нова и весьма широко распространена среди изучающих национальные отношения советологов. Однако в последние годы некоторые из западных исследователей критикуют такую модель. Указывается, в частности, что "смещение акцента на враждебность и противоборство народов СССР приводит к пренебрежению несоперничающим аспектом национальных отношений. Недооцениваются такие важные факторы, как наличие определенных, разделяемых всеми народами ценностей" (19, с.72). Как видим, даже буржуазные исследователи признают ценности, разделяемые всеми народами СССР. Такой общепризнанной ценностью, добавим мы, является для народов нашей страны содействующий взаимопониманию, открывающий путь к сокровищнице мировой культуры язык межнационального общения русский язык.

Обобщая данные о распространении в советской стране языка межнационального общения, советологи в основной своей массе признают массовый характер двуязычия, но не допускают возможности, что это произошло добровольно, что этот процесс определили объективные экономические, социальные и культурные потребности развития общества. Согласно их трактовке, двуязычие ввели советские руководители, следовательно, путем насильственной русификации.

В действительности же тот факт, что почти три пятых представителей латышской нации владеют также и русским языком, свидетельствует не о русификации, а о подлинном равноправии латышской нации в семье братских советских народов, об активности, прочном и органическом включении латышской нации в экономическую, общественно-политическую, культурную и научную жизнь, о ее быстром и восторженном расширении при социализме.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн.собр.соч., т.24.
2. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Полн.собр.соч., т.27.
3. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с.117.
4. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
5. Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. т.IV. Национальный состав населения СССР. М., 1973.
6. население СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980.
7. Население Советской Латвии. Рига, 1980.
8. Народное хозяйство Латвийской ССР в 1970 году. Рига, 1971.
9. Народное хозяйство Латвийской ССР в 1979 году. Рига, 1980.
10. Статистические сборники "Печать СССР в 1975, 1976, 1977, 1978, 1979 году". Подсчеты авторов.
11. Граудина Л.К., Семенова М.Ф. Русский язык в Латвийской ССР.- в кн.: Русский язык как средство международного общения. М., 1977.
12. Демурев Ю.Д. Проблема функционального развития языков и задачи социолингвистики.- В кн.: язык и общество. М., 1968.
13. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Внутроструктурное развитие старорусских языков. М., 1973.
14. Уманзаров К.Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977.

15. Цамерян И.П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М., 1973.
16. Blinkena A. Latviešu literārā valoda un valodas kultūra Padomju Latvijā.- Grām. Latviešu valodas kultūras jautājumi. 15. laidziens. R., 1979.
17. Roze L. Leksikogrāfiskais darbs.- Grām. Latviešu valodas kultūras jautājumi. 15. laidziens. R., 1979.
18. Nationality Group Survival in Multiethnic States. Shifting Support Patterns in the Soviet Baltic Region. N-Y, 1977, p.160.
19. Brian D.Silver. Soviet Nationality Problems: Analytic Approaches.- Problems of Communism, 1979, N 4, p.71-75.
20. Rein Taagepera. The 1970 Soviet Census: Fusion or Crystallization of Nationalities? - Soviet Studies, vol.XXIII, 1971, N 2, p.216-221.
21. V.Stanley Vardys. The Problem of Nationality. Modernization and Baltic Nationalism.- Problems of Communism, vol.XXIV, 1975, N 5.
22. Latvija Amerikā, 1965, 20.marts
23. Latvija Amerikā, 1965, 20.nov.
24. Latvija, 1967, 17.jūn.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРТИИ ЛАТВИИ В БОРЬБЕ С БУРЖУАЗНЫМ НАЦИОНАЛИЗМОМ (1945-1953 гг.)

КПСС всегда вела непримиримую борьбу против национализма, шовинизма и всех их проявлений. На XXVI съезде КПСС Л.И.Брежнев в этой связи подчеркнул: "КПСС боролась и всегда будет бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов..." (9, с.75). С трибуны партийного съезда была отмечена особая актуальность этой борьбы в Прибалтике, которая "в силу своего географического положения находится на переднем крае идеологической борьбы, притом на таком участке, где огонь антисоветской пропаганды имеет очень большую плотность" (9, с.326).

При разоблачении реакционного содержания национализма, его антинаучных доктрин, социальных функций, необходимо прежде всего глубоко изучить его конкретно-исторические черты, этапы развития. Немаловажное значение для успешной идеологической работы имеет обобщение, оценка исторического опыта Компартии Латвии на разных этапах ее деятельности по борьбе с буржуазным национализмом.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков с территории Советской Латвии в республике продолжался переходный период от капитализма к социализму, завершившийся к 1953 году построением в основном социалистического общества (23, с.34). Классики марксизма-ленинизма, разработавшие научную методологию вопроса о становлении и развитии коммунистической формации, отмечали, что общество переходного периода "во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло" (1, с.18). Это относится и к проявлениям национализма, национального эгоизма и национальной ограниченности, которые не исчезают автоматически и принадлежат к самым устойчивым пережиткам, которые упорно сохраняются в мышлении части людей.

Как в организации и осуществлении практической работы по борьбе с буржуазным национализмом, так и в исследовательской работе по раскрытию и обобщению исторического опыта этой борьбы, необходимо учитывать важнейшие методологические указания В.И.Ленина по этим вопросам. Еще накануне I мировой войны в известной статье "О праве наций на самоопределение" Ленин подчеркивал: "...безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране ..., учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи" (3, с.263-264). Уже с позиций пятилетнего опыта идеологической работы после Октября Ленин указывал: "Никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще!" (8, с.359)

В конкретно-исторических условиях строительства социализма в Латвии рядом причин и обстоятельств определялась особая значимость успешной борьбы с латышским буржуазным национализмом, за победу принципа пролетарского, социалистического интернационализма в идеологии, а также в практике межнациональных отношений исторически сложившегося многонационального населения республики.

В дооктябрьский период в Латвии национальный вопрос стоял очень остро. В.И.Ленин относил латышей к числу наиболее угнетенных национальностей России (2, с.206), отмечал, что Паризм, помещики, капиталисты вызвали здесь ненависть вековым угнетением (6, с.174).

В эпоху империализма национальный вопрос был объектом всяческих спекуляций латышской буржуазии. Она прилагала все усилия, чтобы захлестнуть народ мутным потоком национализма и шовинизма. Объективно начался процесс трансформации латышской нации из малой угнетенной нации в малую угнетающую нацию. Разумеется, это относится к буржуазной и мелкобуржуазной части нации, ибо, благодаря неустанным усилиям Компартии Латвии, латышский пролетариат в целом всегда оставался на незыблемых позициях пролетарского интернационализма. Однако это не значит, что и некоторые

слои трудящихся не могли быть заражены ядом национализма.

Своего печального апогея этот процесс достиг в годы фашистской диктатуры Ульманиса, когда латышский буржуазный национализм принял свою крайнюю форму — форму шовинизма, наметилась "идейная и социальная близость крайнего латышского национализма, шовинизма и фашизма с немецким национал-социализмом" (50, с.7).

После победы социалистической революции в Латвии летом 1940 года широко распространялась идея дружбы народов, партийные организации успешно осуществляли поставленную перед ними IX съездом КП(б) Латвии задачу: "Особое внимание уделять правильному осуществлению национальной политики партии и вопросам борьбы с шовинизмом и антисемитизмом" (10, с.631). Однако академик В.П.Самсон справедливо отмечает, что тогда еще "в известной степени в тени оставалась критика идейно-теоретических концепций латышского национализма" (50, с.17). Исследователи социалистических преобразований 1940-1941 годов поэтому отмечают, что "не удалось преодолеть буржуазно-националистические взгляды, особенно у значительной части интеллигенции и учащейся молодежи" (44, с.56).

В годы Великой Отечественной войны процесс социальной дифференциации латышской нации достиг наибольшей глубины. С одной стороны, лучшие сыны и дочери народа под руководством Коммунистической партии мужественно боролись против оккупантов, в годы тяжелейших испытаний убедились в огромной силе пролетарского интернационализма, дружбы народов. С другой стороны, антисоциалистические силы во главе с профашистски настроенной буржуазией, слепо следуя эмоциям классово-ненависти и самым низменным инстинктам, встали на путь сотрудничества с оккупантами, безуспешно стараясь замаскировать свои предательские действия пропагандой буржуазного национализма, пытались придать официальной нацистской идеологии некую "латышскую окраску", всячески способствовали усилиям оккупационных властей свести рознь и недоверие между представителями разных национальностей, отравлять сознание масс антисемитизмом и русофобией.

Объективно в годы войны позиции идеологии латышского буржуазного национализма были основательно подорваны, ибо ее носители, сотрудничая с оккупантами, самогубооблачили, открыто встав на антинациональные позиции. Но здесь уместно напомнить слова П. Стучки: "Национализм -- это болезнь, которая, хоть раз пережитая, часто возвращается снова, хотя и в более легкой форме. И худшая ее особенность та, что она может помрачить яснейше ум" (19, с. 195). В первые послевоенные годы националистические чувства еще всячески подогревались антисоциалистическими силами как в самой республике, так и вне ее. Также нельзя сбрасывать со счета и то, что преступные действия латышских буржуазных националистов -- пособников фашистских оккупантов,^х вызвали справедливо негодующее отношение и оставили известные следы в психологии представителей других национальностей, оказавшихся на временно оккупированной территории. Во взаимоотношения народов были посеяны семена недоверия. На практике это нередко проявлялось в отождествлении преступлений отдельных представителей нации со всеми представителями данной нации, что, в свою очередь, могло подогревать националистические чувства представителей латышской нации.

Восстановление народного хозяйства и строительство социализма в Латвии после войны проходило в условиях классовой борьбы. Правда, вопрос "кто-кого?" в Прибалтике не стоял, он был бесповоротно и окончательно решен уже в ходе социалистической революции. Однако, известное количество антисоветских элементов продолжало вооруженную борьбу против Советской власти, и только в 1953-1954 годах буржуазно-националистическое подполье было окончательно ликвидировано (22, с. 58). К нашей республике можно полностью отнести слова М.А. Суслова, работавшего в 1944-1946 годах в Советской Литве: "Свою антинародную деятельность против рабочих и трудового крестьянства буржуазные националисты стараются

^х При их активном участии только на оккупированной территории Латвии было уничтожено более 100.000 мирных граждан Советской Латвии, 214.000 граждан других советских республик и ряда европейских стран, 330.000 советских военнопленных (20, с. 320-321).

прикрыть национальным флагом, мошеннически именуя свои разбойничьи дела^х борьбой за "независимость", за "национальные интересы", "национальную культуру". Они, насаждая фашистскую теорию расовой ненависти и вражды между народами, распространяют самые чудовищные клеветнические измышления о русском народе и других народах Советского Союза, о Красной Армии" (14, с. 142). В условиях борьбы с вооруженными бандами идеологическая деятельность партии по разоблачению буржуазного национализма имела огромное значение и способствовала вовлечению широких слоев населения в борьбу с бандитизмом.

Таким образом, латвийский буржуазный национализм в послевоенные годы имел ярко выраженную антисоветскую окраску и контрреволюционную направленность. В практике идеологической работы поэтому зачастую любая антисоветская деятельность именовалась буржуазно-националистической, что необходимо учитывать при работе с историческими источниками этого периода.

До конца переходного периода от капитализма к социализму в Латвии сохранялось известное количество носителей буржуазно-националистической идеологии — представителей бывших эксплуататорских классов и непролетарских слоев.

Как известно, в 1944-1949 годах в латвийской деревне осуществлялась политика ограничения и вытеснения кулачества и только во второй половине марта 1949 года была проведена экспроприация кулацких хозяйств и выселение части кулаков за пределы республики, что означало не просто выселение их в условиях обострившейся классовой борьбы, а ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Но это, как отмечалось в Отчетном докладе Центрального Комитета, проходившего в декабре 1951 года XI съезда КП(б) Латвии, "...вовсе не означает, что антисоветские элементы в деревне сложили оружие" (61, ф. 101, оп. 14, д. 2, л. 30).

^х В Лette от рук буржуазных националистов погибло около 13.000 партийно-советских работников и активистов (41, с. 11), в Латвии - 1,660 (23, с. 131).

Еще более многочисленной была мелкобуржуазная часть населения. Согласно данным ЦСУ Совета Министров республики, к середине 1947 года 49% населения Советской Латвии были крестьяне-единоличники (35, с. 31). И со вступлением в колхозы они не сразу избавились от остатков частнособственнической психологии, мелкобуржуазных предубеждений. От националистических пут с трудом высвобождалась часть старой интеллигенции.

И еще один фактор, который нельзя было сбрасывать со счета. Первый секретарь ЦК КП(б) Латвии Я.Э.Калнберзин еще на III партийной конференции г.Риги в августе 1946 года указывал, что в условиях "холодной войны" империалистическая пропаганда с помощью реакционных кругов латышской эмиграции пыталась разжечь националистические пережитки, воскресить былую национальную рознь между народами СССР (61, ф.102, оп.4, д.1, л.24).

Разжигание империалистами "холодной войны" буржуазно-националистические эмигранты расценивали, по словам одного из главарей реакционной латышской эмиграции, бывшего министра буржуазной Латвии Р.Лиепиньша, как "значительное улучшение условий борьбы за освобождение Латвии" (31, с.46). Еще в 1953 году конгресс США в обстановке большой шумихи занялся "расследованием" так называемого "насильственного включения" Латвии, Литвы, Эстонии в состав Советского Союза. Государственный секретарь США Д.Ф.Даллес публично подчеркивал, что США "не примирились" со вступлением Прибалтийских республик в состав СССР и что правящие круги США собираются использовать любые средства, чтобы "добиться преобладания наших (т.е. империалистических, американских - Ю.Г.) принципов" (31, с.46). А ставка на национализм, как известно, в этих планах занимала первостепенное значение.

Такой была конкретно-историческая обстановка, особенности, которые определяли опасность распространения буржуазно-националистических взглядов, необходимость решительной борьбы с ними.

Непримиримая борьба против буржуазного национализма,

шовинизма и всех их проявлений являлась неотъемлемой частью работы по интернационалистскому воспитанию трудящихся, всей национальной политике Компартии Латвии, одним из самых важных направлений ее идеологической деятельности в условиях переходного периода от капитализма к социализму.

С восстановлением Советской власти в Латвии в 1940 году борьба с латышским буржуазным национализмом стала одним из основных принципов нового государства. Согласно статье 95 принятой 25 августа 1940 года Конституции Латвийской ССР "...всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения карается по закону" (II, с.259). С 26 ноября 1940 года на территории Латвийской ССР подлежал применению уголовный кодекс РСФСР (I2, с.24), согласно статье 59 которого "пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной ...вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера" влекли за собой уголовную ответственность (33, с.36). Таким образом, те выступления, которые заведомо были направлены к возбуждению национальной розни, могли квалифицироваться как уголовные (33, с.147). В судебной практике эти статьи Уголовного кодекса в чистом виде не нашли широкого применения, поскольку против идеологии и психологии буржуазного национализма прежде всего следовало бороться на фронте идеологической и воспитательной работы.

Правда, на последнем этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы разного рода антисоветские, антисоциалистические элементы объединились под флагом воинствующего буржуазного национализма и вели вооруженную подпольную борьбу против Советской власти. Компартия Латвии придавала большое политическое значение эффективной борьбе против буржуазно-националистического бандитизма, быстрейшему его разгрому. Поскольку по этим вопросам в советской историографии уже появились первые специальные исследования (43), здесь мы остановимся только на вопросах идеологической работы Компартии Латвии по борьбе с латышским буржуазным национализмом. Отметим лишь, что существование в дан-

ный период буржуазно-националистического бандитизма не могла не оставить свой отпечаток на идеологической работе.

Уже с первых дней работы в освобожденных городах и уездах Компартия Латвии ставила перед собой задачу не только ликвидировать ущерб, принесенный войной народному хозяйству, культуре и уровню жизни, но и изжить все последствия деятельности оккупантов и латышских буржуазных националистов в области идеологии и психологии населения. Выступая с докладом "О ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации на территории Латвийской ССР" на VI Пленуме ЦК КП(б) Латвии, который состоялся в освобожденной Риге в ноябре 1944 года, товарищ Калнберзин Я.Э. засвидетельствовал верность партии ленинским принципам национальной политики и отметил, что "главная опасность на сегодня в республике - это местный национализм" (61, ф. 101, оп. 3, д. 7, л. 14). Пленум обязал партийные и советские организации усилить борьбу против латышского буржуазного национализма, широко разъясняя населению, что латышские националисты являются врагами и предателями своего народа (61, ф. 101, оп. 3, д. 3, л. 19).

Разоблачение идеологии буржуазного национализма становилось неотложной задачей идеологической работы партии. На это в своих многочисленных публикациях указывал А.Я.Пельше, работавший в те годы секретарем ЦК КП(б) Латвии. В конце 1944 года в брошюре "Буржуазные националисты - злейшие враги латышского народа" он писал: "... часть наших работников еще недооценивает тот вред, который причинили и в известной степени продолжают причинять нашему народу пособники оккупантов - латышские буржуазные националисты. Поэтому борьба с националистами и всякого рода примиренцами с ними не может быть снята с повестки дня" (13, с. 46).

И действительно, вопрос этот с повестки дня не сошел. Подводя итоги работы военных и первых послевоенных лет, Я.Э.Калнберзин в отчетном докладе X съезду КП(б) Латвии (январь 1949 г.) отмечал: "Центральному Комитету пришлось вести борьбу с буржуазными националистами и проявлениями национализма во время войны и после ее окончания.

Центральный Комитет не позволил противопоставить латышский народ великому русскому народу, не позволил нашу партийную организацию повернуть с пути интернационализма на путь национализма, который неизбежно потащил бы назад к буржуазно-капиталистической Латвии" (15, с. 11-12). Далее докладчик отметил, что благодаря ленинской национальной политике, правильному подбору и расстановке кадров, воспитательной работе в республике "национального духа, как среди рабочих и крестьян, так и среди учащейся молодежи и интеллигенции становится все меньше и меньше" (61, ф. 101, оп. 12, д. 1, л. 27). И на последующих XI и XII (ноября 1952 г.) съездах и ряде своих пленумов Центральный Комитет настойчиво требовал "не прекращать и в дальнейшем борьбу по разоблачению латышских буржуазных националистов и их идеологии" (61, ф. 101, оп. 14, д. 2, л. 41; оп. 15, д. 2, л. 127).

Известно, что субъективными причинами оживления буржуазно-националистических пережитков могут стать и нарушения национальной политики партии со стороны отдельных лиц, нарушения советской демократии и законности (46, с. 25). Часто невольные допущенные отдельные нарушения равноправия народов становятся источником оживления националистических пережитков (34, с. 143).

Компартия Латвии учитывала, что против буржуазного национализма следует бороться только с позиций последовательного осуществления ленинской политики в области национальных отношений, только с позиций последовательного интернационализма. Чтобы закрепить в практике партийных, общественных и государственных организаций принципы интернационализма и не давать ни малейшего повода идеологическим противникам разглагольствовать об их отсутствии, Центральным Комитетом КП(б) Латвии был принят ряд важных постановлений.

Всем партийным, общественным и советским организациям и учреждениям вменялось и обязанность немедленно устранить отдельные факты игнорирования национальных особенностей. Учитывая особую чувствительность национальной психологии населения, освобожденного от немецко-фашистской оккупации,

было установлено вести делопроизводство, а также писать различного рода объявления, надписи, обозначающие названия улиц, предприятий и учреждений и внутри их названия отделов, цехов, секторов и т.п. на латвийском (в латгальских уездах-латгальском) и русском языках, на письма и заявления отвечать на том языке, на каком трудящиеся обращались в учреждения или организации.

Как известно, В.И. Ленин в свое время требовал "вести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно" (8, с. 361). В резолюции ЦК РКП(б) о советской власти на Украине, в основу которой положены тезисы, написанные В.И. Лениным, указывается: "...должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке" (6, с. 335).

Учитывая, что незнание латвийского языка может стать известным препятствием повседневному общению с массами, руководящие работники и служащие государственных организаций и предприятий, партийно-советские работники, прибывшие на работу в Советскую Латвию из других республик, изучали латвийский язык. Одновременно работники латвийской национальности, широкие слои трудящихся активно изучали русский язык, что способствовало более глубокому ознакомлению с практикой строительства социализма в СССР, укрепляло братское сотрудничество с великим русским народом и народами Советского Союза.

Необходимым и решающим условием формирования развитого чувства интернационализма является освоение идей марксизма. Эту особенность психологического аспекта интернационализма советские исследователи объясняют характером

данного принципа, выходящего далеко за пределы непосредственного опыта и противоположного чувствам национальной ограниченности и национализма, а также осознания необходимости преодоления буржуазных взглядов, предрассудков и настроений (21, с. 141-142).

Компартия Латвии добивалась широкого изучения и освоения трудящимися марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. Было необходимо в кратчайшие сроки организовать перевод и издание трудов классиков марксизма-ленинизма на латышском языке. Такая задача Центральным Комитетом КП(б) Латвии была поставлена перед созданным в 1945 году Институтом истории партии при ЦК КП(б) Латвии (61, ф. 101, оп. 7, д. 13, л. 46-47). Уже в марте 1947 года бюро ЦК Компартии Латвии поручило Институту выпустить на латышском языке 4-е издание собрания сочинений В.И. Ленина в 35 томах (61, ф. 101, оп. 10, д. 15, л. 96-97).

Издание на латышском языке 35 основных томов сочинений В.И. Ленина было закончено в 1951 году, и Институт истории партии при ЦК КП(б) Латвии оказался в этом деле первым среди филиалов ИМЭЛ в союзных республиках (24, с. 67).

Всего в 1944-1953 годах на латышском языке труды В.И. Ленина были изданы общим тиражом 1 278 300 экземпляров - 61 отдельное издание, 8 тематических сборников работ и выше упомянутые сочинения в 35 томах (Подсчитано по: 30, с. 57-82). Характерно, что в это время, не считая собрания сочинений, пять раз издавалась работа "О праве наций на самоопределение", четыре - "Критические заметки по национальному вопросу", три - "Социалистическая революция и право наций на самоспределение" (30, с. 305, 294, 328).

На латышском языке были изданы основные произведения основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Поскольку марксистско-ленинскую теорию нации и национальных отношений в те годы многие изучали по работам И.В. Сталина, то необходимо отметить, что несколькими изданиями на латышском языке вышли также его работы, как "Национальный вопрос и ленинизм", "Марксизм и национальный вопрос", которые и по современным оценкам являются определенным

вкладом в революционную теорию (47, с.40).

Ознакомлению с историческим опытом партии по решению национального вопроса, борьбе с буржуазным национализмом способствовало широкое изучение трудящимися изданного на латышском языке к 1953 году 12 изданиями общим тиражом 160 000 экземпляров "Краткого курса истории ВКП(б)" (59, 1953, №3, с.80).

Интерес к изучению марксистско-ленинской теории в целом и теории нации и национальных отношений в те годы был огромный. В июле 1945 г. в Даугавпилсе была организована теоретическая конференция для партийного актива о национальном вопросе, она продолжалась семь часов, 17 товарищей выступили с сообщениями (60, 1945, №14, с.36-37). Об актуальности этих вопросов свидетельствует и то, что в 1947 г. Я.Э.Калнберзин организовал в Центральном Комитете КП(б) Латвии обсуждение лекции по марксистско-ленинской теории нации, связывая это с практическим осуществлением национальной политики в республике, что вызвало большой интерес присутствующих (61, ф.101, оп.9, д.9, л.139). Подобных примеров можно привести достаточно много.

Важное место в борьбе с теорией латышского буржуазного национализма имели многочисленные публицистические работы по этим вопросам секретаря ЦК КП(б) Латвии А.Я.Пельше (13, с.46-79; 17; 18).

А.Я.Пельше показал генезис латышского буржуазного национализма, разоблачал антинародную деятельность националистов в 1917-1919 годах и во время Великой Отечественной войны. Он справедливо отметил, что "практика буржуазного национализма во время немецко-фашистской оккупации принимала столь откровенные и отталкивающие формы, что это не могло ... не возмущать каждого честного человека... Но неизмеримо сложнее обстоит дело с теорией буржуазного национализма, с преодолением ее тлетворных идей. Теория эта пустила корни, и не так-то легко сразу выдернуть их..." (13, с.69). Поэтому он разоблачал ложные идеи национального единства, национального превосходства. Заслуга А.Я.Пельше и в том, что он принципиально верно поставил вопросы о со-

ветском патриотизме и национальной гордости советских людей. "Нас, большевиков, часто упрекают в том, что мы якобы поступаем с чувством национальной гордости, что она не согласуется с идеей интернационализма" - писал он. "Это совершенно несостоятельный упрек! ... ни коммунистическая идеология, ни советский патриотизм вовсе не отрицает национальностей и национальных традиций... Наша национальная гордость не отчуждает нас от других народов, она сближает с ними, делает нас равными с ними" (13, с.78-79). Такую постановку вопроса строго выдерживали и другие руководители Компартии Латвии (15, с.13; 16, с.41), и это имело большое значение в интернационалистском воспитании трудящихся, в борьбе с латышским буржуазным национализмом.

В эти годы появились первые научные публикации академика К.Страздзиньша, где разоблачалась реакционная сущность буржуазного национализма (51;52), с марксистских позиций рассматривалась история формирования латышской буржуазной нации (48;53).

В периодических изданиях был опубликован ряд статей и других авторов по вопросам критики идеологии буржуазного национализма вообще и латышского буржуазного национализма, в частности.

К сожалению, в рассматриваемый период в идеологической работе не использовались глубокие, яркие произведения П.Стучки, поскольку имя этого выдающегося ленинца было незаслуженно предано забвению (45, с.68).

Большое место в идеологической работе, особенно в первое время после войны, отводилось разоблачению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников - латышских буржуазных националистов на временно оккупированной территории.

Еще в январе 1945 года Бюро ЦК КП(б) Латвии поручало редакции газеты "Циня" разоблачать кровавые злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников - латышских националистов, "поднимая ненависть народа против его исконных врагов" (61, ф.101, оп.7, д.8, л.581). В апреле

1945 года Бюро ЦК обязало все партийные организации республики развернуть политическую работу среди населения по разъяснению "Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Советской Латвии" (61, ф. 101, оп. 7, д. II, л. 34). В январе 1946 года было решено широко использовать в борьбе с буржуазным национализмом материалы предстоящего процесса по делу о немецко-фашистских зверствах в Прибалтике (61, ф. 101, оп. 9, д. 12, л. 4) (т. н. "Малый Нюрнберг").

Только за 1944-1945 годы в газетах и журналах было опубликовано 203 статьи, разоблачающие злодеяния оккупантов и их пособников (подсчитано по: 40, с. 95-102), было организовано много докладов и бесед с трудящимися.

В них на основе документов, свідетельских показаний красноречиво говорилось о кровавых преступлениях латышских буржуазных националистов против собственного народа, ярко показывалась лживость их демагогических заявлений. Немецко-фашистские военные преступники перед лицом правосудия отнюдь не скрывали свои истинные намерения в отношении Латвии и латышского народа, цинично говорили правду о своих латышских прислужниках. На судебном процессе в Риге в 1946 году бывший начальник полиции и СС "Остланда" Ф. Еккельн следующим образом охарактеризовал руководителей так называемого самоуправления Латвии: "У этих людей были только наши, немецкие интересы; они никогда не думали о судьбах своего народа. Это были немецкие марионетки" (27, с. 13).

В политической агитации широко были использованы материалы судебного процесса над группой немецких военных преступников, проходившего в Нюрнберге с ноября 1945 года по октябрь 1946 года. Поэт Янис Судрабкало тогда писал: "О Нюрнбергском процессе надо читать всем тем латышам, которые зажимали уши, когда им рассказывали о фашистских злодеяниях, а которые теперь говорят: "Война закончилась, не говорите больше о войне, о гитлеровцах". В инструкциях Розенберга ясно сказано, что Латвия, Литва

и Эстония как национальные единицы должны были исчезнуть с лица земли... Нюрнбергский процесс ярко показывает, какое огромное преступление совершили все те латыши, которые...смушала легковверных людей, помогалн собирать /для немцев/ предателей в убийц" (54, с.67).

Благодаря всей этой работе, удалось существенно подорвать позиция буржуазного национализма. Бюро ЦК КП(б) Латвии в феврале 1945 года, например, отмечало, что трудящиеся республики с исключительным пониманием следили за ходом Рижского процесса по делу злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Прибалтике, на имя суда поступило много заявлений с просьбой разрешить выступить в качестве свидетелей обвинения (61, ф. 101, оп. 9, д. 13, л. 13). Когда 3 февраля 1946 года по приговору военного трибунала казнили 7 военных преступников, на площадь Победы собралось не менее 100 000 рижан, исполнение приговора сопровождалось мощной вспышкой народного негодования (49, с.336).

В политической агитации разоблачались преступления и тех, кто после разгрома немецко-фашистских войск еще продолжал вооруженную борьбу на территории Латвии. В газетных публикациях, особенно в местной печати, это делалось на основе разбора конкретных примеров. Так газета "Latgolas Taisneiba", рассказав, как бандиты зверски убили 70-летнего крестьянина и его 6-месячную внучку, как после тяжелых пыток застрелили мать 10 детей и о других зверствах, с возмущением писала: "Эти люди скрываются под маской защитников латышских национальных интересов" (57, 24 авг. 1945).

Самым решительным образом борясь против кулацко-националистических банд, руководствуясь ленинским указанием о том, что "было бы комедией "убеждать" и вообще "психологически влиять" на контрреволюционеров и изменников Родины" (4, с.194), в сложной политической обстановке послевоенных лет партия все-таки считалась с тем, что в банды могли быть вовлечены люди, не запятнавшие свою совесть кровью честных людей. Поэтому нарком внутренних дел республики А.Эглит обратился к ним с публичным призывом отгородить себя от фашистских преступников и добровольно сдать ся в

руки советских органов (56, 12 сент. 1945). Многие последовали этому призыву. Так, только в 1945 году в Резекненском уезде из леса вышло более 1 000, в 1946-1947 годах в Мадонском уезде 388 бандитов (26, с. 596). В печати публиковались их письма, в которых они осуждали свое прошлое и расквевались. Все это тоже сыграло известную роль в успешной идеологической борьбе с латышским буржуазным национализмом.

Основной формой агитации против латышского буржуазного национализма в рассматриваемый период была лекционная работа. Особенно интенсивно она велась агитаторами во время предвыборных кампаний в связи с ознаменованием исторических дат и советских праздников.

Наиболее распространенной была тема "Буржуазные националисты - злейшие враги латышского народа". Еще в конце декабря 1944 года секретарь ЦК КП(б) Латвии А. Я. Пельше прочитал лекцию на эту тему на республиканском совещании по пропаганде и агитации (61, ф. 101, оп. 3, д. 13, л. 67). Вскоре полный текст прочитанной лекции был опубликован в печати (56, 6 янв. 1945) и вышел в виде брошюры на латышском и русском языках. По решению Бюро ЦК КП(б) Латвии уже в январе 1945 года на эту тему проводились совещания агитаторов во всех уездах (61, ф. 101, оп. 3, д. 136, л. 52). Как видно из статьи Я. Калмберина "Политическая работа в Латвийской ССР", данная тема была основной среди лекций, прочитанных лекторской группой ЦК КП(б) Латвии в начале 1945 года (55, 15 марта 1945). В апреле этого года Бюро ЦК поручило отделу пропаганды и агитации ЦК подготовить и разослать на места дополнительные материалы на эту тему для докладчиков и агитаторов.

Среди других популярных тогда тем лекций были: "Кто такие националисты" (61, ф. 102, оп. 2, д. 1, л. 38; ф. 101, оп. 3, д. 13, л. 48), "Национализм - знамя буржуазной реакции" (56, 28 сент. 1949), "О борьбе с буржуазно-националистическими паразитами" (61, ф. 4153, оп. 1, д. 3, л. 205) и другие.

Количество лекций еще не полностью удовлетворяло запросы трудящихся. Об этом свидетельствуют высказанные

пожелания услышать лекции на эти темы как среди рабочих (58, 1950, №18, с.48), так и интеллигенции (61, ф.102, оп.2, д.20, л.36).

Партия очень самокритично оценивала успехи в этой области агитационной работы, неоднократно критиковала отдельные партийные организации за то, что лекции на эти темы не всегда носят наступательный, а скорее оборонительный характер, нередко страдают абстрактностью, недостаточно используется местный материал (61, ф.101, оп.11, д.11, л.42; оп.14, д.2, л.36; ф.102, оп.9, д.2, л.126).

Партия требовала в агитационной работе дифференцированно подходить к различным слоям населения.

Особое внимание уделялось интеллигенция, среди которой в проявления националистической идеологии, и просто чувства и настроения национальной ограниченности могли быть особенно характерны.

Еще IX пленум ЦК КП(б) Латвии в ноябре 1945 года постановил "обратить особое внимание Бюро ЦК КП(б) Латвии, уездных, городских, районных комитетов партии, первичных партийных организаций, партторгов на работу среди интеллигенции и марксистско-ленинское воспитание ее. Привлекать интеллигенцию к активному участию в общественно-политической и культурной работе, к разоблачению латышских буржуазных националистов и их идеологии". Таким образом, перед партией выдвигалась двуединая задача - с одной стороны, перевоспитание старой интеллигенции, вооружение ее марксистско-ленинской теорией пролетарского интернационализма, с другой - скорейшее превращение ее из объекта воспитательного процесса в его субъект, привлечение к активной борьбе с латышским буржуазным национализмом.

Исходным пунктом политики партии в отношении интеллигенции, как и на заре Советской власти в России, явилась марксистско-ленинская оценка буржуазного и добуржуазного культурного наследия, подход к интеллигенции как к возможному союзнику рабочего класса в борьбе за построение социализма (32, с.20). Следует отметить, что со стороны Компартии Латвии уделялось очень большое внимание разработке на основе марксистско-ленинской методологии истории Латвии

и латышской литературы.

В сознании интеллигенция постепенно происходили коренные идеологические, а также психологические изменения, она вливалась в социалистическое строительство. Однако, еще к концу переходного периода от капитализма к социализму часть представителей интеллигенции, в частности учителей, "плохо разбирались в вопросах политики партии по национальному вопросу ..., проявляли робость в разоблачении буржуазно-националистических и религиозных пережитков" (61, ф. 101, оп. 15, д. 28, л. 32). Еще в годы оккупации представители интеллигенции убедились в лживости националистических спекуляций ряда буржуазных деятелей и с возмущением отвернулись от них. Но избавиться от собственных националистических заблуждений, овладеть идеологией пролетарского интернационализма, превратить ее в свое убеждение и активно бороться против идеологии латышского буржуазного национализма в сознании и психологии других было не так просто, для этого требовалось время, постоянное идеологическое воздействие со стороны Коммунистической партии. Нельзя было не учитывать и то обстоятельство, что в рассматриваемый период значительная часть латышской интеллигенции вышла из мелкобуржуазной среды. Большинство писателей (50%) были выходцами из крестьян, художники - из сельской мелкой буржуазии или полупролетариата (60%), композиторы - из интеллигенции (48%) (42, с. 18-19).

Компартия Латвии в своей идеологической работе среди интеллигенция в послевоенные годы могла опираться также на довольно большой отряд латышской советской интеллигенции, который сформировался уже в 20-е и 30-е годы в Советском Союзе и теперь работал в Советской Латвии, а также на тех передовых представителей латышской интеллигенции, которые уже в годы буржуазной диктатуры активно участвовали в работе Компартии Латвии или симпатизировали ей, а в 1940-1941 годах и во время Великой Отечественной войны твердо встали на позиции пролетарской партии.

В отдельных случаях в работе среди интеллигенции допускались нежелательные крайности, например, необоснованные

обвинения в буржуазном национализме некоторых видных деятелей культуры и науки. Такие ошибки, которые были самокритично признаны и исправлены партийной организацией республики после XX съезда КПСС, нередко вносили замешательство, неясность в среду интеллигенции и затрудняли борьбу с подлинными проявлениями идеологии национализма.

Весной 1920 года В.И. Ленин писал: "...перевоспитывать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовым мелкобуржуазным влиянием" (7, с.101). Поэтому последовательная борьба с влиянием латышского буржуазного национализма велась и среди рабочих, а также, и в еще большей мере, среди крестьян, а после массовой коллективизации — среди колхозников.

Своеобразной категорией в послевоенные годы были те граждане, которые во время войны силой были вывезены для работы в Германию и после пребывания в Западных зонах оккупации возвращались на Родину — так называемые репатрианты. К 1949 году в республику из-за границы вернулись деятели латышской культуры: скульптор Г.Шкильтер, певец А.Вилдманис (28), режиссер В.Пуце (37, с.122) и другие. Много было простых советских людей — только на "ВОФ"е в апреле 1948 года работало 692 репатрианта (37, с.13-14).

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) "Об организации политико-воспитательной работы с репатрированными советскими гражданами" (август 1944 года) (25, с.359), ЦК КП(б) Латвии неоднократно рассматривал вопросы о пропагандистской работе среди граждан Латвийской ССР, находящихся за границей, а также уже репатрировавшихся. Это имело большое политическое значение, ибо было известно, что, опира-

нось на поддержку западных оккупационных властей, используя административные и идеологические методы воздействия, прибалтийские квислинги всячески препятствовали репатриации своих соотечественников на родину (31, с.43). В республиканской печати и в ряде специальных изданий (36-39) разоблачались попытки препятствовать возвращению советских людей на родину, отравить их сознание ядом национализма, фальсификациями об осуществлении ленинской национальной политики в Советской Латвии (56, 18 июня 1947; I, 6 апр.; 6, 13 мая, 2 июля 1948 и др.). Одновременно советские люди таким образом из выступлений очевидцев узнавали правду о деятельности латышской реакционной эмиграции.

Компартия Латвии на протяжении всей своей деятельности ярко демонстрировала верность ленинскому требованию неуклонно бороться с буржуазным национализмом, и "своим" и чужим. Мы рассмотрели один небольшой исторический период деятельности партии. В сложнейших условиях восстановления народного хозяйства, создания основ социалистического общества, борьбы с сопротивлением свергнутых эксплуататорских классов, Компартия Латвии сумела дать достойный отпор распространению латышского буржуазного национализма. Благодаря успешной идеологической работе, интернационализм из идеала горстки коммунистов превращался в убеждение, мировоззрение трудящихся масс. Но становления новой идеологии - это не вопрос нескольких месяцев и даже не лет. Это процесс. Долгий процесс. Националистические пережитки и остатки былой национальной розни - это та область, где сопротивление социальному прогрессу бывает наиболее длительным, упорным, изворотливым. А.Я.Пельше поэтому еще в 1949 г. писал: "В нашей партийной организации никогда не было и нет сформировавшегося националистического уклона, но буржуазный национализм в республике еще не искоренен" (58, 1949, №4, с.6).

Создание основ социализма в республике происходило одновременно с коренными сдвигами в образе жизни, в сознании и поведении людей. С преодолением националистических предрассудков трудящиеся массы все шире овладевали марксистско-ленинским мировоззрением. Это позволяет сделать вывод, что

к концу переходного периода "на базе социалистического переустройства общества было достигнуто морально-политическое единство латышского народа, укрепилась дружба и сотрудничество со всеми советскими народами" (29, с.388)..

Целенаправленная, последовательно марксистско-ленинская идеологическая борьба с латышским буржуазным национализмом, которую Компартия Латвии вела, опираясь на богатый опыт ВКП(б), во многом способствовала успешному решению сложных задач переходного периода от капитализма к социализму в республике в исторически короткие сроки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марко К. Критика Готской программы.- Марко К., Энгельс Соч., 2-е изд., т.19
2. Ленин В.И. Резолюция Петербургской организации РСДРП о тактике бойкота. - Полн.собр.соч., т.12
3. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение.- Полн. собр.соч., т.25
4. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина.- Полн. собр.соч., т.37
5. Ленин В.И. Резолюция о Советской власти на Украине.- Полн.собр.соч., т.39
6. Ленин В.И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков.- Полн.собр.соч., т.40
7. Ленин В.И. Детская болезнь "левизны" в коммунизме.- Полн.собр.соч., т.41
8. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об "автономизации".- Полн.собр.соч., т.45
9. XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза 23 февраля - 3 марта 1981 года: Стенографический отчет, т.1. М., 1981.
10. Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un SK plēnumu rezolūcijas un lēmumi. I daļa. 1904.- 1940. R., 1958.

11. Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā. 1917.-1957. R., 1957.
12. Хронологическое собрание законов Латвийской ССР и постановлений правительства Латвийской ССР. 1940-1959. Р., 1960.
13. Пельше А.Я. Избранные речи и статьи. М., 1978.
14. Суслов М.А. На путях строительства коммунизма. М., 1977, т. I.
15. Калнберзин Я.Э. Отчетный доклад о работе ЦК КП(б) Латвии на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Латвии. Р., 1949.
16. Lācis V. Runa PSRS Augstākās Padomes priekšvēlēšanu sapulcē 1946.g. 5.februārī.- Kopoti raksti, 24.sēj. R., 1979.
17. Pelše A. Par latviešu nacionālo lepnumu un padomju patriotismu.- Cīņa, 1944., 15.febr.
18. Pelše A. Cīņa ar buržūzisko nacionālismu - republikas partijas organizācijas kaujas uzdevums.- Padomju Latvijas Bolševiks, 1950., Nr.16.
19. Stučka P. Nacionālais jautājums un latviešu proletariāts. Darbu izlase. 1906.-1930. R., 1972.
20. Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Р., 1970.
21. Горячева А.М., Макаров М.Г. Общественная психология. Л., 1979.
22. Зиле Л.Я. Периоды и этапы строительства социализма и изменение социальной структуры общества. (На материалах Латвийской ССР). Р., 1975.
23. Зиле Л.Я. Исторический путь строительства социализма. Р., 1978.
24. Институт истории партии при ЦК КП Латвии - филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Р. 1980.
25. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945., т.6. М., 1965.

26. История Латвийской ССР, т.Ш. Р., 1958.
27. Маски сорваны. Таллин, 1961.
28. Они вернулись на родину. М., 1952.
29. Очерки истории Коммунистической партии Латвии, ч.Ш. 1940-1959. Р., 1980.
30. Паэглис И.С., Друва Ж.М. К.Маркс. Ф.Энгельс, В.И. Ленин на латышском языке: Библиография. Р., 1969.
31. Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Литовская, латышская и эстонская антисоветская эмиграция на службе империализма. Р., 1979.
32. Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. (1917-1975 гг.). М., 1977.
33. Уголовный кодекс РСФСР. М., 1947.
34. Шурьгин Е.И. Осуществление КПСС ленинской национальной политики в послевоенный период (1945-1958). Ростов-н/Д., 1971.
35. Andriksons A. Latvijas PSR vietējas darbaļaužu deputātu padomes sociālisma celtniecības periodā. R., 1969.
36. Dzintene sauc. R., 1947.
37. Dzintene sauc. R., 1948.
38. Dzintene sauc. R., 1949.
39. Helmanis A. Patiesā vārds latviešiem Anglijā. R., 1952.
40. Latvijas PSR periodikā iespiesto rakstu rādītāji. x1944.-1945. R., 1949.
41. Аугус А. Борьба Коммунистической партии Литвы против буржуазного национализма в годы строительства социализма в республике: Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1972.
42. Лендинь М.В. Вклад творческих союзов Латвийской ССР в строительстве социалистической культуры (1944-1959 гг.): Автореф. канд. дис. Р., 1980.
43. Строд А.И. Деятельность Коммунистической партии Латвии по укреплению общественного порядка. 1940-1950 гг. Автореф. канд. дис. Р., 1976.

44. Загар Э.А. Некоторые вопросы классовой борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны.- В кн.: В дни войны. Р., 1964.
45. За правильное освещение истории Компартии Латвии.- Коммунист, 1964, № 12.
46. Зиманас Г.О. Развитие общественного сознания социалистических наций и процесс интернационализации.- Вопросы философии, 1970, № 3.
47. Крупный вопрос исторического материализма.- Коммунист, 1979, № 18.
48. Страздинь К. К вопросу об образовании латышской буржуазной нации.- Известия Академии Наук Латвийской ССР, 1952, № 3.
49. Krupņikova P. Mazā Nirnberga.- Grām.: Reiz cēlās strēlnieks sarkanais. Atmiņu un dokumentu krājums par latviešu tautas bruņoto cīņu pret fašistiskajiem iebrucējiem. II sēj. R., 1971.
50. Samsons V. Ekstrēmā latviešu nacionālisma un vācu nacionālsociālisma idejiskā tuvība (XX gs. 30.gadi) - Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1978, Nr.6.
51. Strazdiņš K. Par nacionālismu un internacionālismu.- Padomju Latvijas Skola, 1945, Nr.2.
52. Strazdiņš K. Proletāriskā internacionālisma ideoloģija cīņā pret buržuāzisko nacionālismu un kosmopolitismu.- Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1952, Nr.9.
53. Strazdiņš K. Par latviešu buržuāziskās nācijas izveidošanos.- Grām.: Buržuāziskie nacionālisti - Latvijas vēstures viltotāji. R., 1952.
54. Sudrabkalns J. Par Nirbergu.- Kopoti raksti, 5.sēj., R., 1960.
55. Правда.
56. Cīņa.
57. Latgolas Taisneība;

58. Padomju Latvijas Bolševiks.
59. Padomju Latvijas Komunists.
60. Propagandists un Agitators.
61. Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Латвии..

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ В 20-е ГОДЫ

Одним из объектов яростных идеологических атак империалистов является история и современность социалистического развития Советской Латвии. Вопрос о влиянии и формах проявления буржуазного национализма во внешней политике буржуазной Латвии в первое десятилетие ее существования является одним из менее изученных и непосредственно связанных с современной идеологической борьбой.

Необходимо подчеркнуть, что буржуазный национализм — явление политическое, идеологическое и психологическое (31, с.55). Ввиду этого буржуазный (и мелкобуржуазный) национализм имея прямой выход и влияние на определенные внешнеполитические действия буржуазного правительства Латвии и латышских буржуазных и мелкобуржуазных партий, выступал в качестве идеологической основы их политики или ее социально-психологической предпосылки.

Отличительной чертой международных отношений XX века, зримо проявившейся после Великой Октябрьской социалистической революции и первой мировой войны, стало небывалое ранее по своему размаху, глубине и результативности вовлечение в международную жизнь не только правящих классов, но и классово оппозиционных сил. Видный французский дипломат академик Жюль Камбон, признавая это, писал: "Политика, даже международная, покинула отныне кабинеты государственных деятелей. В нее вмешался человек улицы" (35, с.37). Новая система международных отношений содержала в себе отношения не только между государствами, их политическими органами, правящими классами, но и между оппозиционными (в том числе, что особо важно выделить, классово оппозиционными) партиями, различными организациями, действующими на международной арене (39, с.81). В условиях буржуазной Латвии эта черта новой системы международных отношений проявилась в наличии твердо проводимого КПЛ революционно-

го внешнеполитического курса: вовлечение компартией широких слоев населения в борьбу против международной политики правительства своей страны, за мир, в поддержку СССР, против угрозы новой войны. Это, в свою очередь, заставляло латышских буржуазных идеологов разрабатывать идейные основы внешней политики страны, сосредотачивать усилия на идеологической обработке народных масс. Возрастающее с каждым годом буржуазного правления в Латвии идейно-политическое влияние КПД на умы жителей страны, революционизирующее влияние на них великого соседа — Советской страны заставляло латышскую буржуазию активизировать разработку идейных основ внешней политики.

В новой системе международных отношений из-за распада социально-экономической однородности мира после Великого Октября роль (33, с. 276-278) идеологического фактора скачкообразно возросла. Из фактора вспомогательного, игравшего преимущественно маскирующую роль, он превратился в один из определяющих. Следовательно, идеологическая борьба в мире по вопросам международной политики, в том числе в Латвии, в 20-е годы, носила самый острый характер. Компартия Латвии выступала проводником марксистско-ленинской идеологии по вопросам международных отношений. С другой стороны, латышские буржуазные идеологи были призваны защищать внешнеполитические интересы латышской буржуазии в системе империализма.

Высокая степень политизации общественной жизни и общественного сознания, характерная для всей России в эпоху империализма и социалистической революции, получила в условиях буржуазной Латвии возможность достаточно реального выражения через (и в рамках) институты буржуазной демократии.

Буржуазно-демократический строй в Латвии (до мая 1934 г.) привел к расширению непосредственного участия граждан страны в деятельности, имеющей отношение к процессу властвования. (Участие в политических выборах, партийной, профсоюзной деятельности, что, конечно, еще не озна-

чало, что все они получили реальный доступ к власти).

Это также побуждало латышскую буржуазию к разработке идеологических основ своей внешней политики и к стремлению придать процессу политизации общественного сознания, участию граждан страны в деле властвования буржуазную или мелкобуржуазную окраску.

Эти факторы требовали разработки латышской буржуазией идеологических основ своей внешней политики.

Одновременно был и ряд обстоятельств, затруднявших выполнение буржуазными идеологами этого социального заказа. До октября 1917 г. мы не можем говорить не только о каких-либо, пусть и самых робких, попытках латышской буржуазии проводить самостоятельную классово-опозиционную внешнюю политику (так путем давления на государственную власть в целях выражения через нее своих классовых интересов в сфере международных отношений, так внешнегосударственным путем), но и о самостоятельной идеологии, как системе идей и теорий, знаний, внутренне согласованной и логически стройной. Теоретического оформления не получил ни коллаборационизм прогерманской части латышской буржуазии, ни тем более — нетвердые внешнеполитические ориентиры появившихся центров другой ее части — Национального совета, Демократического блока и др.^X

Зависимость латышской реакционной буржуазии от западных империалистов, полное отсутствие самостоятельности во внешней политике обуславливали и отсутствие идеологических основ ее. Можно лишь говорить об апологетике одной или другой ориентации в буржуазной печати, публицистике. Вместе с тем, в 1917 — 1920 гг. появля-

^XВ сентябре — октябре 1917 г. образовался так называемый Демократический блок, в который вошли деятели Крестьянского Союза и меньшевики.

ются зачатки формирования теоретического сознания всего класса латышской буржуазии по некоторым вопросам внешнеполитического направления. Эти зачатки в будущем, развиваясь, смогут быть названы, с некоторой натяжкой, идеологией иностранной политики. В качестве таковых прежде всего необходимо назвать антикоммунизм и антисоветизм.

Великий Октябрь привел к невиданному увеличению удельного веса самого ярого антикоммунизма в политике, идеологии и социальной психологии всей западной буржуазии. В свою очередь, антисоветизм становился ядром, основной чертой антикоммунизма. В среде марионеточной латышской буржуазии это проявлялось с лихвой.

Крестьянский Союз, крупнейшая партия латышской буржуазии, в соответствии с классовыми интересами, стал центром сторонников отделения Латвии от Советской России. Латышские меньшевики (до мая 1918 г. организационно входили в состав КПИ), формально продолжали еще некоторое время сохранять требования автономии в составе "демократической России", но их оценка Великого Октября уже готовила почву для сотрудничества с латышскими буржуазными партиями в борьбе за создание буржуазного государства в 1918 г. Лозунг автономии в составе Российской Федерации меньшевиками был полностью отброшен 23 июля 1918 г., когда исполнительный комитет партии высказался за "независимую Латвию". Победа социалистической революции во всей Латвии в начале 1919 г. резко усилила антикоммунизм в социальной психологии буржуазии, который окончательно стал идеологической основой внешней политики всей латышской буржуазии.

Оккупация страны немецкими войсками с февраля по начало ноября 1918 г., решающее значение в свержении советской власти в Курземе и Риге весной 1919 г., создание немецкими интервентами 26 апреля 1919 г. "гави-тельства" пастора А. Ниедры, как и ряд других моментов, привели к тому, что в некоторой части латышской буржуазии, группировавшейся вокруг германоязычной "Народной партии"^X,

^X Латышская Народная партия была создана в 1907 г. крайне правым крылом латышской буржуазии, представляющей интересы латышских крупных домовладельцев и верхушки купечества.

ориентация на Германию получает почти идеологическое обоснование. Правда, достаточно систематизированную форму (в ретроспективном виде) идеологические основы последовательных германофилов из среды латышской буржуазии обретут только в 20-е годы, когда будут опубликованы архивреакционные апологетические мемуары А.Индри, в которых он договаривается до того, что свое верноподданничество немецким империалистам оправдывает... "большевизмом" кабинета Ульманиса (28). Германофильство одной из групп латышской буржуазии одновременно выступало в качестве разновидности самого мажорного и черносотенного антисоветизма. Классовые интересы латышской буржуазии по вопросам внешней политики к моменту обретения ею в начале 1920 г. государственной власти на территории всей страны идеологически оформлены не были. Это объясняется тем, что собственные внешнеполитические интересы латышской буржуазии (в том числе и те, которые рождались буржуазным национализмом) могли быть реализованы только тогда, когда они не противоречили интересам Западных империалистов (в первую очередь — Англии).

Из среды латышской буржуазии не вышло по сути дела ни одного идеолога, который бы создал претендующую на научность политическую теорию по вопросам внешней политики (элементы политической теории встречаются в работах К. Диллера и Я. Виграба) (30). Поскольку политических теорий не было, то они и не могли принимать на себя идеологические функции. Идеологически слабая латышская буржуазия не выдвинула из своей среды ни одного значимого идеолога по вопросам внешней политики в полном смысле этого слова. Фактически, с некоторой натяжкой, идеологами внешнеполитических ориентиров мелкобуржуазной социал-демократической партии можно назвать политиков и публицистов 20-х — начала 30-х годов — Ф.Циелена и Ф.Мендера.

Прямое проявление буржуазного национализма (наряду с антисоветизмом) в политике правящих кругов буржуазной Латвии и латышских буржуазных партий отчетливо прослеживается на примере их курса в советско-латышских отношениях в 1920 году во время подготовки мирного догово-

ра. Буржуазное правительство Латвии в целях достижения узкоклассовых интересов постоянно прибегало к попыткам наглого искажения провозглашенного Советской Россией права народов на самоопределение. В первую очередь, это проявлялось по вопросу о советско-латвийской границе. Уже 3 января 1920 г., за неделю до начала в Москве переговоров о перемирии, П.Стучка в одной из своих статей предсказывал выдвижение временным буржуазным правительством Латвии иностранных необоснованных территориальных запросов советской стране (4, с.618). Эти запросы обрели особенно наглый характер с наступлением на Советскую Россию панской Польши. Латвийская буржуазная печать побуждала правительство использовать временные успехи польской военщины и вырвать такой мирный договор, который закреплял бы расширенные границы (15, 1920, 5.У.). Латвийская делегация выступила с требованиями земель в Себежском, Опочкинском и Дрисском уездах, хотя подавляющее большинство жителей там являлись русскими или белорусами.

В.И.Ленин в речи на 2-м всероссийском совещании по работе в деревне 12 июня 1920 г. в этой связи говорил: "...мы из дипломатических каналов видим с полной ясностью, что, когда Польша начала наступать, то те державы, которые вели с нами мирные переговоры, изменили тон и выступили уже с заявлениями, иногда неслыханно наглыми". Далее он продолжал: "Они рассуждают по купечески, — от купца ничего иного и ждать нельзя. Ему показалось, что сейчас есть шанс с Советской Россией разделаться, и он начинает задирать нос" (1, 142).

Использование для прикрытия этих требований лозунга права народа на самоопределение было решительно осуждено компартией Латвии (7, д.8, 47). Оценка, данная латышскими коммунистами территориальным претензиям буржуазного правительства полностью совпала со взглядами РКП(б) по этому вопросу. Газета "Правда" в статье "Мирные переговоры с Латвией" писала, что требования таких границ вызваны агрессивными военно-стратегическими соображениями, их мотивация правом наций на самоопределение не выдерживает ни-

какой критики (10,22 IV).

Буржуазное правительство Латвии выступало также с наглыми экономическими претензиями к Советской стороне во время мирных переговоров. Особо вопиющим являлось требование, поддержанное всеми буржуазными партиями Латвии, о получении от Советской России большого количества золота (в виде доли государственного золотого запаса бывшей царской России), вплоть до 30 млн. рублей. Это алчное желание латвийской буржуазии стало известно уже в конце 1919 г., когда вопрос о мире только вставал на повестку дня. Уже тогда П.Стучка в статье "О мире с Советской Россией" подчеркнул, что буржуазное правительство Латвии, продолжая войну против Советской власти в Латгалии, "проливает кровь рабочих и крестьян ради доли в Российском золотом запасе..." (4, с.596). Газета "Циня" указывала, что особо необузданный характер эти произвольные требования обрели именно в дни антисоветской агрессии, предпринятой польской военщиной; вместе с ее неудачей и они быстро пошли на убыль (12,27 J). Необоснованность и наглость запросов буржуазной Латвии рельефно выделялись на фоне доброжелательной политики Советской России. Газета "Известия" писала, что советская сторона, храня верность ленинской национальной политике, всегда готова идти навстречу интересам малых народов и именно поэтому уже согласилась передать Латвии важный Пыталовский железнодорожный узел, несмотря на то, что эта территория этнографически не принадлежит Латвии (11,27 IV).

П.Стучка в рукописи "Самостоятельность Латвии" (1921 г.) писал по поводу экономических претензий Латвии на мирных переговорах, что материальные убытки, понесенные советской стороной и ее готовность в отдельных случаях идти навстречу необоснованным требованиям Латвийской стороны надо расценивать как уступку не буржуазному правительству, а трудовому народу Латвии (6, с.10).

Этими уступками советская сторона преследовала определенную политическую цель - противоставить истинное миролюбие Советской России и ее готовность доброжелательно разрешить спорные вопросы антисоветским измышлениям латвийс-

кой буржуазии, культивированию национализма, способствовать быстрейшему испарению предрассудков, выпластовавшихся в сознании латышского народа в результате политики национального угнетения, проводившейся царской и буржуазной Россией. В.И. Ленин в речи на заседании пленума Московского Совета 28 февраля 1921 г. говорил: "Вы знаете, что для заключения мира, сколько-нибудь прочного, мы по отношению ко всем государствам, входившим раньше в состав Российской империи, делаем как можно больше уступок. Это понятно, так как одной из главных сил, которая вызывает ненависть к империалистам и сплачивает народы против них, является угнетение национальностей и немного найдется государств в мире, которые так погрешила в этом отношении, как старая Российская империя и буржуазная республика Керенского, меньшевиков и эсеров в союзе с буржуазией".

В.И. Ленин указывал "...По отношению к этим государствам мы должны проявить наибольшую уступчивость, чтобы там рассеять вековое недоверие, порожденное прежним угнетением и положить начало союзу рабочих и крестьян разных наций, которые некогда вместе страдали от царизма и русских помещиков и теперь страдают от империализма" (2, с. 354-355).

Буржуазный национализм в политике правящих кругов буржуазной Латвии четко обозначился и по вопросу о беженцах. По ходу вызревания советско-латышского мира вопрос о возвращении беженцев, оставивших территорию латышского края, в основном, в годы первой мировой войны, начал переходить в практическую плоскость. К тому же предвиделось, что после окончания гражданской войны и иностранной интервенции в Советской России в ряды возвращенцев вольется и значительная часть бывших красных стрелков. В 1921 г. почти половина бывших солдат и командиров дивизии латышских стрелков были демобилизованы, большая часть их выехала в Латвию (мир предусматривал расформирование их соединений).

Буржуазное правительство Латвии, буржуазная печать развернула масштабную националистическую агитационную кампанию с призывами к беженцам скорее возвращаться домой. Так в письме представителей секций латышских коммунистов

в Москве столичному горкому в связи с прибытием латвийской делегации в январе 1920 г. указывалось на предпринятую ею широкую буржуазную и меньшевистскую агитацию среди латышей-рабочих московских заводов. Авторы письма называли несколько заводов, в которых члены делегаций во главе с ее руководителем меньшевиком Ф. Мендером подстрекали рабочих-латышей покидать свои рабочие места и добиваться быстрого выезда в Латвию (8, д. 105, л. 1). Учитывая то, что соглашения о эвакуации беженцев и мирный договор подготавливались и вступали в силу тогда, когда Советская Россия еще сражалась с белополяками и враждебцами, заражение латышских рабочих в Советской стране оптимистической дихорадкой могло отрицательно сказаться на хозяйственной жизни государства и его обороноспособности. В противовес националистической агитации буржуазного правительства Латвии в оценке вопроса о возвращении беженцев, эвакуированных, стрелков и др. в Латвию КПЛ оставалась верной интересам диктатуры пролетариата в Советской России и принципам пролетарского интернационализма. Исходя из них, латышские коммунисты сознавали жизненную необходимость присутствия красных стрелков, квалифицированных рабочих в Советской России до окончания внешней военной интервенции и гражданской войны, что было подчеркнуто в издании КП Латвии "Что ожидает беженцев в Латвии?" (45, с. 41). Сознанием неделимости мирового революционного процесса были продиктованы слова: "В Крыму и на польском фронте идет борьба и за революцию в Латвии. Поэтому латышские красные стрелки должны остаться вместе с красноармейцами России" (45, с. 41). Надо подчеркнуть, что латышские стрелки и многие кадровые рабочие продемонстрировали высокий уровень классовой сознательности, верность пролетарскому интернационализму и только после разгрома интервентов и белогвардейской контрреволюции воспользовались правом возвращения на родину, закрепленном в мирном договоре.

Развернув националистическую агитацию, правящие круги буржуазной Латвии по вопросу оптантов проводят по-

литику, в результате которой "...появляются привилегированные и непривилегированные возвращенцы...", такие, которым буржуазное правительство представляет весомую материальную помощь, и такие, которые в Латвии оказываются в руках безжалостной судьбы (45, с. 51). Пропагандистская шумиха вокруг вопроса о возвращении беженцев, раздуваемая правительством Латвии, рвавшимся в тогу поборника идеалов гуманизма, прав человека, имела под собой весьма зыбкую почву куцых практических мер по оказанию различной помощи оптантам. Даже такая правая газетка, как "Латвияс Карейвис" писала о том, что зачастую беженцы на первых латышских станциях с горечью констатировали, что их никто не встречал, тяжело больным приходилось подолгу дожидаться медицинской помощи (75, 1920, 15 уд). Одновременно, правительство буржуазной Латвии и буржуазная печать, выдавая себя за блюстителей интересов латышей, развернула кампанию русофобии; с еще большей силой по стране катилась волна антисемитских настроений. Откровенные выпады латышской буржуазии против многонационального состава возвращенцев носили чуть ли не расистский характер, полностью игнорировалась та истина, что многолюдная национальная принадлежность оптантов отражала объективно взревшую в эпоху капитализма пеструю картину национального состава края.

Одним из наиболее ярких проявлений буржуазного национализма во внешней политике латышской буржуазии являлись пограничные споры с Литвой, Польшей и, особенно с Эстонией. В первые годы существования буржуазной Латвии урегулирование пограничных споров с соседними буржуазными странами занимало важное место в ее внешней политике. Длительная хозяйственная и государственная общность малых балтийских народов создала особенно на стыках занятых ими территорий, крайне тесные экономические взаимоотношения, в которые были вовлечены широкие массы, относящиеся к соседним нациям. Проведение новых государственных границ часто разделяло эти теснейшим образом связанные между собой в хозяйственном отношении территории. Буржуазия

Латвии, Эстонии, Литвы и Польши на основе экономической общности стремились оторвать от своих соседей целые хозяйственно и военно-стратегически важные районы. В резолюции ЦК КПЛ, принятой на Второй латгальской конференции КПЛ в январе 1920 г., указывалось на характерные для империализма националистические пограничные споры между вновь образовавшимися государствами (3, с.232). Латышское буржуазное правительство и все мелкобуржуазные партии (особенно крайне правые группировки — бергисты, военные круги (16, 1920, 3, 4, 15 VI) во время пограничных споров усиленно раздували огонь национализма и шовинизма. Упреки в адрес Эстонского правительства, обвинения его в "... империализме и аннексионизме" порой чуть ли не перерастали в призывы к войне из-за города Валки. В кратком обзоре дел в Латвии, составленном Секретариатом Латвийской секции Коминтерна (1920 г.), выявлялось наличие захватнических целей со стороны всех буржуазных государств, находящихся в состоянии пограничных споров с соседями. "Польша агрессивно нацелена на обширные территории в Латгалии, Литва также требует несколько чисто латышских волостей, а что касается Эстонии, то "Крест.Союз" и мин.иностр. дел явно ведут агитацию в пользу агрессивных мер против эстонцев из-за Валки и некоторых латышских волостей", — писалось в обзоре (7, д.45, с.13). П.Стучка в воззвании к трудовому народу Латвии накануне выборов в Учредительное собрание (1920 г.) подчеркивал буржуазный, полностью чуждый интересам латышского народа характер пограничных споров. "Присутствие в Валке или в Эглайне латышских, а не эстонских или литовских городских, писал П.Стучка, не изменит эксплуататорской сущности латвийского государства и ничего не даст трудящимся страны (7, д.8, л.15).

Хотя разногласия между буржуазной Латвией и ее соседями по вопросу о границах порой и достигали значительной остроты, в целом в политике правящих кругов государства преследовалась доминирующая тенденция: сколь бы велико не было желание заполучить тот или иной пограничный район, под давлением западных империалистов и под влиянием антисове-

тияма они стремились не допустить разрастания пограничных споров до опасных размеров. Это подтачивало бы возможность выполнения Прибалтийскими буржуазными государствами задач санитарного кордона. Все буржуазные партии (и меньшевики) высказывались за решение споров "дипломатическим путем", а после безуспешных двусторонних контактов — средством третейского суда под главенством Англии (15, 1920, 4. I; 16, 1920, 15 VI; 19, 1920, 4 IV; 23, 1920, 17 III). Все они выступали за то, чтобы пограничные споры не ослабили общий анти-советский фронт лимитрофов. "Мы ни на минуту не должны забывать об общем враге — большевизме", — писал официоз Крестьянского Союза — газета "Брива Земэ" (15, 1920, 4. IV). Меншевицкая печать даже рекомендовало правительству уступить кое в чем эстонцам "...чтобы не обострять конфликт в условиях, когда гораздо большую опасность представляет общий враг (19, 1920, 2 VII). (Советская Россия — А.С.). Так как на самое начало 20-х годов выпадает пик активности Балтийских стран по созданию так называемого Балтийского Союза, то все буржуазные партии и мелкобуржуазная социал-демократия рассматривали пограничные споры как преграду на пути создания Союза и поэтому выступали за скорейшее устранение споров. В разрешении пограничных споров ярко проявилась зависимость буржуазной Латвии от держав Запада, в первую очередь — от Великобритании. Третейские суды под руководством Англичан Талленста и Симпсона вынесли свои решения (вызвавшие в буржуазной Латвии словесное возмущение), исходя из собственных представлений о том, какими должны быть латвийско-эстонская и латвийско-литовская границы. Влияние буржуазного национализма на идеологические основы внешней политики буржуазной Латвии, латышских буржуазных и мелкобуржуазных партий явно прослеживается на примере их отношения к вопросу национально-государственного суверенитета. Осознание народами Прибалтики необходимости своей национальной государственности, тем более — путей и форм ее осуществления, был очень сложным. П. Стучка уже в 1921 г. в рукописи "Самостоятельность Латвии"

очертил социальную среду, в которой лозунг национальной независимости, особенно после Октябрьской революции, распространялся весьма широко. "Стремление к самостоятельности в 1917 г. — это лозунг не только крупной, но и мелкой буржуазии", — писал П. Стучка (8, д. 105, II).

Мелкобуржуазный характер социальной структуры населения Латвии являлся в 1917 г. — 1920 г. одной из причин того, что в национальном сознании значительной части жителей страны, зараженных буржуазным или мелкобуржуазным национализмом, не был полностью принят советский вариант национальной государственности. Как известно, уже 22 декабря 1918 г. Советская Россия признала независимость Советской Латвии. На пути осознания и принятия всем населением страны суверенного характера советской, национальной государственности вставали: предрассудки, рожденные национальной политикой правителей царской России — тюрьмы народов, особо живучие в мелкобуржуазной среде; отдельные ошибки КПЛ в 1919 г., отрицательное влияние проявлений великодержавного шовинизма, дававшие о себе знать в первые после-революционные годы в различных областях национально-культурного строительства (37, с. III—II2). Такие проявления имели место и в Советской Латвии в 1919 г. со стороны служащих учреждений, подчиненных прямо ведомствам Российской Федерации. На них указывал и сам П. Стучка (5).

Оценку, данную советским автором М. Иорданом, писавшем о специфике проявления национализма в малых нациях: "...для идеологов из среды малых наций типична абсолютизация национального суверенитета, придание ему чрезмерного значения, превращение его чуть ли не в панацею от внешних посягательств" (37, с. 185), в полной мере можно отнести к годам проявления националистической буржуазии в Латвии.

В идеологических основах внешнеполитического курса буржуазной Латвии вопросам национально государственного суверенитета, правовому статусу, правовым установлениям как гарантиям национального существования придавалось огромное значение. Уже в 1918 г., после Брестского мира, когда буржуазная Латвия существовала только в замислах

латышских буржуазных политиков, Национальный совет самозванно выступил с лозунгами "независимого, единого Латвийского государства, охватывающего всю населенную латышами территорию и обеспеченного международными гарантиями" (29, с.61). Практическая деятельность буржуазного правительства

Латвии в борьбе за признание в системе империализма сопровождалась постоянными заявлениями в печати Крестьянского Союза (правлящего в период домогания де-юре, конец 1919 - январь 1921 г.), выступлениях членов правительства о том, что это принесет "...гарантии союзников нашей независимости..." (24, с.380). Лихорадочные усилия правительства буржуазной Латвии, направленные на вступление в Лигу Наций, также сопровождалось верованиями в нее как гаранта независимости. Латышские меньшевики, правда, в гораздо меньшей мере были склонны разделять эту беспочвенную веру. Приемом в Лигу Наций "...для будущего Латвии никакие гарантии безопасности не будут созданы", отмечала партийная печать (19, 1920, 26 XI; 1921, 28 I). Правые милитаристские круги в Латвии со своей стороны считали, что лучшим способом бистрейшего добытия де-юре и реальным гарантом существования буржуазной Латвии должен явиться военный антисоветский Союз Балтийских стран (16, 1920, 27 IV; 30 XI).

Получение де-юре буржуазным правительством Латвии, буржуазными партиями страны было использовано для восхваления великих держав Запада, популяризации чувств верноподданничества империалистическим "опекунам", признавшим Латвию без особых условий, "бесплатно", а также для утверждения престижа руководства страны в глазах народа. Было бы ошибочным считать, что такой прилив буржуазного патриотизма и прозападных симпатий прошел бесследно и не оставил следа в сознании масс. Признание западными державами буржуазной Латвии было использовано ее правящими кругами для усиленной идеологической обработки населения, это был весьма удобный случай для усиления идейного влияния буржуазии на массы.

В целях закрепления в общественном сознании жителей страны буржуазного варианта национальной государственности

ти как подлинно адекватной ее формы весьма умело использовалась красочная атрибутика (национальный стиль, национальные цвета в одежде и интерьере, архитектуре, подлинно национальный флаг, название денежной единицы, вездесущее назойливое склонение национальной независимости и т.д.)

Думается, что в малых, притом еще зависимых от империалистических держав, странах без такой карнавально красочной внешней оболочки вообще вряд ли возможно широкое укоренение убежденности (строго говоря — ложной) в независимости и суверенном характере национальной государственности. Особенно чувствительна к поверхностному лоску мелкая буржуазия. Эта особенность восприятия характера национально-государственного суверенитета в социально-психологическом плане подмечена известным литовским писателем И.Аважюсом. В романе "Потерянный кров" приводится диалог между находящимся в плену мелкобуржуазной националистической идеологии и психологией учителем Гедиминосом Джокасасом и секретарем горкома Гавеносом. Отвечая на слова последнего о марионеточном характере существования буржуазной Литвы, Гедиминас заявляет: "Пускай она была вотчиной монополистов, но у нее был свой лит (денежная единица — А.С.), своя армия, и когда министр иностранных дел этой вотчины прибывал в другое государство с официальным визитом, перед ним выстраивали почетный караул (32, с.69). Такие слова мог бы сказать и безусловно говорил и датский мелкобуржуазный интеллигент или лавочник.

Повышенный интерес к правовым гарантиям национально-государственного суверенитета буржуазная Латвия демонстрировала и в советско-латвийских отношениях в 20-е годы. Так, на Московской конференции по сокращению вооружений (декабрь 1922 г.) буржуазное правительство Латвии (как и других Прибалтийских государств и Польши) выступило с предложением заключить договор о ненападении как необходимый пролог к разоружению. Заинтересованность в договоре о ненападении с Советским Союзом продиктовало и первоначальное положительное отношение Латвийского правительства к советскому предложению, выдвинутому осенью 1923 г. о заключении совмест-

ного протокола о ненападении и нейтралитете (40, с. 110-113). В поддержку данного предложения выступила и крупнейшая оппозиционная партия - меньшевики, высказавшаяся за "гарантийный договор... который можно было бы заключить в дополнение к советско-латвийскому миру" (20, 1923, 4 XII). Заостренное внимание правящие круги буржуазной Латвии уделяли "Женевскому протоколу",^х связывая с ним надежды возможных гарантий суверенитета страны, которые они рассчитывали получить от западноевропейских империалистических держав (34). Можно было бы привести еще ряд примеров, свидетельствующих о животрепещущем интересе правителей буржуазной Латвии к вопросам, связанным с правовыми гарантиями национального суверенитета. Проблема национально-государственного суверенитета, как явствует из сказанного, и в идеологии, и в политике правящих кругов государства занимали значительное место. Однако, если на уровне идеологических предпосылок внешней политики данный вопрос неизменно и последовательно числился среди перворазрядных, то в сфере практической политики дело обстояло значительно сложнее. На рации внешней политики буржуазной Латвии влияли не столько доморощенные идеологические основания, сколько давление Западных держав. Под влиянием этого давления в страхе от империалистических государств буржуазная Латвия зачастую принимала такие практические шаги во внешней политике, которые шли в разрез с ее национальными интересами, не говоря уже об их противоречии рыхлым идейным основам. Так было на Московской конференции, где делегация Латвии пошла на поводу у Польши и внесла свою лепту в дело срыва конференции, захоронив вместе с этим и возможное соглашение о ненападении. Так было и в других случаях.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о нейтралистской традиции в идеологических предпосылках внешней политики буржуазной Латвии как форме появления отношения к национальному суверенитету. Наше особое внимание к идеологии

^х 2 октября 1924 г. на пятой сессии Лиги Наций был принят т.н. "Женевский протокол" о мирном урегулировании международных конфликтов.

нейтралитета в среде латышских буржуазных и мелкобуржуазных партий оправдано прежде всего популярностью идеи нейтралитета почти во всех более или менее значимых латышских буржуазных и мелкобуржуазных партиях. Степень распространённости и последовательности отстаивания данной идеи в их среде была, конечно, неодинакова.

В идейно-политической среде латышской мелкобуржуазной социал-демократической партии идея нейтралитета действительно достигла уровня идеологии (19, 1921, 5 УП; 27). Существенная роль в становлении этой идеологии принадлежит идеологам социал-демократии Ф. Мендерсу и Ф. Циеленсу. Понятия нейтралитет меньшевики трактовали весьма своеобразно; под ним они понимали получение буржуазной Латвией международных гарантий существования (19, 1921, 5 УП). Гарантами должны были выступить - Советская Россия (позже СССР), Англия, Германия и Франция. Наиболее действенной предпосылкой получения такой гарантии служило бы, по их мнению, заключение "...политического и военного союза от Финляндии и Литвы" (19, 1920, 12 XII). Решительно подчеркивалось, что делу обретения гарантий независимости, т.е. нейтралитета в их толковании, может нанести непоправимый ущерб политике сближения с Польшей. За эту политику постоянно ратовали латышские милитаристские круги и явная тенденция к ней (особенно в 1922 году на Варшавской конференции и Московской конференции по сокращению вооружений), проявлялась в политике Крестьянского Союза. "Варшавский договор", заявлял в Учредительном собрании Ф. Циелен, "...делает международные гарантии нейтрализации недостижимыми" (26, с. 125). Накануне и во время Московской конференции по сокращению вооружений (декабрь 1920 г.) меньшевики, последовательно оппортунизируя пропольской ориентации правительства буржуазной Латвии, сомневались в возможности добиться гарантий нейтралитета через Лигу Наций и весьма часто высказывались за контакты с Советским правительством по данному вопросу (19, 1922, 20 УШ, 28 XI).

Оценивая идею нейтралитета буржуазной Латвии, нельзя не отметить ее политическую несостоятельность, обусловлен-

ную следующими обстоятельствами. Ни одна западная держава не желала дать практические гарантии нейтралитета Латвии, более того - великие державы Запада, особенно после Локарно, отказывались выступить гарантами сохранения статус-кво в Прибалтике. Это привело к быстрому испарению в буржуазной Латвии доморощенных проектов возможного "Восточного Локарно". Начиная уже с зачатков Локарно, в тридцатые годы Англия и Франция встали на путь политики направления германской агрессии на Восток, против Советского Союза. Рано или поздно Прибалтийские страны должны были стать жертвой немецкого "скачка на Восток". По отношению к ним Западные державы не желали выступить хотя бы в лице формальных гарантов. Лозунг нейтралитета буржуазной Латвии в системе империализма как со стратегической, так и тактической точки зрения покоился на песке. Тем не менее, он сохранился в одной из работ Ю. Данишевского (25, с. 45). Думается, что указания Ю. Данишевского о необходимости выдвижения Компартией Латвии в конце 20-х годов лозунга борьбы за нейтралитет Латвии имели в виду внутрилатвийское использование лозунга. Лозунг нейтралитета мог быть использован Компартией Латвии для обнаружения точек соприкосновения с внешнеполитическим курсом социал-демократов, широкими слоями общественности Латвии, которые еще не были готовы принять лозунги собственно коммунистические. (Основным внешнеполитическим лозунгом КПЛ был лозунг развития всех форм сотрудничества с СССР, борьбы в его защиту, несомненного вхождения в состав Советского Союза после победы социалистической революции в Латвии, как подчеркивал П. Стучка на VIII съезде КПЛ в 1931 г.) (43, с. 21).

С 1927 г. резко обострилось международное положение, усилился воинствующий антисоветизм в лагере империалистов, произошли фашистские перевороты в соседних с Латвией Польше и Литве и первые вылазки местных фашистски настроенных молодчиков. В этих условиях лозунг нейтралитета мог выступать внутри страны в качестве сплачивающего демократическую общественность в борьбе против прозападной марионеточной политики буржуазной Латвии, против попыток импери-

листических держав (в первую очередь, Англии) втянуть Латвию в их провокационный антисоветский курс.

Буржуазный национализм особенно в начале 20-х годов, оказывал влияние на внешнюю политику правящих кругов Латвии не только в виде идеологических предпосылок, но и в качестве ее социально-психологической основы. Заметим, что в общественном сознании европейской буржуазии в 1918-1923 гг. общественно-психологический фактор был очень значим, возможно даже более, чем идеологический. Страх перед революционными выступлениями трудящихся, влиянием Великого Октября оказывал самое непосредственное и глубокое воздействие на политику буржуазии. Советский исследователь П. Рахшир отмечает: "...В начале 20-х годов политические метания буржуазии... диктовались, главным образом, ситуационными, сиюминутными соображениями, а порой, если воспользоваться выражением Ф. Майнеке "элементарным инстинктом самосохранения" (38, с. 175).

Выявляя влияние буржуазного национализма в его общественно-психологическом варианте на внешнюю политику буржуазной Латвии, необходимо учитывать то, что "настороженность, недоверие, боязнь - вот типичные слагаемые содержания национальных чувств тех слоев населения малых народов, сознание которых находится в плену националистической психологии" (37, с. 175). Сознание латышской буржуазии находилось в этом плену давно, и пленение ввиду целого ряда способствующих моментов было прочным.

П. Стучка неоднократно указывал, что призрак революции, возможного повторения событий 1919 г., в начале 20-х годов изматывающе преследовал латышскую буржуазию (8, д. 65, л. 4-7), влиял на политику правящих классов страны гораздо глубже, чем на Западе, усугублял традиционные проявления националистической общественной психологии. Прямой выход на внешнюю политику правящего режима это имело в виде леденящего страха перед Советской Россией, на что также указывал П. Стучка (8, д. 65, л. 4-7). Заметим, что данная социально-психологическая ситуация влияла и на идеологический

уровень общественного сознания латышской буржуазии; они также питали идеологию антисоветизма и антикоммунизма. Добиваясь функционирования в общественной среде отрицательных явлений и представлений о Советской стране, латышская буржуазная пропаганда старалась создать стереотип, рассматривающий советское государство как агрессора и завоевателя, что создавало бы основу для антисоветской социальной психологии. Зримо это стремление начало проявляться уже во время латгальской кампании, несколько позже — в дни советско-польской войны, потом — в связи с установлением советской власти в Грузии и Карелии.

Культивирование национализма было крайне необходимо временному правительству К.Ульманиса для создания социально-психологической опоры продолжения военных действий в Латгалии в начале 1920 г. Планируя наступление на латгальском фронте, буржуазное правительство Латвии продавало интересы латышского народа ради антисоветских целей западных империалистов, в первую очередь — польский военщины. Продолжение войны было очень непопулярно в народных массах, особенно — в армии. Поэтому необходимо было подогревать и раздувать националистические чувства вокруг "вопроса об освобождении" Латгалии, распространяя ложь о Советской России и латышских коммунистах, якобы не желающих мирным путем разрешить дело (23, 1920, 31).

Еще 16 апреля 1920 г., в день начала открытых советско-латвийских мирных переговоров в Москве, Зеберг, глава латвийской делегации, "оправдывал" наступление на латгальском фронте "захватнической политикой Советской России..." (14, 1920, № 2). Правдой же являлось то, что уже в ноябре 1919 г. в Тарту М.Литвинов в беседе с делегацией буржуазной Латвии высказал готовность советской страны в случае подписания перемирия признать независимость Латвии и вхождение Латгалии в таком случае в состав латвийского государства. 11 января 1920 г. в Москве, на первом же заседании переговоров о перемирии еще раз была подтверждена готовность Советской стороны немедленно после заключения перемирия передать Латгалию Латвии, документально закреплению

в подписанном 30 января 1920 г. тайном советско-латвийском перемирии. Орган Загранбюро КПЛ "Циняс Биедрс" писал, что "русские делегаты в ответ на эту демагогическую ложь (речь Зеберга - А.С.) заявили, что в случае ее повторения тайный договор, подписанный Ф. Мендером (договор о перемирии - А.С.) будет предан гласности. Услышав это, латвийские делегаты... обещали впредь такие заявления не высказывать" (14, 1920, № 2).

Столь же ложными являлись и обвинения в адрес КПЛ о ее постоянном противодействии присоединению Латгалии к остальной территории страны. В написанной 10 января 1920 г. статье "Страх меньшевиков перед Советским правительством" П. Стучка еще раз повторил принципиальную позицию партии по этому вопросу: "Коммунистическая партия Латвии всегда высказывалась за объединение Латгалии с остальной частью Латвии, что и нашло отражение в нашей конституции. В случае мира она и теперь за то, чтобы отдать территорию (Латгалию) и тем самым объединить Латвию" (4, с. 626).

Разжигание латышской буржуазией национализма и антисоветизма имело особое значение для гашения симпатий к советской власти, Советской России, в первую очередь - в армии. Одette в солдатские шинели трудящиеся Латвии жаждали мира. В декабре 1919 г. произошли солдатские волнения в Курземской дивизии, в Гулбене выступление солдат было поддержано железнодорожными рабочими (31, с. 6). Американский журналист У. Дюранти, находившийся в это время в Латвии, отметил: "Среди рабочих и даже в армии все еще было много настроенных в пользу красных" (44, с. 132). Даже сам З. Майеровиц, министр иностранных дел буржуазной Латвии, вскоре после подписания в Ельге 11 августа 1920 г. мирного договора между Латвией и Советской Россией признал, что война в Латгалии вызвала брожения в армии. Правительство, писал он, опасалось большевистских настроений в солдатской среде (23, 1920, 3 IX).

В 1921-1922 гг., после начала налаживания советско-западных экономических отношений на уровне государственных соглашений, после начала нэпа торгово-промышленная

буржуазия Латвии начинает вынашивать некоторые планы подстривания под этот процесс, все чаще слышатся призывы использовать транзитное положение страны (15, 1922, 30 У; 22 УШ; 21, 1922, № 2/3/). После принятия в Советской России новой экономической политики, как в Латвии, так и на Западе, в буржуазных кругах повышается интерес к хозяйственным связям с Советской Россией и вынашиваются планы ее экономического закабаления. Страх перед "призраком" коммунизма начинает ослабевать, чему способствует и относительная стабилизация внутривнутриполитического и экономического положения в Латвии, обозначившаяся уже в самом начале 20-х годов. Полностью этот страх не исчезнет никогда, особенно — в самых правых кругах латвийской буржуазии. "По отношению к России мы должны строить еще более крепкие заграждения против всего того, что угрожает нашему... хозяйственному и культурному благополучию", — писала газета "Курземес вардс" (18, 1923). Такое настроение имело и свою экономическую подоплеку. Крайне правые выражали, в основном, интересы военных кругов и крупной городской буржуазии, в первую очередь — домовладельцев. Для них хозяйственные связи с Советской страной не были столь значимы, как для промышленной буржуазии Латвии, которой было важно скорейшее улаживание взаимных финансовых и другого рода вопросов экономического порядка, предусмотренных Советско-Латвийским мирным договором.

Буржуазный национализм (как националистическая общественная психология), культивировавший ограниченность, эгоизм, чувства недоверия, подозрительность, а зачастую и вражду к другим народам (особенно, к народам Советского Союза), носил ретроградный, реакционный характер. Он находился в резком противоречии со стремительным процессом интернационализации общественной жизни, с каждым десятилетием XX в. проявляющимся все более зримо. Компартия Латвии своей целенаправленной идеологической деятельностью в полном соответствии духу времени, боролась за формирование и психологическую укорененность чувств и убеждений пролетарского интернационализма, дружбы между народами в противовес буржуазному национализму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Речь на 2-м Всероссийском совещании по работе в деревне - 22 июня 1920 г. Полн.собр.соч., т.41.
2. Ленин В.И. Речь на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов - 28 февраля 1921г. Полн.собр.соч., т.42.
3. LKP kongresu, plēnumu un konferenču rezolūcijās, R., 1959, I d.
4. Стучка П. За Советскую власть в Латвии, 1964.
5. Stučka P. Sociālistiskās Padomju Latvijas pieci mēneši. Raksti, 2.sēj., 1978.
6. НА ИМП при ЦК КПЛ, ф.35, оп.14.
7. ПА ИМП при ЦК КПЛ, ф.240, оп.2.
8. ПА ИМП при ЦК КПЛ, ф.55, оп.6.
9. LKP, LKJS un Sarkanās Palīdzības Revolucionārās lapiņas. 1920.-1940. I d. R., 1959.
10. Правда, 1920.
11. Известие, 1920.
12. Сина, 1920.
13. Синас балса, 1920.
14. Синас Biedrs, 1920, Nr.2.
15. Brīvā Zeme.
16. Latvijas Karcivis.
17. Latvijas Sargs.
18. Kurzemes Vārds.
19. Sociāldemokrāts.
20. Strādnieku avize, 1923, 4.gek.
21. Ekonomists, 1922, Nr.43.
22. Valdības Vēstnesis.
23. Latvijas Tautas Padome. Rīgā, 1920.
24. Latvijas Satversmes Sapulce. Stenogramma. 2 burtnica.
25. Daniševskis I. Latvijas iekšējais un ārējais stāvoklis. Spartaks. 1928.

26. Cielēns F. Baltijas valstu starptautiskais stāvoklis un Latvijas ārpolitikas uzdevumi. R., 1927.
27. Niedra A. Tautas nodevēja atmiņas. 1.-3.sēj., 1924.-1930.
28. Icnācs O. Ziemeļlatvijas Rīgā, 1928.
29. Dišlers K. Latvijas Valsts tiesības. R., 1932.
30. Vigrabs I. Latvijas atzīmēšana de jure - Latvijas vēstures institūta žurnāls, 1938. Nr.4/6.
31. Apine I. Sociālistisko nāciju un tautu psiholoģijas izpētes aktuālie jautājumi.-Padomju Latvijas Komunistu. 1981., Nr.6.
32. Авижкс И. Потерянный кров. М., 1979, 69 с.
33. Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
34. Варславан А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия. Р., 1975.
35. Вопросы Советской внешнеполитической пропаганды. М., 1980.
36. Дризул А. Борьба трудящихся масс Латвии за мир с Советской Россией.-Вестник АН ЛатвССР, 1956.
37. Иордан М.И. Интернационализм против национализма. М., 1980.
38. Рахмиров П. Великий Октябрь и эволюция политической стратегии Западно-европейской буржуазии в межвоенный период.-В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция и страны Западной Европы, М., 1978.
39. Семенов В.С. Социальные классы и международные отношения.- В кн.: Социальные проблемы международных отношений, М., 1970.
40. Сиполс В. Тайная дипломатия. Р., 1968.
41. Сиполс В. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979.

42. Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Р., 1979, гл.4.
43. Штейман И. Политическая активность масс. Р., 1979.
44. Штейнберг В.А. Латвия во внешнеполитическом противоборстве Советской России и держав Запада 1917-1920. Р., 1979.
45. Kas sagaida bēgļus Latvijā. М., 1920.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ЛАТВИИ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА И ШОВИНИЗМА В
1920 - 1934 гг.

Коммунистическая партия Латвии активно и последовательно боролась против буржуазного национализма на протяжении всей своей истории и накопила значительный опыт претворения в жизнь ленинских принципов по национальному вопросу, богатые интернационалистские традиции. Еще в до-октябрьские годы социал-демократия Латышского края неустанно боролась против различных проявлений буржуазного национализма. В условиях буржуазной Латвии коммунисты вели эту борьбу в новых, еще более сложных условиях, когда латышская буржуазия, пришедшая к власти, насаждала национализм в качестве государственной идеологии.

Изучение этой темы необходимо прежде всего для комплексной разработки истории КПЛ в 1920-1934 гг., в период, когда в Латвии существовала, хотя и иллюзорная, буржуазная демократия. Потребность в такого рода исследовании представляется тем более настоятельной, что данная тема до сих пор специально не изучалась.

Опыт Компартии Латвии в борьбе против буржуазного национализма может, на наш взгляд, представлять определенный интерес для коммунистов капиталистических стран на современном этапе. Национализм и сегодня является важным оружием в арсенале антикоммунизма. С его помощью империализм пытается бороться против социалистических идей, подрывать единство рабочего класса, наносить ущерб деятельности коммунистических партий. В этом же плане действуют идеологи реакционной части латышской эмиграции. Обращаясь к истории буржуазной Латвии, они, стремясь скрыть антинародную сущность этого государства, изображают его правящие круги в качестве подлинных защитников национальных интересов и одновременно пытаются исказить политику КПЛ по национальному вопросу.

Империалисты с помощью национализма стремятся также

подорвать изнутри социалистический строй. Все это ставит определенные задачи в области идеологической работы партии.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду партии говорил: "КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм..." (6, с. 57).

Ввиду всех вышеуказанных моментов, исследование опыта борьбы Компартии Латвии против буржуазного национализма имеет как научное, так и актуальное политическое значение.

Так как пределы одной статьи не позволяют дать обзор всей деятельности КПЛ в борьбе против буржуазного национализма, то данное исследование посвящено проблеме идеологической борьбы КПЛ против буржуазного национализма. Разумеется, это ни в коей мере не означает, что борьба КПЛ против буржуазного национализма разворачивалась только в данном аспекте, хотя, бесспорно, именно он играл тогда главенствующую роль.

Осуществляя анализ национализма как социального явления, следует принимать во внимание, что он связан не только с взаимоотношениями между с имально-этническими группами, но и с классовыми отношениями, с революционным, и в особенности с национально-освободительным, движением. В чистом виде национализм не существует - он всегда тесно переплетается с политическими, религиозными и другими общественными взглядами, выражается как их составная часть. Национализм сравнительно легко изменяет свое конкретное историческое содержание и проявляется в многообразных видах и формах.

Марксизм-ленинизм учит, что в классовом обществе национальные отношения в сравнении с классовыми имеют подчиненное значение и что провозглашаемый буржуазией национализм всегда связан с конкретными классовыми целями. Стремясь ослабить революционное движение трудящихся масс, буржуазия культивирует шовинизм, использует лозунги защиты

"национальной культуры" и др.

В статье "Еще о разделении школьного дела по национальностям" Ленин писал: "Буржуазный и буржуазно-демократический национализм, на словах признавая равноправие наций, на деле отстаивает (часто тайком, за спиной народа) некоторые привилегии одной из наций и всегда стремится к достижению больших выгод для "своей" нации (т.е. для буржуазии своей нации), к разделению и разграничению наций, к развитию национальной исключительности и т.д. Толкуя больше всего о "национальной культуре", подчеркивая то, что разделяет одну нацию от другой, буржуазный национализм разделяет рабочих разных наций и одурачивает их "национальными лозунгами" (2, с.236).

Период существования буржуазной Латвии был временем крайнего разгула пропаганды национализма - у власти находилась латышская буржуазия, которая, распоряжаясь средствами массовой информации и господствуя в системе просвещения и в области культуры, стремилась навязать свою идеологию трудящимся.

На широкие слои латышского населения влиял тот факт, что Латвия из окраинной провинции крупной державы стала отдельным государством. При этом правящие круги Латвии упорно замалчивали, что за мнимой независимостью скрывается экономическое и политическое подчинение страны империалистическим державам, как и то, что, освободившись из-под двойного национального гнета, трудящиеся Латвии оказались объектом эксплуатации господствующего класса новообразованного государства.

Существование национального государства порождало некоторые новые социально-психологические факторы. Государственный аппарат преимущественно с латышским чиновничеством, школы с обучением на родном языке, ликвидация национальных ограничений в области культуры - эти перемены, сопровождающиеся введением всеобщего избирательного права, осуществлением аграрной реформы, которая приобрела национальную окраску (поскольку земля была отнята у помещиков - немцев и поляков), порождали в широких слоях населения

иллюзорную надежду на то, что в "свободной" Латвии латышский народ станет, наконец, хозяином своей судьбы.

Еще в 1906 году П. Стучка пророчески писал, что малая страна представляет собой значительно более благоприятную среду для националистических и сепаратистских тенденций, чем провинция большого демократического государства. (16)

Существенным моментом явились также перемены в классовой структуре населения в сравнении с царским периодом. Упадок промышленности и аграрная реформа ослабили прослойку пролетариата и способствовали увеличению удельного веса мелких собственников как в городе, так и в деревне. При этом, как известно, мелкая буржуазия по сравнению с пролетариатом значительно легче поддается воздействию националистической и шовингстической демагогии.

Большая часть буржуазных и мелкобуржуазных партий не имела собственной конструктивной социальной программы. Лозунги антикоммунизма и защиты частной собственности также не могли привлечь широкие массы. Поэтому национализм стал основным пропагандистским лозунгом всех буржуазных и мелкобуржуазных партий, группировок и органов печати. В идеологической борьбе против коммунистов и их сторонников эти партии выдвигали в качестве центрального вопроса не классовый, невыгодный для буржуазии, а национальный. Они становились в позу патриотов национальной Латвии, защитников национальных интересов, а коммунистов обвиняли в том, что те не признают "национальной" Латвии и отрицают существование латышских национальных интересов. Таким образом, классовый водораздел между двумя лагерями в буржуазной Латвии проходил, в частности, и по линии, разделявшей их в вопросе отношения к национализму. Ввиду того, что буржуазные и мелкобуржуазные партии осуществляли контроль над государственной машиной, национализм превратился в составную часть государственной политики. Вследствие этого борьба КПЛ против буржуазного национализма являлась весьма важной составной частью борьбы за массы, за их революционную активизацию, против попыток правящих кругов удержать с помощью национализма трудящихся в плену буржуазной идеологии.

Еще в первые годы существования буржуазной Латвии было точно сформулировано отношение коммунистов к образованию в Латвии буржуазного государства, к буржуазному пониманию родины, к буржуазному национализму вообще. В середине 20-х годов руководящие работники КПЛ констатировали тенденцию постепенного спада националистических "восторгов", связанную с тем, что действительность не оправдала иллюзий, возникших в период становления буржуазной Латвии. Несмотря на это, часть руководящих деятелей КПЛ обоснованно считала, что борьба с буржуазным национализмом не должна прекращаться ни на минуту. В то же время другая часть видных партийных работников переоценивала тенденцию исчезновения национальных иллюзий, а это приводило к некоторому ослаблению накала антинационалистической борьбы.

В период мирового экономического кризиса на выборах в сейм 1931 г. некоторые мелкобуржуазные партии, выступавшие под националистическими и шовинистическими лозунгами, добились весьма заметных успехов. Из этого КПЛ незамедлительно сделала правильный вывод, что борьба против национализма и шовинизма по-прежнему остается в высшей степени актуальной, и в последующие годы уделяла этому направлению своей деятельности значительно больше внимания.

Разоблачению классовой сущности буржуазного национализма партия отводило важное место, так как в рассматриваемое время это была одна из центральных задач в борьбе против националистической демагогии латышской буржуазии. Чтобы разоблачить подлинную классовую сущность буржуазного национализма, необходимо было изложить основы научного мировоззрения по национальному вопросу, связав их с конкретными условиями буржуазной Латвии. В этой связи КПЛ концентрировала свое внимание на рассмотрении таких проблем как материалистическое понимание нации; этапы национального движения; связь национальных и классовых интересов; что дало образование буржуазной Латвии имущим классам и трудящимся; классовая оценка "национального единства" и др.

Из всего комплекса этих проблем наибольшее внимание обоснованно уделялось взаимосвязи национальных и классовых

интересов, а также классовой оценке лозунга национального единства. Весьма актуальным в то время был вопрос о различных этапах национального движения. Необходимо было показать, что национализм угнетенной и угнетающей нации, как учил В.И. Ленин, (4, с.377, 5, с.275-276) — вещи совершенно разные. В условиях буржуазной Латвии это имело особенно важное значение, так как часть политических партий и деятелей изображала себя идейными наследниками национально-освободительной борьбы латышского народа против царизма, наследниками революции 1905 года. Такому положению способствовало и то обстоятельство, что среди политических деятелей и идеологов буржуазной Латвии, в особенности среди социал-демократов, было довольно много ренегатов революционного движения.

Стремясь ослабить фронт борьбы трудящихся с эксплуататорами, буржуазия делала все для того, чтобы заразить национализмом как можно более широкие слои трудящихся, и не жалела для этой цели ни усилий, ни средств. Наиболее активно с насаждением национализма среди трудящихся боролась печать КПЛ. Помимо печати, партия использовала и другие формы массовой работы, как например, лекции и диспуты по национальным проблемам, которые устраивались легальными революционными организациями.

Следуя указаниям В.И. Ленина, партия разъясняла трудящимся массам, что в классовом обществе существуют две культуры, что буржуазная культура служит интересам правящего класса, что с помощью лозунга национальной культуры буржуазия стремится подчинить себе трудящихся. Партия вскрывала идейную опустошенность и бессодержательность культуры правящего класса.

Важное место занимал также вопрос о национальном достоинстве латышей. Буржуазия, действовавшая в своих классовых интересах, старалась максимально раздуть это чувство, доходя иногда в своей пропаганде до смешного. Это с успехом использовала КПЛ, которая обычно реагировала на подобные преувеличения оружием сатиры, весьма действенным в данном случае.

Тесно связанным с национальным достоинством латышей был вопрос о престиже Латвии за рубежом. Латышская буржуазия уделяла особое внимание этому моменту, исходя из соображений и международного, и внутриполитического, и классового характера. Буржуазная пресса трубила о каждом благоприятном отзыве за границей, посвященном Латвии или латышам. В свою очередь, печать КПЛ зачастую весьма удачно обыгрывала это непомерное бахвальство латышской буржуазии, чрезмерную чувствительность на отклик из-за рубежа.

Оценивая позиции КПЛ в вопросах национальной культуры и национального достоинства в целом положительно, следует все же отметить и ее отдельные недостатки.

Национальная культура и национальное достоинство представляют собой весьма деликатные вопросы и требуют осторожного подхода, не задевающего национальных чувств. Отдельные работники легальной революционной печати, чувствуя себя неуверенно в этой области, зачастую недостаточно остро выступали против буржуазной идеологии, за что подвергались справедливой критике со стороны руководящих партийных органов. В свою очередь, другие, выступая против засилья национализма в культуре, скатывались в иную крайность — в национальный нигилизм. Серьезное внимание борьбе с этим искажением национальной политики стало уделяться с 1932 года, когда партия начала обращать значительно большее внимание на национальный вопрос вообще.

В сентябре 1934 г. газета ЦК КПЛ "Циня" поместила статью "О национальной гордости латышей" (17), в которой применительно к условиям Латвии излагались идеи ленинского труда "О национальной гордости великороссов", проиллюстрированные местным материалом.

Большое внимание КПЛ уделяла борьбе против шовинизма, за сплочение трудящихся различных национальностей.

В период царизма население Латвии не было однородным по национальному признаку. Примерно таким же оно оставалось в 1930 году. (12, с.20442-20443).

Национальность	Удельный вес в населении, %
Латыши	73,42
Русские	10,62
Евреи	4,97
Немцы	3,68
Поляки	3,12
Белоруссы	1,90
Эстонцы	1,36
Литовцы	1,40
Прочие	0,45
Неизвестно	0,98

Состав населения Риги был еще более многонациональным, чем населения остальной Латвии, причем удельный вес латышей в 1930 г. составлял 62,3%. (12, с.20442-20443).

В период буржуазной Латвии представители национальных меньшинств составили немногим более 1/4 населения, поэтому национальные отношения занимали весьма важное место во внутренней политике государства. Из этой сложной проблематики ниже подробнее анализируются только проявления шовинизма в Латвии, так как последний играл важную роль в арсенале идеологических средств латышской буржуазии.

В 20-х годах шовинизм еще не стал составной частью официальной государственной политики в Латвии. Этому препятствовал ряд обстоятельств. Одним из них была классовая солидарность и взаимное сотрудничество всей латвийской буржуазии в эксплуатации трудящихся, которое еще более укреплялось тем, что нападки на капиталистов из национальных меньшинств могли представлять угрозу для частной собственности вообще. Буржуазия национальных меньшинств занимала прочные позиции в экономике Латвии. Среди наиболее состоятельной части латвийской буржуазии важнейшую роль играл немецкий и еврейский капитал. Латышские, русские и польские капиталисты занимали менее сильные позиции. Соответственно своему экономическому положению буржуазия национальных меньшинств играла весьма важную роль в политичес-

кой жизни страны. Во время кампаний по выборам в сейм буржуазные партии национальных меньшинств, выступая под лозунгами защиты общих интересов своего народа в целом, добивались поддержки избирателей соответствующей национальности. Так, например, в результате выборов в IV сейм в 1931 г. депутаты национальных меньшинств составляли 17% (13, с.21199)

В каждом из сеймов буржуазной Латвии было представлено примерно два десятка политических партий. Принимая во внимание значительную политическую пестроту сейма, а также тот факт, что социал-демократические депутаты составляли 21-39 % его состава, вплоть до IV сейма практически невозможно было составить правительство, опираясь на одни латышские буржуазные и мелкобуржуазные партии. Более половины членов правительства пользовались поддержкой депутатов национальных меньшинств, причем различные латышские мелкобуржуазные партии зачастую оставались вне коалиции и нередко сетовали на то, что Крестьянскому союзу, составляющему примерно 2/3 кабинетов, больше по пути с крупной буржуазией других национальностей, чем с ними — латышскими мелкими буржуа. Представители национальных меньшинств занимали также выгодные посты в государственном аппарате.

В результате всего этого на протяжении 20-х годов национальным меньшинствам удавалось сохранять весьма сносное правовое положение (в той мере, в какой это устраивало буржуазию). Шовинизм в этот период был в большей мере "частным" делом политических партий, газет и др., скорее средством идеологической борьбы, чем государственной политикой.

Что касается отношения политических партий к шовинизму, то в открытой, незамаскированной форме его придерживались различные фашистские организации и группы. Весьма воинственные позиции в отношении нелатышей занимали также латышские мелкобуржуазные партии и их органы печати. Одна из причин такого положения заключалась в том, что латышской мелкой буржуазии трудно было конкурировать

с крупной буржуазией национальных меньшинств. Газеты, представляющие самые влиятельные круги латышской городской и сельской буржуазии, также помещали статьи, направленные против нелатышей, однако написанные в более умеренных тонах.

В период мирового экономического кризиса, начиная с 1931 г., в период деятельности IV сейма шовинизм из "частной" деятельности политических партий и прессы стал все больше превращаться в государственную политику. Для этого имелся целый ряд причин.

По сравнению с началом 20-х годов латышская буржуазия заметно окрепла в экономическом отношении и могла уже конкурировать с крупной буржуазией других национальностей. В то же время мелкая латышская буржуазия намного острее ощущала тяготы кризиса, чем крупная буржуазия национальных меньшинств. Это породило соответствующие настроения. Делались и попытки свалить вину за кризис в целом на национальные меньшинства. В годы кризиса особенно острым стал избыток интеллигенции, и начались кампании за предоставление преимуществ латышам при получении должностей чиновников и др.

Для подготовки фашистского переворота необходимо было активизировать пропаганду национализма и шовинизма. Избирательная кампания 1931 г. показала, что подобного рода демагогия представляет собой весьма действенное средство идеологической борьбы. Существенное значение имел и тот факт, что в IV сейме латышские буржуазные и мелкобуржуазные партии вместе впервые получили абсолютное большинство и для формирования правительства в меньшей мере нуждались в голосах буржуазных депутатов от партий национальных меньшинств. Появилась возможность принимать законы, направленные против прав представителей нелатышской национальности. В результате этого в IV сейме неоднократно предлагались законопроекты, урезающие средства и права школ, усиливавшие тенденции олатышивания, вводившие обязательный государственный язык и др.

Коммунистическая партия Латвии придавала большое

значение борьбе с шовинизмом. Для того, чтобы разъяснить трудящимся сущность этого явления, необходимо было выявить его корни. Партия указывала, что буржуазия стремится разжигать шовинизм среди трудящихся, натравливать один народ на другой, возбуждая национальную рознь, отвлекать тем самым трудящихся от классовой борьбы и подрывать единый фронт неимущих всех национальностей против международной буржуазии. Такая политика давала, в частности, возможность платить меньшую заработную плату латгальским и иностранным сельскохоззяйственным рабочим, а при случае сбивать заработную плату и местным рабочим.

Коммунистическая партия Латвии разъясняла массам, что имущие классы латышей несмотря на свой шовинизм, в большей мере дорожат классовыми, собственническими интересами, чем национальными, что в борьбе с трудящимися буржуазия различных национальностей всегда находит общий язык.

Партия указывала, что латышский шовинизм в какой-то мере выгоден и буржуазии национальных меньшинств. Под прикрытием лозунгов защиты прав на язык, школу, традиции она стремилась установить контроль над трудящимися своей национальности.

Партия разоблачила тесную взаимосвязь русофобии и антисоветизма с антикоммунизмом. В отношении русофобства П. Стучка писал, что в отличие от антисемитизма и борьбы с немцами, русофобство не имеет в Латвии экономической основы, что оно в первую очередь служит целям борьбы против Советской России (8, с. 227-228, 238). Он обращал также внимание на противоречия экономического характера, подогревавшие шовинизм, — на борьбу по вопросу о земле, за чиновничьи должности и на коммерческую конкуренцию в торговле и промышленности (8, с. 235-237).

Показывая, что причины шовинизма носят классовый или материальный характер, КПЛ учила трудящихся подходить к проблемам национального характера в первую очередь с классовых позиций и выдвигать в отношении имущих слоев национальных меньшинств классовые, а не национальные кри-

терии. Внутри партии неоднократно вставал вопрос об отношении к еврейской буржуазии, к немецким и польским помещикам и др. На расширенном пленуме ЦК КПЛ в январе 1932 г. указывалось, что буржуазию и помещиков не следует различать по национальной принадлежности, ибо это льет воду на мельницу латышской буржуазии (9, д.91, с. 18, 19, 25, 53, 72, 73, 106).

Коммунистическая партия Латвии критиковала раздувавшаяся буржуазными партиями национальное высокомерие, которое нашло отражение, например, в широко распространявшейся "теории" о превосходстве латышского крестьянина над русским (II, с.30), выступала также против "теории" буржуазных националистов об избранных нациях, призванных управлять другими, и о менее одаренных, удел которых подчиняться.

Говоря с борьбу КПЛ против шовинизма и о работе партии среди трудящихся национальных меньшинств, следует отметить, что в этой области важное место занимала проблема Латгале.

Латгале, одна из четырех областей буржуазной Латвии, по численности населения занимала первое место. Здесь существовал собственный диалект, имелись выраженные этнографические особенности, национальный состав населения области был наиболее пестрым. В 1930 г. в Латгале латыши (в основном латгалцы) составляли лишь 57% населения, русские - 27%, поляки - 6%, евреи - 5% и белоруссы - 4%. В Латгале проживала почти половина (233 000) всего населения, принадлежавшего к национальным меньшинствам в Латвии (505 000) (12, с.20129).

Латышская буржуазная пресса неоднократно поднимала кампании, направленные не только против представителей национальных меньшинств, но и против части латышской нации - латгалцев, зачастую приобретающие националистический, шовинистический и даже расистский характер. В свою очередь, латгальская буржуазия и ее идеологи не оставались в долгу. В связи с этим взаимоотношения латышей - "балтийцев" (19) и латышей-латгалцев зачастую принимали

окраску национальней вражды.

Латгале представляла собой наиболее отсталую область Латвии. Урожай здесь был значительно ниже, чем в остальных частях Латвии. Процент грамотных в 1930 г. равнялся 67, тогда как в остальных областях Латвии - 88-95 (12, с.20110).

Используя отсталость Латгале, латвийская буржуазия усиленно эксплуатировала ее, особенно как источник дешевой рабочей силы. Уровень жизни здесь был ниже, классовые противоречия острее, чем в остальных областях буржуазной Латвии, и поэтому КПЛ уделяла работе в Латгале особое внимание. Коммунистическая партия Латвии делала много, для того чтобы информировать всех трудящихся Латвии о ситуации в Латгале, о причинах тяжелого положения трудящихся этой части страны.

Важнейшей задачей КПЛ в Латгале было организовать отпор шовинистической кампании латышской буржуазии, разжигавшей вражду между "балтийцами" и латгальцами. Дать классовую оценку ответной реакции латгальской буржуазии, провозглашавшей латгальский национализм. В этой области партия сделала очень многое.

Как и в других аналогичных случаях разжигания вражды, в этой борьбе необходимо было вскрыть причины данного явления. В этой связи КПЛ обращала внимание масс на целый ряд моментов: на стремление буржуазии расколоть единый фронт трудящихся, на колониальную политику латышской буржуазии в Латгале, на борьбу за должности в чиновничьем аппарате в этой области, на коммерческую конкуренцию и борьбу за правительственные кредиты и пособия (9, д.529; с.117). В латышской буржуазной прессе часто появлялись статьи, враждебные в отношении Латгале и латгальцев. Печать КПЛ давала им отпор.

Говоря о деятельности КПЛ среди трудящихся национальных меньшинств, необходимо подчеркнуть, что шовинистические кампании вызвали среди трудящихся национальных меньшинств неприязнь по отношению к официальной Латвии, к латышской буржуазии. В этих условиях неимущие

слои национальных меньшинств могли пойти либо со своей буржуазией, либо с революционным пролетариатом Латвии. Поэтому КПЛ придавала важное значение правильной постановке работы среди трудящихся национальных меньшинств.

Первым и наиболее важным лозунгом было последовательное проведение равноправия всех национальностей. Это требование КПЛ выдвигала с самого начала существования буржуазного государства.

Важным аспектом равноправия национальных меньшинств был вопрос о праве на язык. В 20-х годах буржуазная печать много шумела о необходимости обеспечить латышскому языку привилегированное положение, однако существовавший состав сейма и другие причины, о которых говорилось выше, не оставляли надежд на утверждение такого законопроекта. После выборов 1931 г. ситуация изменилась. 4 декабря 1931 г. 17 буржуазных депутатов внесли предложение об обязательном употреблении в сейме латышского языка.

В своих работах "Критические заметки по национальному вопросу" и "Нужен ли обязательный государственный язык?" В.И. Ленин осудил предоставление каких бы то ни было привилегий языку господствующей нации, выступил против принудительного введения официального государственного языка в многонациональном государстве, указывая, что "обязательный государственный язык сопряжен с принуждением" (3, с.295). В борьбе против политики латышской буржуазии по вопросу о языке КПЛ руководствовалась указаниями В.И. Ленина.

Против шовинистического законопроекта о языке от рабоче-крестьянской фракции выступил Э.Судмалис и Л.Бршов. Э.Судмалис потребовал, чтобы все граждане Латвии, включая представителей национальных меньшинств, имели одинаковые права, и в частности, право выступать в сейме на родном языке (14, с.306). После длительных дебатов в сейме предложенный законопроект был отвергнут.

Аналогичная ситуация сложилась в феврале 1932 г., когда в сейме развернулись дебаты в связи с распоряжением кабинета министров о государственном языке, которое пред-

писывало употребление латышского языка во всех государственных и коммунальных учреждениях и предприятиях (18). Выступая от имени рабоче-крестьянской фракции Л. Лайцен указал, что больше других от этого закона пострадают трудящиеся национальных меньшинств, так как рабочий, вынужденный трудиться, не имеет времени на учебу, как богатый, и должен обходиться тем языком, которым владеет (15, с. 81).

Коммунистическая партия Латвии в 30-х годах активно боролась также с выпадами латышской буржуазии против школ национальных меньшинств и их культуры, выступала против политики слатышизации.

Кулаки в Латвии эксплуатировали большое число иностранных сельскохозяйственных рабочих из Польши и Литвы. В 20-х годах их численность была еще не очень велика, но в 30-х годах она достигала нескольких десятков тысяч (не считая латгалцев, с которыми кулаки также обходились как с людьми второго сорта). В конце 20-х и начале 30-х годов на конференциях областных партийных организаций КПЛ обращалось внимание на проблему иностранных сельскохозяйственных рабочих (9, д. 529, с. 20, 58, д. 531, с. 57).

На III съезде КПЛ и на расширенном пленуме Центрального Комитета в январе 1932 г. этот вопрос подвергался детальному рассмотрению и соответствующие выводы были зафиксированы в резолюциях, требовавших от партии активно выступать в защиту прав иностранных сельскохозяйственных рабочих и стремиться к созданию единого фронта трудящихся различных национальностей в деревне (7, с. 505, 525, 526, 559). Однако ввиду нехватки сил для работы в деревне это решение реализовалось весьма слабо.

Коммунистическая партия Латвии на протяжении всего исследуемого периода и на разных его этапах уделяла большое внимание борьбе с буржуазным национализмом.

В трудных условиях подполья при весьма скудных легальных возможностях партия сумела целенаправленно сконцентрировать свою критику национализма на важнейших в политическом отношении направлениях. Она последовательно

вскрывала классовую сущность буржуазного национализма, упорно боролась с шовинизмом.

Деятельность КПЛ привела к тому, что буржуазии не удалось навязать трудящимся националистическую шовинистическую идеологию, хотя полностью ликвидировать влияние этой идеологии партии не удалось. Свидетельством крупных успехов КПЛ в борьбе с национализмом являются совместные выступления трудящихся различных национальностей против эксплуататоров в буржуазной Латвии, многонациональный состав партии в этот период, ход революционных событий 1940 г., братская встреча частей Красной Армии в 1940 г. и активная борьба трудового народа Латвии вместе с другими народами СССР против фашистских захватчиков во время Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. - Полн. собр. соч., т.24.
2. Ленин В.И. Еще о разделении школьного дела по национальностям. - Полн. собр. соч., т.24.
3. Ленин В.И. Нужен ли обязательный государственный язык? - Полн. собр. соч., т.24.
4. Ленин В.И. набросок резолюции по национальному вопросу. - Полн. собр. соч., т.24.
5. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. - Полн. собр. соч., т.25.
6. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
7. Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plenumu rezolūcijas un lēmumi, I d. LVI, 1958.
8. Stučka P. Nacionālais jautājums un Latviešu proletariāts, R., 1972.
9. Партархив Института истории партии при ЦК КПЛ, ф.240, оп.1.

10. Центральный Государственный исторический архив ЛатвССР, ф. 1038^B, оп. I.
11. Cīņas Biedrs , 1926, Nr. 5.-6. /35.-36./
12. Latviešu konversācijas vārdnīca, 10. sēj., R., 1933.-1934.
13. Latviešu konversācijas vārdnīca, 11. sēj., R., 1934.-1935.
14. Latvijas republikas IV saeimas stenogrammas. I sesija, R., 1932.
15. Latvijas republikas IV saeimas stenogrammas. II sesija, R., 1932.
16. "Nākotne", 1906, Nr. 4.
17. Par latviešu nacionālo pašlepumu.- "Cīņa", Nr. 9., 1934.
18. "Valdības Vēstnesis", Nr. 39., 1932. g. 19. februāris.
19. В то время термином "балтийцы" печать КПЛ, а также латгальская пресса обозначали основное население остальной части Латвии. (Курземе, Земгале, Видземе).

RAIĶA SABIEDRISKO UZSKATU BURŽUĀZISKI NACIONĀLISTISKO FALSIFICĒJUMU KRITIKA

Mūsdienu ideoloģiskajā cīņā ļoti nozīmīgu vietu ieņem proletāriskā internacionālisma un nacionālisma saduršmes. Kā zināms, nacionālisma teorētiskajām koncepcijām un ar tām saistītajiem "propagandas modeļiem" tiek ierādīta īpaša nozīme mūsdienu antikomunisma arsenālā.

Raiņa darbu un uzskatu interpretēšana buržuāziskā pasaules uzskata garā, - t īpaši buržuāziskā nacionālisma aspektā, nav pēdējo gadu un pat gadu desmitu parādība. Faktiski tā sākās un diezgan plaši izvērsās jau dzejnieka dzīves laikā. Mūsdienās šajā darbībā aktīvi piedalās tie latviešu reakcionārās emigrācijas pārstāvji, kuri "izvērsis" un "pārvērtē" atbilstoši savām interesēm un priekšstatiem Latvijas vēsturi, progresīvās sabiedriski politiskās domas, arī literatūras attīstības vēsturisko gaitu un būtību. Viņu spalva skar arī Raiņa idejisko mantojumu. Jāņem vērā, ka mūsdienās tiem, kas sevi dēvē par "trimdas demokrātiem" un "trimdas sociālistiem", jādarbojas citā, tā sacīt, "laika slānī" - atšķirīgos vēsturiskos, sabiedriski politiskos un ideoloģiskos apstākļos nekā Raiņa dzīves laikā.

Tā kā dzejnieka uzskatu mūsdienu vadošie interpretētāji ārzemēs aktīvi iekļāvušies antikomunisma globālajos plānos, tad praktiski viņus nodrošina kapitālistisko valstu valdību materiāls un morāls atbalsts. Viņi sadarbojas ar ievērojamām Rietumu izdevniecību kompānijām (dienas gaismu ierauga apjomīgi darbi par Raiņa angļu u.c. valodās), var arī darboties speciāls Raiņa un Āspazijas fonds (RAF). Šī fonda darbinieki, starp citu, cenšas pat juridiski pretendēt būt par vienīgajiem Raiņa un Āspazijas mantojuma īpašniekiem (11, 31.-68. lpp.).

Šī raksta uzdevums (galvenokārt nacionālo attiecību aspektā) - atsegt Raiņa sabiedrisko uzskatu buržuāziski nacionālistisko falsifikāciju svarīgākos virzienus un dot vienlaikus arī ieskatu Raiņa atziņās par atsevišķiem na-

cionālo un internacionālo procesu attīstības nosacījumiem un perspektīvām. Raksta kritiskajā daļā galvenā uzmanība tiek pievērsta ne tik daudz atsevišķiem, savstarpēji nesaistītiem faktiem un faktiņiem, bet gan to lielākām kopām vai grupām, kas tā vai citādi parāda dažādu autoru domu un ieceru vispārējo vadošo ideoloģisko ievirzi un mērķus.

Tā kā emigrācijas rainistu vairākuma publikācijas koncentrējas RĀF periodiskajā izdevumā "Raiņa un Aspazijas gadagrāmata" (kalendārs), tad arī šī raksta autors galvenokārt izmanto šā avota darbus (1966.-1979.g.). Minētajā izdevumā visuzskatāmāk arī atspoguļojas emigrācijas rainistu ideoloģiskās spekulācijas, centieni izmantot Raiņa vārdu un popularitāti savos šauri šķiriskajos un grupiskajos mērķos un interesēs.

Spilgti šķiriska un grupiska pozīcija nepārprotami tika nodemonstrēta jau pašā pirmajā gadagrāmatā 1967. gadā. Rakstā "Kā radās Uguns un Nakts" (apceres autors nav uzrādīts, tas pauž izdevēju vispārīgo nostāju) skaidri un gaiši pateikts, ka "bez Aspazijas un Kastanolas trindes mums nebūtu tā Raiņa, kas ar saviem darbiem šodien vieno mūsu tautu kā trimdā, tā dzimtenē, ceļ mūsu nacionālo pašcieņu, dedz cerību pastāvēt latvietībā" (12, 51. lpp.). Te ir pateikts gandrīz viss, kas raksturo mūsdienu reakcionāro, nacionālistiski noskaņoto emigrantu ideologu garīgo apvārsni un tos centienus, kuri saistīti ar Raiņa mantojumu. Te ir cerība sastutēt vecum veco nezinātnisko, abstrakto koncepciju par "vienoto plūsmu", par šķiriski nediferencētu, no sociāli ekonomiskiem un politiskiem apstākļiem atdalītu nāciju ar mūsdienu runām par "tautas" pastāvēšanu it kā divās ģeogrāfiski nošķirtās vietās - "dzimtenē" un "trimdā", gan arī tieksme galvanizēt nacionālo sevišķību, paspēlēt uz nacionālām jūtām, nacionālo pašapziņu. Taču pats galvenais tomēr ir rast spēcīgāku impulsu antikomunistiskiem, antisovietiskiem izlēcieniem, politiskām pretenzijām uz "nacionālpolitiskiem" pamatiem. Šādus vispārējus elementus var atrast visu to autoru darbos, kuri mēģina interpretēt Raiņa idejiskos uzskatus

kopumā vai arī to atsevišķas puses. Jāpiebilst, ka iepriekšētais neattiecas burtiski uz visiem rakstiem par jebkuru Raiņa darbības pusi, kuri publicēti RĀF vai citos emigrantu izdevumos. Te jāievēro diferencēta pāreja. Taču tādu rakstu, kuru saturs sniedz neviltotu, nesagrozītu ieskatu par vienu vai otru dzejnieka darbības aspektu, ir ļoti neliels skaits un tie aplūko tikai ideoloģiski nepiesātinātus jautājumus, piemēram, dzejas tehniku, dažādus lingvistikas aspektus u.c.

Autorus, kuri cenšas atrast Raiņa pasaules uzskata galveno ideju, izejas punktu, mūsdiā, var iedalīt trijās galvenajās grupās.

Pirmā virziena pārstāvji (K.Dzīlleja, F.Cielēns, U.Čerņanis, R.Elmanis u.c.) mēģina pierādīt, ka Raiņa sabiedrisko uzskatu galvenās līnijas koncentrējas pēc sava rakstura monistiskā nešķiriskā ideoloģiskā struktūrā - nacionālismā. Nacionālisms tiek pasludināts par dzejnieka pasaules uzskata augstāko noteicošo principu, galveno atskaites punktu. Nacionālisma mērogiem un ietvariem tiek pakļauta jebkura Raiņa darbības un uzskatu puse.

Tā, piemēram, K.Dzīlleja cenšas parādīt, ka dzejnieks bijis "spilgtākais latviešu tautas defensīvā nacionālisma pārstāvis", ka "nacionālā ideoloģija", "nacionālā doma ir arī pamatstrāvojums viņa revolucionārajā dzejā" (14, 27. lpp.). U.Čerņanis kvalificē Raini par lielu "latviešu patriotu un nacionālistu". F. Cielēns raksta: "Raiņa patstāvīgā domāšana un gribas spēks jo spilgti parādījās Latvijas nacionālā jautājumā. Viņš kļuva par latviešu nacionālās domas (nacionālistiskās - Z.M.) dziļāko izteicēju un Latvijas valsts idejas ietekmīgāko paudēju." (20, 342. lpp.) Jēdzienu "nacionālisms" šie autori metodoloģiskā ziņā lieto plašā amplitūdā. Tajā tiek ietverts viss sabiedriskās dzīves nacionālais aspekts un arī tā nepareizās, pārspilētās izpratnes interpretācijas dažādie varianti. Jēdzieni "nacionālisms" un "nacionālais" netiek šķirti, tie bieži vien lietoti kā absolūti identiski.

Visa tā rezultātā tiek sašaurināta, vienpusīgi pār-

spilēta un izkropļota dzejnieka pozīcija nacionālo un internacionālo procesu izpratnē, kas galvenajos pamatvirzienos sakņojas materiālistiski dialektiskās atziņās un kuru caurstrāvo proletāriskā internacionālisma idejas (22.). Rietumu rainistu secinājumos par Raina "defensīvo" vai arī "šovinistisko" nacionālismu, "nacionālistisko" stāju un centieniem neiztrūkstoši tiek pasvitrota nacionālā momenta un proletāriskā internacionālisma nesavienojamība. Līdz ar to arī proletāriskā internacionālisma ideju neiespējamība tiek prezumēta dzejnieka darbos, viņa pasauluzskatā.

Te vēl jāatzīmē, ka marksistiskajā literatūrā šī virziena falsifikācijas tiek kritizētas visbiežāk un visvairāk.

Otrā virziena pārstāvji (J. Silenieks, J. Kārkliņš, J. Gulbits, J. Kolbuševskis, P. Aigars u.c.), sekojot citam buržuāziskās ideoloģijas strāvojumam, pauž tendenci, kuras mērķis būtu it kā "pārvarēt" pirmā virziena proponēto monistisko nacionālismu dzejnieka uzskatos. Te tiek akcentēta polifoniska ievirze, plurālistiska, policentriska pieeja. Šo autoru darbos obligāti tiek uzsvērtā tēze, ka Rainis nevar un nedrīkst saprast "vienpusīgi", viņš esot bijis "daudzpusīgs", "universāls". Formāli tiek pieļauta iespēja, ka dzejnieka idejiskajos uzskatos diezgan mērīgi līdzās pastāvējis gan "nacionālisms", gan "internacionālisms", gan "sociālisms", gan "marksisms". Tāda pieeja liek domēt, it kā Rainis uzskatus veido pēc savas ideoloģiskās būtības nesavienojamu koncepciju eklektiski līdzsvarots virums. Paši autori nebūt nav noskaņoti analizēt šo mācību savstarpējās attiecības, pretrunas. Te vajag "neitrālu" izturēšanos, nevis censties kaut ko pieņemt, noraidīt vai noskaidrot. Piemēram, J. Gulbits deklarē, ka jebkura "dogmātiska marksista" vai arī "šausmīga pretsociālista" mēģinājums "sašķelt Raini un ievilkāt kaut daļu no viņa personības savās pozīcijās ir neseismīgs un noraidāms" (15, 42. lpp.). Taču autors nav nemaz tik konsekvents. Bargaļs "noraidījums" neskar tos, kas atzīst Raina "nacionālismu". Jo jau burtiski

nākamajā teikumā autors raksta: "Rainis ceļš arī kā dramatiķim ir nacionālisma ceļš uz lielo kopību. Šajā ceļā Rainis iet bez kompromisa..." Un nedaudz iepriekš bija teikts: "Arī mums pašiem Rainis ir tuvāks un saprotamāks ne jau tajā aspektā, kurā viņš parādās kā filozofs, bet gan tajā, kurā saklausām nacionālā politika sludinājumu savai tautai." (15, 42. lpp.) Autors tāpat diezgan tendenciozi noraida citus iespējamus Rainis pasaulesuzskata traktējuma variantus un par savu atziņu pamatformulu galu galā atstāj to pašu nacionālismu. Līdzīgu paņēmieni demonstrē arī P. Aigars. Viņam Rainis arī ir "komplicēta personība, pārāk daudzveidīga, lai to ievietotu kādā literatūras vēsturnieka vai politiskās doktrīnas plauktā" (17, 111. lpp.). Taču tālāk autors, analizējot dzejnieka darbus, it īpaši lugu "Uguns un nakts", konstatē: "Dzejnieka zemapaņņā slēptā nacionālā doma ir nēmusi virsroku pār apzinīgi veidoto sociālās cīņas romantiku." (17, 111. lpp.) Un tālāk jau pilnīgi izzūd P. Aigara sākumā iepriekšējā poza - stāvēt pāri dažādu "doktrīnu plauktiem". Viņš nobeigumā raksta: "Taču, būdams augstākās cilvēces un cilvēces meklētājs, viņš reizē ir bijis viskvēlākais Latvijas neatkarības saucējs. Nevienš cits no latviešu rakstniekiem savos darbos nav tik nepārprotami ietvēris nacionālos ideālus kā Rainis." (17, 123. lpp.) Protams, P. Aigars ar "nacionāliem ideāliem" saprot tikai nacionālistiskus ideālus.

"Daudzpusība" un "aizliegumi", centieni mētāties plurālismā figurē arī J. Kārklīņa rakstā "Rainis - dzimtenei vai trimds?" Autors vispirms bargi nodeklarē, ka izcilas personības, tāpat arī lielais dzejnieks "nepieder nevienam" un ka "neviens, tiši neviltojot Rainis rakstus, nespēj viņu pārvērst par tādu, kāds viņš patiesībā nav" (15, 84. un 85. lpp.). Bet autors nav nemaz tik konsekvents. Izrādās, ka kaut kam dzejnieks tomēr "pieder" arī bez tišas "viltušānas". Viņš raksta: "Rainim - rakstniekam pieder latviešu tauta, tāpat kā citas tautas, tik daudz, cik viņš tajās ieguvis savu darbu cienītāju, savu, humāno, nacionālo vai sociālo ideju piekritējus. Arī šī

literārā Raiņa draudze var teikt, ka Rainis tai pieder..." Vēl izrādās, ka bez "literārās draudzes" dzejnieku par savu var saukt arī "tie politiskie darbinieki, kas ir līdzīgos uzskatos ar viņu" (15, 84. lpp.). Un vēl galu galā ir citi "māntinieki" - proti, "tie, kas līdz Rainim ir izauguši, kam Rainis pieder, ir tas dzīvais kodols, ko nedrīkstam ļaut sašķelt" (15, 85. lpp.). Un punktu visiem "aizliegumiem" pieliek autora secinājums: "Rainis nepieder dzimtenei vai tīrīdai, Rainis nav dalāms. Viņa darbi paliek negrozāmi abās pusēs, kuras ir pagaidu dalījums mūsu tautas dzīvajai vienībai. Lai Rainis kļūst arī šīs vienības simbols." (15, 86. lpp.) Tā atkal tiek demonstrēta nepārprotama cieņa nacionālismam un līdz ar to arī buržuāziskajiem emigrantiem "vajadzīgā" Raiņa kā "simbola" tiešu prezumēšana. Tiesa, nu Rainis vairs nav tik daudz cīnītājs par veco, aizgājušo buržuāziskās Latvijas valsti (ko tik daudz uzsvēra un uzsver pirmā virziena pārstāvji), bet gan, it kā sašķeltās latviešu nācijas daļu vienības simbols un, protams, cīnītājs par šo daļu iluzoro "vienību" nākotnē. Te jāpiebilst, ka viss tas ir emigrācijas rainistu fantāzijas līmenī, kam būtībā ar Raiņa uzskatiem nav nekāda sakara. Centieni deideologizēt dzejnieka pasaules uzskatu ar policentrisku "daudzpusību" un vienlaikus arī nespēja pārkāpt buržuāziskā nacionālisma ietvarus raksturo šo autoru atziņas par Raiņa attieksmi pret tādām problēmām, kuru komponenti ir sociālā un nacionālā, sociālā un etniskā, šķiriskā un nacionālā attiecības. Raiņa un viņa mākslas darbu spēks nav emigrācijas darboņiem vajadzīgā un viņu pašu konstruētā "simbolā", bet gan viņa domās, kas aicina dziļi ieskaņties savas tautas, progresīvās šķiras, visas cilvēces attīstības procesos un likteņos.

Trešais virziens - līdzīgs otrajam, tikai Raiņa it kā plurālistiskos, policentriskos uzskatus cenšas papildināt, precizāk sākot, pārsegt un iecentrēt ar tiem pārstāvošu, augstāku un mistisku kopsaucēju - reliģiju. Raiņa istais "domu kodols" esot "reliģiskā filozofija" (13, 18. lpp.). Šo virzienu, kas pēdējos gados kļūst aizvien

ieciēnītāks dzejnieka uzskatu falsificētāju vidē sevišķi intensīvi "izkopj" A. Ziedonis, B. Metuzāle-Muzikante, u.c. Reliģiskās filozofijas (pirmām kārtām jau reliģiskā eksistencialisma) vārdā šie autori noraida "vienpusīgu" Raiņa uzskatu traktēšanu nacionālisma, ateisma, marksisma u.tml. garā. A. Ziedonis, piemēram, uzskata, ka "dzejnieka darbos atrodamī ir nacionālisms, ir universālisms, bet, kā Rainis pats aizrādīja, šīs tendences jāredz kop-skatā, nevis atšķirtas no pārējām domām, kuru pamatā ir filozofija - garīga augšana individos un nācijās" (13, 19.-20. lpp.). Kā redzams, autors vispirms metafiziski nošķir "politiku" un "filozofiju" un p e tam pēdējo pasludina par "garīgās izaugsmes" atribūtu, lai pēc tam to tuvinātu reliģijai. Ticis galā vai nostājies pāri "šīs pasaules problēmām" autors tālāk analizē Raiņa darbus jau no konseventi reliģiskām pozīcijām. Šāda dzejnieka uzskatu izpēte reducēta uz daudzu un dažādu diezgan izsmalcinātu falsifikācijas metožu lietošanu. To sīkāka analīze nav šī raksta tiešais uzdevums. Taču jāuzsver, ka reliģiskie rainisti arī cenšas deformēt Raiņa uzskatus nacionālo un internacionālo parādību sfērā. Akcentējot abstrakta garīgā (cēlā) "augšanu" cilvēku un nāciju dzīvē, to tiekšanos pretim "absolūtai pasaulei", pievēršanos "transcendentajam", A. Ziedonis cenšas Rainim pierakstīt prasību pēc tautu kristianizēšanas, kur reliģija būtu nē-oiju dzīves attīstības un sabiedrības neatņemams pamats. Vīpš raksta, ka dzejnieks gribējis "savu tautu modināt uz dzīvi, kurā reliģija un dzīve nav divas šķirtas pasaules, bet viena liela dzīve dziļā un stiprā pārliecībā, harmo-niskā dzīves veidā..." (13, 21. lpp.).

B. Metuzāle-Muzikante aizraujas tiktāl Raiņa "reliģijas" elementu meklējumos, ka nostāda dzejnieku pat "pa labi" no mūsdienu franču eksistencialistā (tiesa gan - buržuāziskā ateista) Žana Pola Sartra (18, 17. un 18. lpp.). Autore ekskursi par poēmas "Ave sol!" saturu, lai rastu pierādījumus dzejnieka "dievībai", gūst loģisku noslēgumu šādā secinājumā: "... Raiņa vispārīgā izpratnē darba ētika ir svarīgāka, nevis revolucionārais cīņas

gars... Cīņas jēdzienu varētu tulkot darba uzdevuma ietvaros, nevis kā eksistējošās iekārtas gāšanas nepieciešamību." (19, 102. lpp.) Tā ir skaidra valoda par autores īstenajiem mērķiem - dzejnieks nav nekāds revolucionārs, bet reliģiski abstrakta "darba sludinātājs". Darbs to nav paša cilvēka radītājs, kā to Rainis seprata, bet gan tikai "dievišķā" cilvēka dzīve, kas iemiesota viņa garīgajā veidolā. Reliģisko dzejnieka tulkotāju "meklējumi" ir vērsti uz to, lai pierādītu viņa naidīgumu sociālisma idejām, zinātniskajam pasaules uzskatam, arī nacionālo un internacionālo procesu sfērā. Šeit būtu vietā nocīt Raiņa atziņu, kurā viņš no aktīvā humānisma pozīcijām parāda reliģijas un patiesa humānisma un revolucionārisma nesavienojamību: "Kr/istīgā/ m/aciņ/a prasa pilnīgu altruismu, padošanos citiem par labu, kas ir pārdabisks, patiesībā šī pārdabiskā vara ir sabiedriskā vara. Viņas gribētais panākums un mērķis ir: status quo uzturēšana; viņas līdzekļi: apgādība no augšas, no pārdabiskās varas, kurai zemē ir priekšstāve: valsts vara. Cilvēcības mērķis turpretī: kustība, attīstība, līdzekļi: pašdarbība." (10, inv. Nr.23286)

Viss iepriekšētais liecina, ka emigrācijas nacionālistisko rainistu metodoloģiskā un ideoloģiskā pieeja Raiņa uzskatu interpretēšanā ir pilnīgi ideālistiska, klaji tendencioza un šķiriski un grupiski aprobežota, neskatoties uz dažādu virzienu īpatnībām, savdabīgajiem akcentiem. Savas atziņas viņi, kā likums, aizgūst no dažāda rakstura buržuāziskās ideoloģijas avotiem, taču viņu uzskatus nevar reducēt ne uz vienu no tiem. Tie ir eklektiski, kā jau buržuāziskā ideoloģija vispār. Tie ir gan eksistenciālisma, gan neoprotēstantisma (un citu reliģisko mācību virzienu), gan personālisma eklektisks mistrojums, maisījums, kuru tā vai citādi viņi cenšas inkorporēt arī dzejnieka uzskatu sistēmā. Taču visus centienus caurstrāvo galvenā ideoloģiskā ambīcija - proponēt caur un cauri nacionālistisku (vai arī šovinistisku), reakcionārujiem emigrantiem noderīgu Raini. Šiem centieniem nav nekāda tieša sakars ar dzejnieka uzskatu un darbu zināt-

nisku interpretāciju un tās rezultātu popularizēšanu plašās Rietumu pasaules lasītāju aprindās.

Emigrācijas rainistu darbos "pazūd" Raiņa paustās progresīvās sabiedriskās idejas un ideāli, viņa pasaules uzskata patiesais plašums un dziļums un galu galā arī viņa "mūža cīņa" - cīņa par strādnieku šķiras un savas tautas sociālās un nacionālās atbrīvošanās mērķiem, par sociālisma ideālu uzvaru pasaulē. Līdz nepazīšanai tiek deformēta dzejnieka-humānista, internacionālista un patriotiska sabiedriski politiskā stāja, cieņas pilnā attieksme pret savas dzimtenes, tautas, šķiras un visas cilvēces likteņiem, to nākamības jautājumiem. Ne velti ļoti "ciets rieksts" visiem Raiņa uzskatu falsificētājiem ir viņa doma par šo lielo problēmu loku. Šie nākamības jautājumi šķiru, nāciju, cilvēces attīstībā, to uz priekšu, uz nākotni iešarās atspoguļojums Raiņa darbos liek piekļust pašpārliecinātajam tonim emigrācijas rainistu darbos. Šī dzejnieka mākslā apgūtā plašā pasaules aina, viņa pārdomu materiāls piespiež aizrobežu interpretatorus diezgan uzskatāmi atklāt savu nevarību. Šos Raiņa uzskatus viņi cenšas aizplīvurot ar domām par dzejnieka it kā neskaidrām, neizkārtotām nākotnes "vizijām", "sociālistiskām utopijām" utt. Tā kā šāda falsificētāju attieksme visreljefāk izpaužas attiecībā uz nacionālo kopību tuvināšanās un saplūšanas "vienotā cilvēcē" procesiem, tad pie šī aspekta Raiņa uzskatos jāpakavējas tuvāk (cik to atļauj šī raksta ievirze un ietvari).

Vispirms jāuzsver, ka dzejnieka uzskatu pamatā par dažādu nāciju, tīpat kā par šķiru attīstību, tuvināšanos un saplūšanu bija dialektiski materiālistisks pasaules un vēstures skatījums, uzskati par sabiedriskās dzīves attīstību, progresu, par nāciju teoriju. Vēsturiskās attīstības cēloņi, sociālo pārmaiņu "saknes", kā Rainis uzsvēra rakstā "Kultūrvēsturiski skati iz zemju dzīves", "nav atrodamas ārējās, garīgās strāvās", tās "ir izaugušas saimnieciskās dzīves pārgrozībās, attīstoties un mainoties ražošanas veidiem" (4, 502. lpp.). Vēsturē valda objektīvas likumsakarības, cilvēce attīstās noteiktu attīstības

"loku" — formāciju ietvaros, kuri secīgi nomaina viens otru (3, 367. lpp.). Vēstures progressa dzinējspēks ir šķiru cīņa — objektīva parādība. "Visai vēsturei," rakstīja dzejnieks, "caurī velkas šķiru cīņa, tā ir parādība, ko mēs nevaram novērst." (3, 474. lpp.) "Katra šķiras kustība iet no apspiestības caur cīņu uz uzvaru, t.i., mieru un tad valdību, t.i., citu apspiešanu. Šķira seko viena otrai tādos attīstības lokos, bet katrs loks nau vienlīdzīgs agrākam, bet plašāks (par agrāko), līdz beigās šķiras pašas sevi iznīcina, kad galīgā cīņā atsvebinājas pēdējā jaunākā, kura vairs neapspiež citas, jo jaunākas vairs nau." (3, 276. lpp.) Par galveno revolucionāro spēku, kas sagraus kapitālistisko iekārtu, dzejnieks atzina proletariātu, "pamatšķiru". Tas ir spēks, kas radīs arī "jaunu sabiedrības kārtību" — sociālismu. "Tagad pievēršas jaunai ekonomiskai iekārtai," rakstīja dzejnieks "Refleksijās", "pēti likumus... Galvenie pamatvilcieni jau atzīti, t.i., ka saražotā produkcija pieder indivīdu kopībai, kuri producē savām vajadzībām... Jaunā kārtība ir pamata nosacījums visām pārējām, un no tā izriet visi citi... Tā kā ekonomiskā iekārta ir bāze, tad no tās jāsāk veidot jauna morāliska iekārta." (10, inv. Nr. 59035) Raiņa domas par sociālistiskās iekārtas neaprobežotajām iespējām sabiedriskā progressa jomā ir tuvas V. I. Leņina atziņai, ka "sociālisms slēpj sevī gigantiskus spēkus un ka cilvēce tagad pārgājusi jaunā attīstības stadijā, kura paver nepareisti spožas iespējas" (2, 445. lpp.).

Marksistisku atziņu garā Raiņis runāja arī par "jaunu sociologiju", par "visu tautu, visas cilvēces savienošanu politiski un sociāli" (10, inv. Nr. 29539). Šī raksta aspektam īpaši svarīga ir tēze par cilvēces "politiskās" un "sociālās" vienošanas diferencēšanas nepieciešamību.

Izejot no sociālisma "nākotnes valsts" ideāliem, dzejnieks pauda domas par vairākiem, kvalitatīvi atšķirīgiem posmiem nāciju un cilvēces attīstībā, par "nacionālo", "internacionālo" un "kosmopolītisko" vai arī nacionāli nedalītas cilvēces attīstības formām. Tā ir vieng-

balaina trīs pakāpju koncepcija par sistēmas "nācija - cilvēce" attīstības perspektīvām.

Rakstā "Par tautības un kosmopolitisma jautājumu" Rainis parādīja, ka cilvēces attīstība nāciju formā ir sākuma posms, izejas punkts, nosacījums "vienotas cilvēces" dialektiskai sasniegšanai. "Nacionālam attīstības posmam" dzejnieks ierādīja progresīvu, objektīvu, "attīstības likumu" noteiktu vietu ne vien kapitālistiskās, bet arī sociālistiskās sabiedrības dzīvē. Lūk, viņa doma: "Par tautu eksistenci nevar tikt pāri tautas noliedzot. Cilvēces nacionālam attīstības posmam nevar pārlēkt pāri, ielecot beztautu kosmopolitismā. Tā ir tikpat nelogiska, t.i., nedialektiska un neevolucioniska domāšana, pretī attīstības likumiem, kāda parādījās savā laikā pie krievu narodņikiem, kas gribēja neiet cauri kapitālisma posmam, un taisni ielekt sociālisma iekārtā..." (9, 378.-379. lpp.) Sociālismā turpinās nāciju objektīvā eksistence un sasniedz "pilnīgu attīstību". Tur tad arī no augsti attīstītām nacionālām "patībām" veidosies lielākas internacionālas "apvienības", līdz tās "appentu kontinentus un cilvēci, un tur izaugtu varbūt jaunas, lielākas tautas ar jaunām valodām, varbūt ar vienu kopēju un citām individuālām valodām. Bet arī tas nebūtu mehānisks kosmopolitisms, bet organiskas būtnes un būtņu vienības. Tas oļš ir garš un viņš viss jāiziet cauri; nevar nolemt, ka šodien (Rainis dzīves laikā - Z.M.) jau gals ir sasniegts. Tā nav loģiska domāšana, bet garīga kūtrība, kas māna sevi ar fantāzijām. No tā pamatšķirai, kā progresīvākai, visvairāk jāizsargājas" (9, 378.-379. lpp.). Tādējādi Rainis kategoriski noraidīja aplamās K. Kautska, G. Erves un viņu domubiedru tēzes par to, ka it kā jau kapitālismā nācijas internacionalizēšanās procesa ietekmē sairstot, sadaloties to veidojušās šķirās un netālā nākotnē, it īpaši pēc sociālistiskās revolūcijas, izbeigs pastāvēt. Tik novienkāršota izpratne par šķirisko un nacionālo kopību attīstību un savstarpējo saistību dzejniekam nebija pieņemama. Skatot nācijas kā reālus vēstures subjektus, virzītājpersonas, viņš uzsvēra to attīstības, darbības nepieciešamību,

sociālo un kultūrvēsturisko piesātinājumu. Viņš paredzēja un "deva laiku" jebkuras nācijas radošo potenci attīstībai. Ja nacionālās kopības, sprieda dzejnieks, ir pakļautas attīstības likumiem, ir vēsturiskas, tad tām ir ne vien savs sākums, objektīvā gaita, bet arī vēsturiski noteikti pastāvēšanas ietvari. Kādā piezīmē viņš rakstīja: "Tā tagad redzams, ka tautības ir pārejošas. Vai tādēļ tās nekopt? Viņas ir spēki, un gribot negribot tie darbojas. Vest viņas līdz galam, attīstīt; tautības palīdz vest uz starptautību, kā kapitalisms uz sociālismu/" (10, inv. Nr.127919).

Rainis nešaubījās, ka nākotnē tieši un tikai sociālisms dos pilnīgu plašumu visām nācijas potenciālajām iespējām. Viņš rakstīja: "Sociālisms mums izkops tautību, atraisīs viņas savādības un spēkus." (10, inv. Nr.23066) Dzejnieks izvirzīja domu, ka obligāti ir jāsavieno arī jēdzieni - tauta un sociālisms: "Nav sociālisma bez tautas un nav tautas nākotnes bez sociālisma." (10, inv.Nr. 114140) Prasībā vienot jēdzienus "tauta" un "sociālisms" nav runa par kaut kādu "nacionālo sociālismu" vai nav arī norādīts miglains "nacionālisma ceļš uz lielo kopību", kā to šodien cenšas parādīt emigrācijas rainisti (piemēram, J. Gulbīts u.c.). Nav grūti saskatīt, ka Rainis akcentēja tikai sociālisma misiju nacionālo kopību attīstībā nevis sociālismā kā sabiedriskās iekārtas nacionālo raksturu. Emigrācijas rainistiem, protams, sirdij tuvāk ir sagrozīt dzejnieka domu un runāt par sev tuviem "demokrātiskā", "nacionālā", "humānā" sociālisma modeļiem.

1921. gadā dzejnieks kādā runā atzina, ka nākotnē, nācijām tuvinoties "savā starpā", būs iespēja runāt par "lielo internacionālismu", kurā tomēr nācijas vēl būs kā atsevišķi indiviāli, atsevišķas personas (3, 449. lpp.). Iedomātu sociālismu bez nācijām un dzimtenēm dzejnieks dēvēja par "auksto sociālismu" un to noraidīja. Līdz ar to viņš vērsās arī pret nacionālisma tēzēm par sociālisma naidīgumu nacionālajām iezīmēm, nacionālajai specifikai.

Taču sabiedrības dialektiskās attīstības gaitā, kā jau iepriekš teikts, pēc Raina uzskata veidosies nacio-

nāli nedalīta cilvēce. Viņa domas raksturo šāda atziņa: "Tautu gals cilvēcē... Gals tur, kur sākas nedalīta cilvēce, bet jāiziet pretstatiem cauri, nevar pārlēkt pār attīstības posmiem." (10, inv. Nr. 22962) Dzejnieks norādīja, ka tālā nākotnē nāks "...visu pasaules tautu savienotās valstis, un tām sekos valstu iznīkšana. Tagad pastāvošā forma tiks reiz nevajadzīga, un tad cilvēki seplūdis tuvāk kopā. Kad izšķirība nebūs vairs vajadzīga, tad tautībai būs jākrit" (3, 449. lpp). Nacionāli "nedalītu cilvēci" dzejnieks bieži vien savos darbos dēvēja par "kosmopolitisku" cilvēces attīstības posmu, kura jāseko aiz "nacionālās" un "internacionālās" cilvēces attīstības posma. Nosacīti var piekrist šādam termina "kosmopolitisms" traktējumam, kaut gan zinātniski precīzi tas nav. Taču jāsaprot, ka ar terminu "kosmopolitisks" dzejnieks šīnī gadījumā puda tikai vispārīgās kontūrās savu priekšstatus par īpašu cilvēces attīstības posmu - nacionāli nedalītu cilvēci, kur nepastāv vairs nācijas, kur tās seplūst vai "krit". Doma par nāciju dialektisku attīstību cauri kapitālismam un sociālismam "līdz galam", līdz "pilnai negācijai" caurstrāvo Raiņa lugas "Uguns un nakts", "Indulis un Ārija", "Spēlēju, dancoju", "Jāzeps un viņa brāji", tā pausta arī poēmā "Ave sol!" un daudzos dzejoļos. Dzejnieks noraidoši izturējās ne tik vien pret tēzēm par nāciju drīzu, ātru izžušanu, bet arī pret tēzēm par to "mūžīgu" pastāvēšanu, tendencēm izskaidrot to attīstību ideālistiski, ar kaut kādu mistisku "spēku" palīdzību. Kā jau iepriekš teikts, šis Raiņa domu elements ir radījis emigrācijas rainistiem daudz "grūtību" un pūļu tā izskaidrošanā. Te ar viņu rīcībā esošā nacionālisma teoriju vien nepietiek - gluži vienkārši tā ietvari ir par šauriem. Lūk, daži piemēri. J. Silenieks konstatē, ka dzejniekam tomēr "vēlēšanās bija pārkāpt nacionālās robežas. Gandrīz ikkatrā Raiņa lugā var saskatīt simboliskus priekšstatus kā nacionālām idejām, tā vispārcilvēcīgiem ideāliem. Zelta zirgā nav grūti atrast blakus politiskai alegorijai par Latvijas neatkarību zināmu marksistu sabiedrības uztveri un sociālo apziņu..." Un pat parādās

doma, ka nacionālisms un internacionālisms nav savstarpēji iznīcinoši pretstatī. "Nekad pasaulē, šķiet, nav atrasts pareizais nacionālisma un internacionālisma līdzsvars. Par šo ideālo sintēzi debatē Āfrikas jauno nāciju cēlāji, Martinikas marksisti, Ķīnas un Padomju Latvijas komunisti." (16, 67., 68. lpp.) Nevarīgi izdebatējies par neiespējamību sintezēt vienā veselā Raiņa uzskatos nacionālos un internacionālos momentus, kā arī izteicis domu par to "līdzsvara" praktisko neiespējamību visā "pasaulē", J. Silenieks rod patvērumu dzejnieka "prometejiskajās" tieksmēs.

Raiņa domas par cilvēku cilts attīstības jautājumiem, par vienotas bezšķiru un nacionāli nedalītas cilvēces tapšanas sarežģīto, pretrunīgu procesu pārpilno gaitu rietumu rainists mēģina iztēlot (vai arī saprast) kā kādu vēl vienu plaši pazīstamā Prometeja mīta "modernu versiju". J. Silenieka visa pārdomu sistēma liecina par viņa centieniem piekalt dzejnieku kā grieķu teiku varoni pietūkšu abstrakciju klīnīks. Šī autora nodomu saturu tuvāk atsedz šāds vispārīgā secinājums par tā saucamajām "prometejiskajām" tieksmēm: "Prometeja mīta oriģinālā un modernās versijās viss izliekas divdomīgi neskaidrs, kur vērtības un bezjēdzība sajaucas neatšķetināmā kamolā." (16, 67. lpp.) Lūk, tādu "skaidrību" J. Silenieks grib iedabūt arī Raiņa uzskatos par cilvēces attīstības jautājumiem. Jāatgādina, ka Rainis nāciju un cilvēces dialektisko attīstību nebūt nedeklarēja abstrakti, ārpus objektīvo un subjektīvo faktoru mijiedarbības. Dzejnieka runāja ne vien par "garīgo cilvēci" (15, 85. lpp.), bet, kā jau iepriekš teikts, arī par "sociālo" cilvēci. Tāpēc par to nedaudz tuvāk.

Nacionāli nedalītas cilvēces veidošanos dzejnieks skatīja ciešā kopsakarā ar sociālistisko "nākotnes sabiedrību", ar strādnieku šķiras vēsturisko misiju, sociāli politisko darbību. Īpaši nozīmīgi ir tas, ka ar proletariāta vēsturisko kustību saistīto sabiedriskās dzīves posmu dzejnieks uzlūkoja kā kvalitatīvi augstāku pakāpi "vienotas" cilvēces tapšanā. Dzejoļu krājuma "Klusā grāmata"

dzejoli "Lielāki par Romu" viņš tēlaini pauda proletariāta gigantisko mērķi - vienot cilvēci uz vispusīgas brīvības pamatiem. Dzejnieks aicināja strādnieku šķiru iet daudz tālāk par senās Romas un viduslaiku katoļu baznīcas kosmopolītiskajiem centieniem radīt mākslīgu pasaules valsti. Viņš uzskatīja, ka jāpārspēj romiešu "mērs", kas īstenībā vēl "nesasniegts" vēsturē stāv. Tāpēc:

"Proletiem jāaug pār mēru;

Jums lielākiem jābūt par Romu;

Pasaules verdzība tur,

Pasaules brīvība šeit!" (5, 387. lpp.)

Dzejoli "Maija manifests" (1912) Rainis, raksturojot strādnieku šķiru kā visas "cilvēces un pasaules pamatšķiru", uzsverot tās uzdevumus arī nacionāli nedalītas cilvēces veidošanā, tieši atsaucās uz K. Marksa un F. Engelsa darba "Komunistiskās partijas manifests" idejām. Tajā, kā zināms, zinātniski pamatoti galvenajos virzienos iztirzātas arī cilvēces attīstības tālākās perspektīvas. Dzejnieks rakstīja:

"Ar komunistu lielo manifestu

Lai visu zemju tautas kopā vestu,

Nāk proleteriatš." (7, 283. lpp.)

Atskatoties uz cilvēces vēsturē jau notikušajiem nesekmīgajiem mēģinājumiem radīt lielas tautu un valstu apvienības, Rainis pareizi atzina, ka nekas tāds nevarēja un nevar notikt ekspluatatoru tipa sabiedrībās un ka tādi mēģinājumi tika dibināti "uz masu apspiedēju kustību" (10, inv. Nr. 23013). Tie kalpoja dažādu pasaules iekarotāju interesēm, kuras nesaskanēja ar pakļauto tautu ekonomiskās un kultūras attīstības vajadzībām. Dzejnieks atzina, ka nāciju brīvprātīga un stabila apvienošanās nevar īstenoties jebkuros sociāli ekonomiskos un vēsturiskos apstākļos. Visspilgtāk domu, ka dažādu tautu tuvināšanās un vienošanās pamatā jābūt kopīgām interesēm, dzejnieks pauda lugā "Indulis un Ārija". Lugas pozitīvais tēls Indulis noraida Mīntauta un vācu komtura aplamo izpratni par primitīvu, uzspiestu tautu un valstu vienošanu, kas saistīta ar vardarbīgu pakļaušanu, nacionālo īpatnību un

tradīciju iznīcināšanu, uzspiestu atteikšanos no savas tālākās politiskās dzīves jautājumu izlemšanas. Indulis grib būt "brīvais vadonis brīvai dižai ciltij" un tāpēc nicina gan vācu bruņiniekus - viduslaiku Romas katoļu baznīcas pasaules valsts dibinātājus, gan lietuvieti Mintautu ar viņa asiņainās "lielās Lietuvas" idejām. Mintauts nevar apvienot visas radniecīgās Baltijas tautības vienā Lietuvas valstī, balstoties tikai uz kailu varmācību. Indulis saka Mintautam:

"Izirs tava asinsvalsts;

No dzelžu sētas izsprauksies, kas iekšā."

(8, 241. lpp.)

Lugas "Indulis un Ārija" piezīmēs Rainis norādīja, ka feodālismā "...daudzo tautu dēļ savienošānu spēj Mint/auts/ saprast tikai kā tautas iznīcināšanu, bet neviens pats sevi nenokauj otram par prieku" (10, inv. Nr. 22731). Nav grūti ievērot, ka ar Mintauta tēlu dzejnieks atmasko arī reakcionāro buržuāzijas ideologu tēzes, ka nāciju attiecībās līdztiesība nekad nebūšot iespējama, ka starp nācijām vienmēr esot bijušas un būšot tikai kundzības un pakļautības attiecības un pastāvēšot mūžīgs nāciju antagonisms. Rainis savos darbos uzsvēra, ka līdztiesīgas, taisnīgas attiecības starp nācijām, it īpaši starp lielākām un mazākām, nav iespējams izveidot kapitālisma apstākļos. Šinī sakarībā lielu interesi izraisa dzejnieka domas par dažādajām buržuāzisko valstu "savienībām", kuras radās kapitālistiskajā sabiedrībā. Piemēram, viņš visai skeptiski vērtēja pēc pirmā pasaules kara nodibināto "Tautu līgu" un atzina, ka buržuāzija izmantojusi šīs organizācijas izveidošanā tikai "savus" - šķiriskos jeb "pilsoniskos" līdzekļus, iespējas un sajēgu. Kādā Pirmā Maija runā viņš norādīja, ka ir tikai "jāvīpsnā" par "Tautu līgas" pompozajiem centieniem iztēlot sevi par dažādu nāciju un valstu draudzīgu attiecību etalonu. Rainis atzina, ka buržuāzija kā tāda vispār ir "slikta" tautu vienības veidotāja, ka "...pilsonība nevar dot idejas, par kurām nevarētu pavīpsnāt. Viņa nevar izvest idejas, jo tai ir pārāk materiālas intereses. Eiropas

valstis nevar mieru nodibināt. Tām ir pretējas intereses. To nevar ne tāpēc, ka tautas intereses būtu tām pretī. Nē, tam pretī ir imperiālisms. Kapitalisms izrādās spēcīgāks, un, kad tas ir starpā, tur lielas idejas nevar izvest" (10, inv. Nr. 23013). Viņš noraidīja iespēju veidot "pilsoniskas", t.i., buržuāziska rakstura pasaules "savienotās valstis". Dzejnieks bija pareizi uztvēris tās pretrunas, ar kurām sastapās objektīvais sabiedriskās dzīves internacionalizēšanās process kapitālisma apstākļos. Tāpēc viņš, kā jau iepriekš teikts, atzina, ka tikai "proletariāts" un "sociālisms" ir spējīgs nācījas tuvināt un virzīt tālāk to attīstību uz "vienotu cilvēci". Līdzīgas Raiņa domas atspoguļojas arī krājuma "Tie, kas neaizmirst" dzejoli "Lielākā dzimtene" rindās:

"Mēs viņu celsim no lieluma,
Cik liels vien izaudzis cilvēces gars,-
No augstuma, dziļuma, plašuma,
Cik vien spēj cilvēces dvēsele just;
Mēs viņu celsim no brālības,
No visām tautām un mēlēm, un krāsām,
No visām sugām un visām āķirām,
Ar visām saistītām rokām un galvām
Vienotā darbā." (6, 169. lpp.)

Savdabīgu šo Raiņa domu traktējumu var ieraudzīt buržuāzisko nacionālistu darbos. Tā, piemēram, K. Dzīlleja neredz dzejnieka uzskatos neko vairāk, kā tikai politikas "Eiropas ūnijas", "Panceiropas" vai arī "Apvienoto nācīju" ideju, kuras "realizācijai jau tiek sperti praktiski soļi" (14, 31. lpp.). Taču, kā jau iepriekš teikta, Raiņis noraidīja iespēju nodibināt "pilsoniskas" valstu organizācijas, jo par tādām ir "jāvīpsnā". Turpretī A. Ziedonis ir pavisam nopietni pārliecināts, ka Raiņa idejas par nācīju tuvināšanos un saplūšanu, par nacionālo robežu pārvarēšanu mūsdienās jau īstenojas Eiropas "kopējā tirgus politikā" (21, 218. lpp.). Taču K. Dzīlleja un A. Ziedonis ignorē faktu, ka gan Eiropas ūnija, gan Eiropas kopējais tirgus ir "pilsoniskas" imperiālistiskas organizācijas. Te vajadzētu arī padomāt par tām Raiņa do-

mām, kur viņš atklāti izsakās par imperiālistu "pārāk materiālajām interesēm", un tad atkal būs tikai "jāvīpsnā". Taču galu galā šis ir tikai A. Ziedoņa falsifikācijas "politiskais" variants. Bez tā ir vēl cits - "religiskais" variants ar "mūžīgās dzīves" akordu. Pēc viņa domām, cilvēki patiesi apvienoties varot tikai "mūžīgajā dzīvē", kur iespējams likvidēt atšķirības starp "šīs pasaules pretiniekiem" (21, 264. lpp.). Tātad, acīmredzot, dzejnieks lugā "Jāzeps un viņa brāļi" ir uzsvēris domu, ka tikai "kops vieno". Turpretī lugā "Indulis un Ārija" vienotājspēks ir "saule", kura spīdot vienādi "pār visas pasaules ļaudīm" un varot veidot saites "starp indivīdiem un nācijām" (21, 220. lpp.). Tas teikts nopietnā, tiešā, nevis tēlainā valodā. Saule te tiek pārvērsta par kaut kādu mistisku, pārdabisku sociāli reliģisku vai reliģiski sociālu būtni, par "spēku" (respektīvi, dievu), kas spēj iejaukties sabiedrisko procesu norisē "no augšas". Absolūti skaidri šo domu izsaka B. Metuzāle-Mūzikante: "Nevar būt šaubu par to, ka Rainis apraksta sauli kā īpaša veida dievību." (19, 99. lpp.) Tas viss galu galā vajadzīgs, lai parādītu dzejnieka domu atšķirību no marksistiskajiem, materiālistiskajiem cilvēces nākamības ideāliem, tuvinātu viņu "saules reliģijai", padarītu par reliģiskas, abstraktas cilvēku mīlestības un brālības ideju paudēju. Taču tie ir izdomājumi, kas atrodas visai tālu no dzejnieka pasaules uzskata sistēmas. Apspiedējus un apspiestos apvienot "vienā saimē", pie tam vēl klerikālā, dzejniekam nav nācis prātā pat sapņos.

Savos darbos Rainis noraidīja kā kosmopolītiskas, tā arī pesimistiskas idejas par cilvēces attīstību un nāciju nākotni. Kosmopolītismu, kas izpaudās nacionālā nihilisma formā, dzejnieks dēvēja par "mehānistisku kosmopolītismu" un to arī asi nosodīja. Vēstulē J. Krauzem viņš uzsvēra, ka kosmopolītisms "...ir utopijs un vecmodība, beznācijas ļaunums, beznācijas stāvoklis ir tikai tālš mērķis, bet ne līdzeklis uz mērķi" (3, 329. lpp.). Dzejoļu krājuma "Tie, kas neaizmirst" dzejoli "Tautas nāve" Rainis asi un pamatoti kritizēja kosmopolītus, kas iedomājās, ka liela-

kās nācijas ātri vien "apris", uzsūks mazākās un tādā veidā tuvināšoties vienotai "cilvēcībai". Dzejnieks neapšaubīja viedokli, ka visām nācijām, lielām vai mazām, beigū beigās jāvienojas cilvēcē. Taču viņš atzina, ka visām nācijām būs jāizzūd savstarpējās ietekmēšanās rezultātā, visām tām "kapa zvani skan" un visām būs jāvērēas citā kvalitātē - vienotā cilvēcē:

" Tiks beigās visas tautas nāvē rautas,

Lai celtos atkal. cilvēcībā skautas." (6, 164. lpp.)

Šis domas lielā mērā saskan ar K. Marksa un F. Engelse principiālo nostāju pret "priekšzīmīgu" nāciju pretenzijām pakļaut, uzsūkt sevi vājākas un mazākas nācijas un tautības (1, 157. un 158. lpp.).

Dzejnieks kritizēja arī vācu filozofa idealista O. Špenglera izvirzīto cilvēces attīstības gaitas pesimistisko koncepciju, uzstājās pret nezinātnisko uzskatu par dažādu individuālu, norobežotu "kultūru" neatkarīgo un neatkarījamo rašanos, uzplaukumu un bojā eju. Nepiekrītot O. Špenglera darba "Eiropas noriets" domām par Rietumu kultūras vispārīgo bojā eju, dzejnieks atzina, ka "bojā ejai" ir nolemta tikai buržuāzija un tās reakcionārā kultūra, turpretī progresīvās kultūras glābīņ ir proletariāta kustībās: "Mēs zinām glābīņu, bet pilsonība nevar teikt, kur ir glābīņ, tas ir preču ražotājos, bet pilsonība to nevar teikt, tad viņai jānoliedz pašai sevi" (10, inv. Nr. 120831).

Raiņa domu lielais dziļums vairāk nekā jebkad agrāk praktiski sāk pierādīties mūsu dienās. Sociālajā praksē reālā sociālisma ietvaros sāk veidoties kvalitatīvi jaunas vēsturiskas cilvēku kopības. Tas norisinās vienlaikus ar āķīru, nāciju un tautību attīstību. Padomju tauta attīstās daudz nacionālas valsts ietvaros. Nākotnē internacionālās cilvēku kopības iegūs aizvien plašākas aprīses. Tādu procesu savā laikā bija paredzējis arī Raiņis. Dzejnieks vēlējas redzēt uz zemeslodes dziļi humānas cilvēku attiecības, kur "būs visi ļaudis biedri, solidāritāte, ne sentimentāla un liekuļota mīla, nebūs vergu, bet visi strādās" (10, inv. Nr. 23099).

Nobeigumā jāsecina, ka Raiņa uzskatu buržuāziski nacionālistiskās falsifikācijas ir klaji tendencioza rakstura, to galvenais uzdevums ir iesaistīt dzejnieku atstāto mantojumu mūsdienu ideoloģiskajā cīņā antikommunisma pusē. Reakcionārās latviešu emigrācijas pārstāvji, vadoties pēc savām šķiriskām un grupiskām interesēm, grib arī parādīt, ka, lūk, viņi kopā ar Raini ir norūpējušies par latviešu tautas pagātņi, tagadņi un nākotņi, par tās kultūras vērtību attīstību. Šajos nolūkos tiek visdažādākos veidos un virzienos popularizētas versijas par dzejnieka nacionālismu un reliģiozitāti. Falsifikatoru kopīga iezīme ir tā, ka viņi par katru cenu cenšas atraut Raiņa uzskatus no zinātniskā sociālisma, proletāriskā internacionālisma un patriotisma idejām un padarīt tos naidīgus šīm idejām. Viens no Raiņa falsifikatoru ideoloģiskajiem mērķiem ir pārvērst dzejnieku par savdabīgu "simbolu", ap kuru varētu vienoties antikommunistiski noskaņotās aprindas.

Dzejnieka domātāja paustā dzimtenes mīlestība, optimistiskās pārdomas par nācījas un cilvēces likteņiem, to attīstības perspektīvām nākotnē organiski iekļaujas viņa proletāriskā internacionālisma idejās un cieši saistās ar viņa cīņu par sociālistiskās sabiedrības ideālu. Neatņemama Raiņa pasaules uzskata iezīme ir proletāriskais internacionālisms un patriotisms.

Literatūras saraksts

1. Mārks K. un Engēlss F. Vēstulu izlase. R.: LVI, 1952.
2. Ļeņins V.I. Labāk mazāk, toties labāk.—Raksti, 33. sēj.
3. Rainis J. Literārais mantojums: 2 sējumos.
R.: Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1957, 1. sēj.
4. Rainis J. Kopoti raksti: 14 sējumos.
R.: LVI, 1951, 14. sēj.
5. Rainis J. Kopoti raksti: 30 sējumos.
R.: Zinātne, 1977, 1. sēj.

6. Rainis J. Kopoti raksti:30 sējums.
R.:Zinātne,1977,2.sēj.
7. Rainis J. Kopoti raksti:30 sējums.
R.:Zinātne,1978,5.sēj.
8. Rainis J. Kopoti raksti:30 sējums.
R.:Zinātne,1980,10.sēj.
9. Rainis J. Dzīve un darbi:11 sējums. R., 1925,9.sēj.
10. Raiņa Literatūras un Mākslas vēstures muzeja materiāli,
inv. Nr. (saīsināti RLMVM):
11. Samsons V. Tautas dzejnieka J. Raiņa mantojums. -
Grām.: Raiņa gadagrāmata 1979. R.: Liesma,
1979.
12. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1967. gadam. RAF izde-
vums, 1966.
13. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1969. gadam. RAF izde-
vums, 1968.
14. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1970. gadam. RAF izde-
vums, 1969.
15. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1971. gadam. RAF izde-
vums, 1970.
16. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1973. gadam. RAF izde-
vums, 1972.
17. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1974. gadam. RAF izde-
vums, 1973.
18. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1977. gadam. RAF izde-
vums, 1976.
19. Raiņa un Aspazijas gadagrāmata 1978. gadam. RAF izde-
vums, 1977.
20. Cielēns F. Laikmetu maiņa:3 sējums.
Sweden:Memento,1961,1.sēj.
21. Ziedonis A. The Religions Philosophy of Janis Rainis.
USA.Jova:Wawerly,1969.
22. Mikainis Z. Rainis - internacionālists un patriots.
R.: Liesma, 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Э.Миронова. Критика некоторых современных буржуазных фальсификаций политики КПСС в области патриотического и интернационального воспитания трудящихся	5
2. M.Krūmiņa. Cīņa pret nacionālisma paliekām - svarīgs sociālistiskās sabiedrības uzdevums	23
3. Ф.Раевская, Дз.Шмидре. Критика освещения буржуазными идеологами роли и значения двуязычия в СССР	41
4. Ю.Голдманис. Идеологическая деятельность Компартии Латвии в борьбе с буржуазным национализмом (1945-1953 гг.)	60
5. А.Странга. Националистические тенденции во внешней политике буржуазной Латвии в 20-е годы	85
6. А.Страуме. Идеологическая борьба Коммунистической партии Латвии против национализма и шовинизма в 1920-1934 гг.	110
7. Z.Mikainis. Raina sabiedrisko uzskatu buržuāziski nacionālistisko falsificējumu kritika	127

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1982

На латышском и русском языках

NACIONĀLĀS ATTIECĪBAS UN IDEOLOĢISKĀ CĪŅA

Zinātnisko rakstu krājums

Redaktori: F.Rajevska, R.Dovgoplova, I.Audrina
Tehniskā redaktore I.Fridberga
Korektore I.Balode

Parakstīts iespiešanai 04.11.1982. JT 09149. Papīra formāts 60x84/16. Papīrs Nr.1. 9,5 fiz.iespiedl. 8,8 uzsk.iespiedl. 7,3 uzsk.izdevn.l. Metiens 300 eks. Pasūt.Nr.1816.
Maksā 1 rbl. 10 kap.

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 226098, Raina bulv.19
Iespiests P.Stučkas LVU tipogrāfijā
Rīga 226050, Veidenbauma ielā 5